

9/08/1
590.
K-568 34

36

ПРЕДРЕЧЕНО
1937 г.

СБОРНИКЪ

статей въ честь

проф. В. П. БУЗЕСКУЛА.

Изданъ по поводу тридцатилѣтія его научно-преподавательской
дѣятельности.

1190000-42.
✓
65443
N

ХАРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА
№
СБОРНИКЪ 12 КИТОВЪ

ХАРЬКОВЪ

Типографія „Печатное Дѣло“, Конторская, Нлещевскій пер., № 3.
1914.

51 58 08 99

XXI томъ Сборника Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ
Харьковскомъ университетѣ.

B. Bysecky

Къ тридцатилѣтію научной дѣятельности Владислава Петровича Бузескула.

I.

Адресъ Историко-филологическаго факультета Императорскаго Харьковскаго Университета:

Глубокоуважаемый и дорогой

Владиславъ Петровичъ!

Сегодня Вы празднуете тридцатилѣтіе вашей научной дѣятельности. Празднуемъ этотъ день съ сердечной радостію и мы—ваши товарищи по факультету; празднуемъ юбилей ученаго, отдающаго родному университету всѣ свои силы. Ваши многочисленные изслѣдованія въ области всеобщей исторіи, начиная съ самыхъ раннихъ,—цѣнная страница въ исторіи гуманитарныхъ наукъ, и мы гордимся, что она принадлежитъ питомцу нашей alma mater и достойнѣйшему члену университетской семьи. Широкая популярность вашихъ трудовъ по исторіи Греціи, отношеніе къ нимъ русской и западно-европейской критики, переводъ вашего „Введенія въ исторію Греціи“, при содѣйствіи чешской академіи наукъ, на чешскій языкъ—краснорѣчивые показатели вашихъ научныхъ заслугъ. Ваше „Введеніе“ стало настольною книгою: оно представляетъ единственный въ своемъ родѣ трудъ не только въ нашей научной литературѣ, но и въ западной. Намъ извѣстно, что такого руководства нѣтъ до сихъ поръ ни въ Германіи, ни во Франціи. Какъ объективный изслѣдователь Вы никогда не забываете, что идеаломъ историка является „die historische Wahrheit der Welt zu vergegenwärtigen, и руководствовались этимъ принципомъ какъ въ Вашей юношеской работѣ, посвященной русской исторіи, такъ и въ другихъ, дающихъ яркое изображеніе общественнаго и государственнаго строя древней Эллады, ея вѣрованій и идеаловъ—въ „Периклѣ“, „Аѳинской политіи“ и „Исторіи аѳинской демократіи“. Какъ академическій дѣятель, ставящій интересы науки и просвѣщенія выше всего, какъ истинный носитель лучшихъ университетскихъ преданій и завѣтовъ, Вы,

дорогой Владиславъ Петровичъ, Вашею тридцатилѣтней дѣятельностью вписываете въ исторію нашего факультета и университета страницу, надъ которой съ отраднымъ чувствомъ остановится будущій историкъ. Но мы цѣнимъ Васъ не только какъ ученаго; цѣнимъ въ Васъ человѣка высокой души и товарища добраго и отзывчиваго. Привѣтствуя Васъ, мы выражаемъ надежду еще долго-долго видѣть нашего дорогого сочлена въ добромъ здоровьѣ, полнымъ энергіи и душевной бодрости. Да будетъ же Вашъ научный праздникъ свѣтелъ и радостенъ; да будутъ свѣтлы и радостны и дальнѣйшіе годы Вашей научной и преподавательской дѣятельности въ родномъ университетѣ!

II.

Отъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества:

Глубокоуважаемый

Владиславъ Петровичъ!

Харьковское Историко-филологическое общество и Педагогическій отдѣлъ выражаютъ Вамъ, Владиславъ Петровичъ, въ день 30-лѣтія Вашей служебной дѣятельности, свое глубокое уваженіе, какъ славному ученому, и сердечную признательность, какъ неизмѣнно доброжелательному своему члену. Ваши многочисленные доклады о выдающихся западныхъ ученыхъ—Ранке, Зибелѣ, Дройзентѣ, о почившихъ русскихъ ученыхъ—Петровѣ (М. Н.), Васильевскомъ, Корелинѣ, вообще Ваши многочисленные и въ высокой степени интересные доклады о новѣйшихъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ въ области классическихъ изученій, Ваше живое участіе въ обсужденіи рефератовъ членовъ общества и отдѣла, поучительныя публичныя лекціи, участіе въ тѣхъ женскихъ курсахъ, которые одно время вело Историко-филологическое общество, и въ тѣхъ научно-популярныхъ чтеніяхъ, которыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ шли съ большимъ успѣхомъ отъ имени Педагогическаго отдѣла,—все это для общества и отдѣла составляетъ дорогое воспоминаніе и драгоценное достояніе. Историко-филологическое общество и Педагогическій отдѣлъ счастливы, что сохраняютъ до сихъ поръ въ Вашемъ лицѣ дорогого, уважаемаго и любимаго члена и продолжаютъ пользоваться вашимъ высокоцѣннымъ и авторитетнымъ научнымъ сотрудничествомъ. Позвольте же пожелать Вамъ, глубокоуважаемый Владиславъ Петровичъ, неизмѣнной душевной бодрости и тѣлеснаго здоровья на многіе и многіе годы, во славу и процвѣтаніе исторической науки вообще и ея мѣстныхъ проявленій, въ частности.

Отъ учениковъ В. П. Бузескула, нынѣ преподавателей Харькова:

*Дорогой профессоръ
Владиславъ Петровичъ!*

Покинувши стѣны Харьковскаго университета, гдѣ цѣликомъ протекла Ваша многолѣтняя научно-педагогическая дѣятельность, мы, тѣмъ не менѣе, не разстались съ Вами. Ваши труды сдѣлались нашими настольными книгами, безъ которыхъ невозможно обойтись, преподавая исторію въ средней школѣ.

Каждая строчка Вашихъ трудовъ напоминаетъ намъ ваше увлеченіе своимъ предметомъ, которое захватывало и дѣлало насъ Вашими постоянными слушателями. Насъ трогало и оставило глубокой слѣдъ Ваше преклоненіе передъ наукой, предъ ея дѣятелями и предъ университетомъ, какъ учрежденіемъ, творящимъ науку и распространяющимъ просвѣщеніе. Въ этомъ своеобразномъ культѣ науки, являвшемся господствующей чертой Вашего характера, мы видимъ и цѣнимъ проявленіе высокой культурности въ лучшемъ смыслѣ слова. Вы горячо протестовали противъ всякаго давленія на научную работу, откуда бы оно ни исходило. Словомъ, Вы были всегда носителемъ благородныхъ традицій лучшихъ русскихъ профессоровъ.

Въ своихъ отношеніяхъ съ нами и въ то еще время, когда мы сидѣли на университетскихъ скамьяхъ, и тогда, когда мы начинали самостоятельно работать,—Вы были неизмѣнно внимательнымъ, доброжелательнымъ, гуманнымъ, сами шли навстрѣчу нашимъ нуждамъ, не отказывая никому ни въ совѣтѣ, ни въ книгѣ, ни въ личномъ содѣйствіи.

Мы счастливы, что сегодняшній день, день Вашей 30-лѣтней научно-педагогической дѣятельности, даетъ намъ возможность вернуть крупницу нашего неоплатнаго передъ вами долга благодарности, принести наши сердечныя и искреннія пожеланія долгой жизни, здоровья и дѣятельности во славу русской науки и Харьковскаго университета.

Отъ слушательницъ Историко-филологическаго факультета Высшихъ женскихъ курсовъ:

*Глубокоуважаемый профессоръ
Владиславъ Петровичъ!*

Наканунѣ 30-лѣтія Вашей неутомимой научной дѣятельности мы счастливы возможностью выразить Вамъ свою искреннюю благодарность

за тѣ минуты истиннаго наслажденія научнымъ познаніемъ, которыя мы переживаемъ на Вашихъ лекціяхъ. Прекрасныя по изложенію, глубокія по содержанію и полныя строгой объективности свѣтъ сближаютъ насъ съ изучаемой эпохой, развиваютъ живой интересъ къ ней, порождаютъ стремленіе къ самостоятельному научному труду. Ваши лекціи навсегда останутся одной изъ свѣтлыхъ страницъ нашей курсовой жизни.

Мы чествуемъ въ Васъ и поборника женскаго образованія, положившаго много труда на созданіе нашихъ курсовъ. Всей душой вѣримъ, что еще долгіе годы они будутъ видѣть Васъ въ числѣ своихъ лучшихъ лекторовъ.

V.

Отъ слушателей педагогическихъ курсовъ при Харьковскомъ учебномъ округѣ:

Мы, слушатели педагогическихъ курсовъ при Харьковскомъ учебномъ округѣ, привѣтствуемъ Васъ, дорогой профессоръ, Владиславъ Петровичъ, въ день тридцатилѣтняго юбилея Вашей ученой дѣятельности и выражаемъ пожеланіе, чтобы Вы еще долго и плодотворно поработали для дорогой Вамъ науки на пользу и процвѣтаніе какъ университета, такъ и нашихъ молодыхъ еще курсовъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что, работая подъ Вашимъ руководствомъ, мы достигнемъ той цѣли, которая поставлена существованію нашихъ курсовъ—подготовкѣ изъ насъ болѣе опытныхъ преподавателей средней школы; мы вѣримъ, что передадимъ молодому поколѣнію, къ руководству которымъ готовятъ насъ курсы, все то, что Вы даете намъ.

Ваше увлеченіе исторіей, Ваши призывы къ работѣ да послужатъ для насъ примѣромъ жизни, не бесполезно прожитой. Искренно желаемъ, чтобы въ аудиторіяхъ университета, въ которыхъ пріютилось и наше молодое учрежденіе, еще долго звучала Ваша рѣчь!

VI.

Отъ Общества взаимопомощи студентовъ-филологовъ Харьковского Университета:

Глубокоуважаемый

Владиславъ Петровичъ!

Общество взаимопомощи студентовъ-филологовъ Харьковского университета привѣтствуетъ Васъ въ день Вашего 30-лѣтняго юбилея. Еще въ первые дни существованія общества Вы, глубокоуважаемый

Владиславъ Петровичъ, пошли ему навстрѣчу. Отзываясь на нужды общества, читая въ его пользу публичныя лекціи и разрѣшивъ изданіе своего курса греческой исторіи, Вы содѣйствовали осуществленію задачъ общества. Общество, избравъ Васъ своимъ почетнымъ членомъ, уже засвидѣтельствовало Вамъ свою признательность. Теперь же, привѣтствуя Васъ въ этотъ знаменательный день и принося еще разъ глубокую благодарность, общество желаетъ Вамъ долгихъ лѣтъ бодрости и силъ.

Проф. В. П. Бузескуль, какъ историкъ античнаго міра.

Въ исторіи человѣчества едва ли найдется другая эпоха, которая бы возбуждала къ себѣ такое глубокое непрекращающееся вниманіе, какъ исторія древней Эллады. Каждый вѣкъ, со временъ Возрожденія, искалъ въ ея прошломъ отвѣта на тѣ или другіе свои запросы, изучалъ это прошлое въ духѣ своихъ преобладающихъ умственныхъ настроеній. Была пора романтической идеализаціи эллинизма, пора чисто эстетическаго созерцанія, которое рождала его «почившая во гробѣ красота», было время, когда въ его исторіи искали политическихъ уроковъ и матеріала для морализированія, и все это смѣнилось трезвымъ, холоднымъ изученіемъ хозяйственныхъ и социальныхъ отношеній древности, какъ извѣстнаго соціологическаго типа. Однако, при всѣхъ этихъ смѣнахъ въ способахъ воспріятія и пониманія греческой древности, ничто не могло уничтожить того, что было общимъ всѣмъ эпохамъ: глубокаго обаянія, которое она все еще сохраняетъ надъ нашимъ сознаніемъ, того ореола исключительной міровой значительности, которую мы продолжаемъ приписывать историческому процессу греческаго народа. И пусть XIX вѣкъ раскинулъ предъ изслѣдователемъ въ тиши архивовъ безпредѣльное поле новыхъ изысканій: научная пытливость все такъ же неизмѣнно приковывается къ прошлому этой маленькой страны на европейскомъ югѣ, духовной родины нашего индивидуализма и общественной свободы...

Проф. В. П. Бузескуль принадлежитъ къ числу ученыхъ, сдѣлавшихъ изученіе этой эпохи трудомъ своей жизни: онъ—историкъ греческой древности и, въ особенности, V вѣка въ Афинахъ, когда эллинская мысль и трудъ создали вѣчныя культурныя цѣнности. Изображенію этой поры посвящена большая часть работъ В. П. Историкъ постоянно обращается къ неисчерпаемому культурно-историческому матеріалу, оставленному намъ афинскимъ прошлымъ. На этихъ историческихъ работахъ лежитъ печать личнаго своеобразія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ стоятъ въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ научной работы въ области древней исторіи и не могутъ разсматриваться независимо отъ тенденцій и методовъ послѣдней за истекшую четверть вѣка.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ нѣмецкой литературѣ появилось нѣсколько работъ, посвященныхъ аѣинской демократіи V вѣка и ея руководителю—Периклу. Авторы ихъ касались различныхъ сторонъ государственной дѣятельности Перикла и, въ частности, внѣшней его политики въ эпоху рокового столкновенія со Спартой. То былъ придиричивый обвинительный актъ по адресу «великаго парламентарія»: Периклу ставилось на видъ и вся его система управленія, основанная на коррупціи, и его дипломатическая неумѣлость, и промахи полководца. Бросался въ глаза полемически-страстный тонъ этихъ обличеній, какъ будто ихъ предметомъ была жгучая злоба дня, а не далекія событія и лица, покоившіяся на кладбищѣ исторіи. «Новый взглядъ на Перикла» уже по одному этому нуждался въ тщательномъ и спокойномъ пересмотрѣ.

Попыткою такого пересмотра и явилось изслѣдованіе В. П.—«Периклъ. Историко-критическій этюдъ» (1889). Авторъ стремится найти правильный путь среди хаоса противорѣчивыхъ источниковъ и мнѣній, даетъ характеристику «прежнихъ и новыхъ взглядовъ на Перикла», затѣмъ разсматриваетъ вопросъ о достовѣрности важнѣйшаго источника для изучаемаго времени—Фукидида. Анализъ фукидидовской исторіографіи можетъ считаться образцомъ искуснаго примѣненія положеній такъ наз. внутренней критики; выводы В. П. относительно «политическаго демократизма» Фукидида остались непоколебленными критикой въ научномъ спорѣ, завязавшемся послѣ выхода въ свѣтъ «Перикла».

Авторъ характеризуетъ далѣе общій ходъ аттической исторіи до Перикла и доказываетъ, что основы радикальной демократіи, морского могущества и имперіалистической политики, а также и соперничество со Спартой,—все это были готовые факты аѣинской жизни уже до изучаемой эпохи. Вторая половина книги—политическая біографія Перикла, дѣятельность котораго все время изучается въ связи съ культурно-общественной обстановкой. Перикловы реформы—доказываетъ здѣсь В. П.—были логическимъ послѣдствіемъ предыдущаго хода аѣинской исторіи; онъ защищаетъ и «перикловъ планъ войны», вскрывая промахи его новѣйшихъ критиковъ. Результаты изслѣдованія оказываются неблагоприятными для представителей «новаго взгляда»: Периклъ попрежнему—«одинъ изъ величественныхъ образовъ въ исторіи», но—оговаривается В. П.—онъ «не былъ тѣмъ реформаторомъ, который пролагалъ совершенно новые пути», онъ былъ лишь завершителемъ дѣла Солона и Клисѣена», стоялъ, какъ всѣ великіе дѣятели исторіи, на плечахъ предшествующихъ поколѣній. И здѣсь же высказываетъ авторъ свое основное научное убѣжденіе, подъ угломъ онъ конструируетъ всю исторію Аѣинъ—мысль о «постепенномъ, чрезвычайно послѣдовательномъ и

чисто органическомъ развитіи государственнаго строя Аѳинъ». Новая историческія данныя дали въ послѣдствіи опору многимъ взглядамъ, высказаннымъ въ «Периклѣ».

Дальнѣйшая научная дѣятельность проф. В. П. Бузескула неразрывно связана съ открытіемъ замѣчательнаго историческаго памятника — трактата «объ аѳинскомъ государствѣ» Аристотеля. Обнародованіе этой «Аѳинской политіи» въ 1891 г. вызвало сильное и плодотворное движеніе среди историковъ древняго міра, которымъ пришлось пересмотрѣть при свѣтѣ новыхъ данныхъ все историческое преданіе объ аѳинскомъ прошломъ.

Древній папирусъ, «непочтительно вынесенный на свѣтъ Божій англичанами», давалъ поводы къ разнорѣчивымъ сужденіямъ; вопросъ о достовѣрности его извѣстій и самое ихъ содержаніе сдѣлались предметомъ ожесточенныхъ споровъ.

В. П. принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ вопросовъ, вызванныхъ этимъ неожиданнымъ открытіемъ. Въ рядѣ статей, замѣтокъ и рецензій онъ велеть лѣтопись научнаго движенія, вызваннаго трактатомъ, и въ то же время самостоятельно изслѣдуетъ поставленныя имъ проблемы. Часть этихъ статей вошла въ составъ докторской диссертации 1895 года: „Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в.“.

Историко-критическія задачи и здѣсь занимаютъ видное положеніе. Главная цѣль труда — изслѣдованіе *текста* трактата: его происхожденія, времени составленія, отношенія къ прочей традиціи. Важнѣйшимъ результатомъ является установленіе авторства Аристотеля, и эту часть изслѣдованій В. П., въ особенности, сличеніе „Политіи“ съ „Политикой“ и анализъ кажущихся „противорѣчій“, надо признать самою цѣнною въ его книгѣ. Немалый интересъ представляетъ и обширная историографическая глава, написанная съ большимъ подъемомъ и изображающая всѣ этапы, чрезъ которые прошло изученіе трактата съ момента его появленія. „Съ изумительнымъ трудолюбіемъ и величайшей тщательностью“ (отзывъ нѣмецкаго филологическаго журнала) собрана здѣсь необозримая литература, порожденная „Политіей“; обзоръ этотъ, образцовый по полнотѣ и точности указаній, остается до настоящаго времени „драгоценнымъ пособіемъ для всякаго специалиста“ („Русск. Мысль“, 1895). Послѣдняя глава содержитъ пересмотръ установившейся традиціи о государственномъ развитіи Аѳинъ, какъ бы повѣрку ея жизнеспособности при соприкосновеніи съ новымъ матеріаломъ. И здѣсь содержится рядъ важныхъ выводовъ, основанныхъ на изученіи новооткрытаго источника: таково тонкое хронологическое изслѣдованіе о „Оемистоклѣ и реформѣ ареопага“ или установленіе позднѣйшей вставки, интерполяціи, въ изображеніи драконтовскаго строя. Не

лишено интереса то обстоятельство, что позднѣйшая литература, посвященная этому спорному вопросу (напр., статья У. Вилькена), въ сущности, повторяетъ—хотя и независимо отъ изслѣдованій В. П.—высказанныя имъ соображенія. Въ обширной спеціальной—русской и иностранной—литературѣ, посвященной трактату Аристотеля, изслѣдованіе В. П. явилось одной изъ немногихъ обобщающихъ работъ по этому вопросу и въ этомъ отношеніи должна быть поставлена на ряду съ извѣстной книгой Виламовица и, по признанію нѣмецкаго рецензента, является даже „болѣе полезной въ качествѣ введенія въ изученіе трактата“, чѣмъ несистематическій, гениально-парадоксальный трудъ прославленнаго эллиниста.

Труды В. П., принадлежащіе послѣднему десятилѣтію,—менѣе спеціального свойства, охватываютъ болѣе обширные періоды („Исторія аѳинской демократіи“, 1909) и общіе вопросы („Современное научное движеніе въ области греческой исторіи“) или посвящены исторіи науки („Введеніе въ исторію Греціи“ 1903. 2-е изд. 1904); нѣкоторые изъ нихъ носятъ научно-популярный („Женскій вопросъ въ древней Греціи“ и друг.) или научно-педагогическій характеръ („Краткое введеніе въ исторію Греціи“, 1910).

Общею канвою для „Введенія въ исторію Греціи“ послужили лекціи по греческой исторіографіи, читанныя въ университетѣ. „На рубежѣ истекшаго XIX и новаго XX стол.“ авторъ считалъ „полезнымъ обозрѣть разнообразный матеріалъ, которымъ располагаетъ современная наука по части греческой исторіи“, „изобразить движеніе, которое происходило въ этой области“. „Введеніе“, которое должно было явиться, по мысли автора, „страницей изъ исторіи умственной жизни древности и XIX вѣка“, естественно дѣлится на двѣ части—1) обзоръ источниковъ и 2) исторію разработки греческой исторіи въ XIX в. Читатель знакомится со всѣми элементами преданія о древней Греціи—съ вещественными памятниками и надписями, „каменнымъ архивомъ“ древности, литературными произведеніями и историками. Вторая часть знакомитъ съ поразительными успѣхами археологіи въ XIX в., которому, по справедливости, должно принадлежать имя „вѣка великихъ открытій“. Одушевленные страницы посвящены Генриху Шлиману, впервые „приподнявшему завѣсу, которая скрывала отъ насъ древнѣйшій періодъ греческой исторіи“, и его преемникамъ, новымъ „конквистадорамъ“, отправившимся на поиски „новаго міра“—среди руинъ древнихъ цивилизацій. Отъ этихъ поэтическихъ страницъ вѣетъ энтузіазмомъ къ наукѣ и научной истинѣ, передающимся читателю...

„Прекрасная, увлекательная книга, написанная съ любовью и глубокимъ знаніемъ предмета... Она рисуетъ трудный ходъ одного изъ величайшихъ завоеваній человѣческаго ума—исторію открытія и воз-

становленія античной древности. И какая картина открывается здѣсь передъ глазами! Съ самозабвеніемъ, съ неслыханными усиліями роютъ люди вглубь земли, все глубже и глубже, и изъ нѣдръ ея выносятъ камни и песчинки, на которыя распалась дивная храмина древняго міра; и другіе люди, какъ землекопы изъ-подъ обвала, выбиваются со свѣточемъ знанія изъ-подъ этихъ развалинъ и камень за камнемъ воздвигаютъ вновь разрушенное вѣками. Оживаетъ мертвое, на иконописныхъ ликахъ выступаетъ живой румянецъ; слова, полныя смысла, смутно и потомъ все явственнѣе доносятся до нашего слуха; вмѣсто героевъ, передъ нами люди, какъ мы, волнующеся нашими радостями и скорбями. Все то же, но насколько прекраснѣе! То же небо, что и теперь, было и надъ той Элладой; тѣ же волны омывали ея берега; но другіе, дѣтски свѣтлые глаза, смотрѣли тогда на небо и на море, и міръ, неизмѣнный отъ вѣка, кажется намъ юнѣе и чудеснѣе, когда мы глядимъ на его отраженіе въ этихъ ясныхъ зрачкахъ... Какая-то мягкость разлита во всей этой книгѣ проф. Бузескула, изящной внутри и снаружи; поразительная эрудиція автора не умалила ни художественности, ни замѣчательной плавности разсказа“ (Научн. Слово, 1903).

И терпѣливая работа кабинетныхъ изслѣдователей, повѣсть о многолѣтнихъ колоссальныхъ изданіяхъ источниковъ, смѣна научныхъ направленій и идей—нашли себѣ мѣсто въ «Введеніи», которое, по вѣрному опредѣленію, является «цѣлой энциклопедіей греческой исторіи», «равно драгоценно и для спеціалиста и для всякаго развитого человѣка».

Критика указала на значеніе, какое имѣетъ эта книга и для средней школы, давая преподавателю въ руки прекрасное орудіе для борьбы съ устарѣлымъ матеріаломъ, еще не вытѣсненнымъ изъ среднешкольнаго преподаванія исторіи. Выдающимся качествамъ книги соотвѣтствовалъ внѣшній успѣхъ: въ продолженіе семи лѣтъ «Введеніе» пережило 4 изданія (изъ нихъ одно—въ 1909 г. на чешскомъ языкѣ, другое—въ сокращеніи, въ качествѣ университетскаго учебника, въ 1910 г.).

«Исторія афинской демократіи» (1909)—второй историческій трудъ проф. В. П. Бузескула, возникшій въ связи съ университетскимъ преподаваніемъ. Авторъ имѣлъ въ виду «не только самый строй и учрежденія, но и среду, воззрѣнія, настроенія». При разсмотрѣніи политическаго уклада выдвинуты и внутреннія силы и взаимоотношенія, знакомимся съ политическими программами и идеалами правящихъ группъ демократическаго общества и со скрытой работой его враговъ—олигарховъ и ихъ идеологіей. Историки все меньше служатъ автору по мѣрѣ того, какъ онъ обращается къ изображенію умственнаго движенія V в., касается юридическаго и бытового положенія рабовъ или рисуется женщину въ афинскомъ обществѣ. Философы и публицисты,

«мыслитель сцены» Эврипидъ и портретистъ-сатирикъ Аристофанъ, кривое зеркало афинской жизни, снабжаютъ В. П. цѣнными человѣческими документами, и онъ при ихъ помощи создаетъ необыкновенно жизненную, цвѣтную, выпуклую картину культурнаго быта Аѳинъ на рубежѣ V и IV вв. Разсказъ о появленіи въ Аѳинахъ влстителя думъ вѣка, Протагора, или характеристика типическаго образа эпохи, геліаста,—образцы такой художнической изобразительности, воскрешающей прошлое.

Разнообразные по своему характеру и замыслу историческіе труды проф. В. П. Бузескула проникнуты извѣстнымъ внутреннимъ единствомъ. Каждый изъ нихъ является какъ бы новою ступенью въ осуществленіи научнаго плана, рассматриваетъ съ новой стороны все тотъ-же сложный, полный противорѣчій коллективный образъ, который поднимается съ этихъ страницъ надъ пестрымъ міромъ историческихъ индивидуальностей. Этотъ образъ—греческая демократія. Она—неизмѣнный герой всѣхъ историческихъ работъ В. П.: ея „защитѣ“ посвящены лучшія страницы „работы его молодости“, въ Аѳинской политіи“ онъ прослѣдилъ процессъ образованія и сложенія историческаго преданія объ этой демократіи и въ „Введеніи“ отдаетъ не мало страницъ ея старымъ историкамъ и пишетъ галерею портретовъ ея благоговѣнно-преданныхъ жрецовъ, пламенныхъ адвокатовъ, и злыхъ недруговъ—въ наукѣ XIX в.; въ „Исторіи афинской демократіи“ описана судьба самого демоса, его борьба за политическое право и политическое всемогущество, его паденія и его возстанія до той минуты, когда македонскій бронированный кулакъ положилъ конецъ разнообразнымъ метаморфозамъ этой единственной въ вѣкахъ общественности.

Какое положеніе занимаетъ В. П. въ вопросѣ объ историческомъ значеніи демократіи? Началу его научной дѣятельности предшествовало время „ожесточенныхъ нападковъ на демократію и развѣчанія ея дѣятелей“. В. П. является противникомъ такого антинаучнаго субъективизма, судящаго объ учрежденіяхъ и дѣятеляхъ прошлаго съ точки зрѣнія усложнившихся запросовъ современности. Но онъ и противъ идеализаціи, „пзлизняго преклоненія“ предъ Аѳинами, въ которомъ повинны многіе филологи и историки, часто ставившіе ихъ дѣятелей на особый пьедесталъ, говорившіе о нихъ особенно восторженнымъ тономъ (Введеніе, 399); недостатокъ „Исторіи Греціи“ Курціуса—отсутствіе реализма, ея „сентиментально-романтическій отпечатокъ“. Задача историка—„взглянуть на афинскую демократію объективно, изобразить ее такой, какою она была въ дѣйствительности, то всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, не черня и не идеализируя ее“ (Ист. афинск. дем., стр. VI). На памяти демократіи „немало грѣховъ и даже преступленій“—и В. П. ярко и убѣжденно рисуетъ эту изнанку

демократіи съ ея соціальною рознью и черною неправдою въ судахъ народа-самодержца, съ культурнымъ реакціонерствомъ ея политически-радикальныхъ элементовъ и низкой оцѣнкой физическаго труда. И все же у нея великія заслуги предъ міромъ! Демократическая организація гражданства съ ея „стройною системою самоограниченія демоса“ (Перикль, 129) близко подошла къ типу правового госудрства, „впервые въ исторіи сознательно и ясно поставила идеаломъ свободу и равноправіе,—свободу въ сочетаніи съ закономъ“ (Ист. аѳ. дем. 464).

Историкъ греческой древности не можетъ обойти вопроса о томъ положеніи, какое занимаетъ изслѣдуемая имъ эпоха въ общемъ развитіи человѣчества. В. П. высказывается неоднократно по вопросу объ отношеніи культуры античной къ новоевропейской. Точка зрѣнія Э. Мейера и Брейзига, утверждающихъ наличность двухъ замкнутыхъ и параллельныхъ круговъ развитія, не охватываетъ, по его мнѣнію, всего историческаго процесса: „она упускаетъ изъ виду несомнѣнно существующую преемственность, наслѣдство и вліяніе прошлаго, силу исторической традиціи“. В. П. не соглашается, однако, съ „экономическимъ аргументомъ“ всемірно-исторической точки зрѣнія—схемой Родбертуса-Бюхера, склоняясь болѣе на сторону ея противниковъ (Введ. 482); описывая состояніе греческой промышленности въ VIII—VII вв., онъ отмѣчаетъ, что взгляды Бюхера „по отношенію къ Греціи оказываются невѣрными“, здѣсь господствовали „высшія формы экономическихъ отношеній“ (Ист. аѳ. дем. 15). „Античность и современность“ имѣютъ вообще много общихъ элементовъ, „всемирная исторія работаетъ при помощи старыхъ идей“... Научной заслугой Пельмана является именно то, что онъ „больше, чѣмъ кто-либо, показалъ, насколько древность, въ сущности, намъ близка“ (Введ. 480). „Античный міръ является намъ не міромъ *sui generis*,—утверждаетъ В. П. въ другомъ мѣстѣ—далекимъ и чуждымъ, а близкимъ и понятнымъ, имѣющимъ много аналогій съ средними и новыми вѣками и съ современностью“ (Ист. аѳ. дем., стр. V). „Многіе изъ тѣхъ жизненныхъ жгучихъ вопросовъ, которые—нерѣшенные еще и теперь—занимаютъ каждаго мыслящаго человѣка, волновали древній міръ“—и В. П. перечисляетъ эти „проклятые вопросы“, поставленные уже античной мыслью: мечта о соціальномъ равенствѣ и споры объ идеальномъ государствѣ, требованія ликвидаціи индивидуалистическаго имущественнаго строя, колализіи личности и общества, вопросъ о рабствѣ и—last not least—проповѣдь опрощенія и осужденіе гипертрофированной культуры.

Размѣры статьи не позволяютъ подробнѣе остановиться на методологическихъ воззрѣніяхъ В. П. Въ наукѣ греческой исторіи онъ—представитель умѣреннаго направленія, противникъ „безпощаднаго скептицизма“ и „увлеченій гиперкритики“ Белоха и друг. „Въ tradi-

ції обь афинской старинѣ все же болѣе достовѣрнаго, чѣмъ утверждаютъ скептики“, и новыя великія открытія подтвердили въ многомъ свидѣтельство поэтовъ и историковъ. Вниманіе изслѣдователей къ социально-экономическимъ явленіямъ вызываетъ сочувствіе В. П.; его взглядъ на роль личности въ исторіи виденъ изъ слѣдующихъ словъ: „Стремленіе (Дункера) объяснять великіе факты исторіи не общими причинами, а ошибками отдѣльнаго лица, есть шагъ назадъ въ исторической наукѣ“ (Перикль, 398).

Въ своемъ „Введеніи“ проф. В. П. Бузескулъ отмѣчаетъ оживленное научное движеніе въ области изученія античнаго міра, характеризующее послѣднюю четверть вѣка. Въ этомъ движеніи онъ самъ, какъ мы только что видѣли, принялъ дѣятельное и плодотворное участіе. Если „для одного дня синтеза нужны годы анализа“ (Фюстель-де-Куланжъ), то такую синтетическую задачу, *summi opus* для изслѣдователя, отдавашаго цѣлые годы углубленнаго труда изученію греческой жизни, является исторія греческаго общества и государства вообще, на всемъ пространствѣ доступнаго изслѣдованію ихъ прошлаго. Намъ остается присоединиться къ пожеланіямъ критики, чтобы эта задача была осуществлена въ ближайшемъ будущемъ выдающимся представителемъ русской университетской науки, который воплощаетъ въ себѣ—говоря его собственными словами обь Эрнстѣ Курциусѣ—„типъ идеалиста ученаго, стоящаго далеко отъ злобы дня и политической борьбы, чуждаго національной ненависти, всецѣло преданнаго столь любимой имъ классической древности“.

4 декабря 1911 года.

Н. Гольдинъ.

Печатные труды проф. В. П. Бузескула.

1. „О занятіи Галича Мстиславомъ Удалымъ“ (хронологическая замѣтка—отрывокъ изъ медальнаго сочиненія), Журн. Мин. Нар. Просв., 1881, мартъ.
 2. Князь Торопецкій Мстиславъ Мстиславичъ (ibid., 1883, апрѣль, іюнь, августъ).
 3. Папство и Арнольдъ Брешіанскій („Вѣра и Разумъ“, 1884).
 4. Всемирная исторія Ранке (Ж. М. Н. Пр., 1885, августъ; 1886, апрѣль).
 5. Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ. Харьк. 1885 (пробная лекція);
 6. Нѣмецкая исторіографія Вегеле (Ж. М. Н. Пр., 1886, май).
 7. Леопольдъ Ранке (замѣтка въ „Харьк. Вѣдом.“ и болѣе подробная ст. въ Ж. М. Н. Пр., 1886, июль).
 8. Къ біографіи Мих. Наз. Петрова („Харьк. Вѣдом.“, 1887, № 33).
 9. М. П. Петровъ (некрологъ въ Ж. М. Н. Пр., 1887).
 10. Новый взглядъ на государственную дѣятельность Перикла (Ж. М. Н. Пр., 1888, апрѣль).
 11. Обработка къ печати III-го т. „Лекцій по всемірной исторіи“ проф. М. Н. Петрова. Харьк. 1888.
 12. Реформація и католическая реакція въ Польшѣ, 1888 (отдѣльн. оттиски прибавленія къ III т. „Лекцій“ М. Н. Петрова).
 13. Периклъ. Историко-критическій этюдъ. Харьк. 1889. 418 стр. (магистерская диссертация).
- Рецензій:* „Рус. Вѣсти.“, 1889, май; Ж. М. Н. Пр., 1889, май. („Книжн. Новости“); „Рус. Мысль“, 1889, августъ; „Книжн. Вѣсти.“, 1889, № 10; ст. *Θ. Г. Мищенка*, „Θукидидъ—сторонникъ афин. демокр.“, Ж. М. Н. Пр., 1890, августъ; „Книга о книгахъ“, М. 1891; „The Athenaeum“, 1886, 6 July; Berl. Philol. Wochenschr., 1891, № 4).
14. Обработка IV т. „Лекцій“ М. Н. Петрова. Харьк. 1890.

15. Замѣтка о Тэнѣ. 1890 (отдѣльн. оттиски изъ IV т. „Лекцій“ М. Н. Петрова).
16. Двѣ замѣтки о соч. В. К. Надлера: „Александръ I и идея Священнаго Союза“, Ж. М. Н. Пр., 1887, май и т. CCLXV (за подп. Р. Д.).
17. Къ вопросу о политическомъ демократизмѣ Оукпидида (Ж. М. Н. Пр., 1890, декабрь).
18. Двѣ статьи объ „Историческомъ Обзорѣнн“, въ Харьк. Вѣдом., 1891, №№ 24 и 132.
19. Отзывъ о рус. пер. „Греческихъ древностей“ Бузольта, въ „Сѣв. Вѣстн.“, 1891, мартъ и (болѣе подробный) въ „Филолог. Запискахъ“, 1890, вып. VI.
20. Библиографическая замѣтка о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ (Сборн. Истор.-филол. Общ. при Харьк. унив., т. III, 1891).
21. Новооткрытый трактатъ Аристотеля объ аѳинской демократіи („Историч. Обзор.“, т. II, 1891).
22. Ѳемистоклъ и Эфіальтова реформа ареопага (Ж. М. Н. Пр., 1891, июль).
23. О раскопкахъ Шлимана въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѣ (Филол. Обзор., I, 1891).
24. Замѣтка о кн. *Guiraud*, *La vie privée et la vie publ. des Grecs* (Филол. Обзор. II, 1892).
25. Рец. на рефератъ Э. Р. ф. Штерна, „Аѳинская Политія Аристотеля“ (Филол. Обзор., II, 1892).
26. Вопросъ о новооткрытой, Ἀθη. Πολιτεία (Ж. М. Н. Пр., 1892, июль; 1893, май, октябрь).
27. По поводу новыхъ учебниковъ всеобщей исторіи („Харьк. Вѣдом.“, 1893, отъ 3 марта, и въ „Труд. Педаг. отд. Харьк. Истор.-филол. Общ.“).
28. Новое изданіе трактата Аристотеля объ аѳинской политіи (Зап. Имп. Харьк. Унив. 1893, кн. 2).
29. Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе годы (1880—1892) въ ея главныхъ явленіяхъ (Филол. Обзор., IV, 1893).
30. Рецензія на русскій переводъ „Исторіи эллинизма“ Дройзена (Фил. Обзор., V, 1893).
31. Рецензія на „Griechische Geschichte“ Белоха (*ibidem*).
32. Некрологъ В. К. Надлера (Харьк. Вѣд., Ж. М. Н. Пр., Зап. Харьк. Унив. 1894).
33. Ἀθηναίων Πολιτεία Аристотеля (Источники Аристотеля и его отношеніе къ нимъ) (Ж. М. Н. Пр., 1894, июнь—июль).
34. Рец. на „Исслѣдованія по греческой исторіи“ г.г. Маклакова и Гершензона (Фил. Обзор., VII, 1894).

35. Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в. Харьк. 1895. 478 стр. (докторская диссертація).

Рецензія — въ „Фил. Обзор.“, VIII. 1895; Г. Ф. Шульца въ Зап. Харьк. Унив., Унив., 1895, кн. (ср. отчетъ о диспутѣ—*ibid.*), В.А. Шеффера—въ Bursian's Jahresbericht, LXXXIII, 1895, и въ Berl. Phil. Wochenschr., 1896, № 31/32; Русская Мысль, 1895, октябрь; Журн. Мин. Народн. Просв., 1896, январь („Книжн. Нов.“); Д. Д. А. (Алурн)—въ Българск. Прѣгл. (августъ и слѣд.).

36. Некрологъ Н. А. Осокина (Харьк. Вѣд., 1896, 4 января).

37. Двѣ замѣтки о сборникѣ: „Исторія Греціи со времени Пелопон. войны“ (Фил. Обзор., 1896).

38. Генрихъ Зибель, какъ историкъ-политикъ (Зап. Харьк. Унив., 1896, кн. 4-я, и отдѣльно).

39. Эрнстъ Курциусъ (Фил. Обзор., XII, 1897).

40. Замѣтка о рус. пер. „Исторія Греціи“ Белоха (*ibidem*).

41. Замѣтка по поводу книги Н. И. Карьева, „Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса“ (Харьк. Вѣд., 1897, № 97).

42. Возстаніе грековъ и отношеніе къ нему Европы въ 1821—1829 г.г. (Харьк. Вѣд., 1897, № 111—112).

43. Ст. о В. К. Надлерѣ въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза-Ефрона.

44. Павсаній (*ibidem*).

45. Периклъ (*ibidem*).

46. М. Н. Петровъ (*ibidem*).

47. Обработка къ печати лекцій В. К. Надлера по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона (Харьк. 1898).

48. Рецензія на III т. „Griechische Geschichte“ Бузольта (Фил. Обзор., XIV, 1898).

49. Памяти проф. М. С. Корелина (Харьк. Вѣд., 1899, 9 января).

50. Новое изслѣдованіе по исторіи папства въ XI в. (разборъ диссертаціи А. С. Вязигина), Ж. М. Н. Пр., 1899, мартъ.

51. Памяти В. Г. Васильевскаго (Харьк. Вѣд., 1899, 22 мая).

52. Характерныя черты научнаго движенія въ области греч. исторіи за послѣднее 30-лѣтіе (Рѣчь на Кіевск. Археол. Съѣздѣ). (Рус. Мысль, 1900, февр.).

53. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета въ царствованіе Императора Александра III. Харьк. 1900 (на правахъ рукописи).

54. Профессоръ-гуманистъ (въ сборн. „Помощь“, Спб. 1901).

55. Фукидидъ и историческая наука XIX в. (Ж. М. Н. Пр., 1901, и въ сборн. въ честь П. В. Никитина).

56. Тираниія въ Греціи (Энциклоп. Словарь).

57. Тимей (Энцикл. Словарь).
58. Тимофей (*ibidem*).
59. Изучение социальнo-экономической истории Греции (*ibidem*).
60. Исторический процесс по воззрѣніямъ греческихъ историковъ („Образованіе“, 1902, ноябрь).
61. Что читать по греческой исторіи на русскомъ языкѣ въ цѣляхъ самообразованія? („Вѣстн. Самообраз.“, 1903, № 2).
62. Введеніе въ исторію Греціи. Харьк. 1903. 535 стр. изъ „Зап. Харьк. Унив.“ за 1900—1903 г.г. 2-е изд. Харьк. 1904.

Рецензіи на 1-е изд.: „Русск. Вѣд.“, 1903, 31 марта (С. Фортунатова); „Вѣстн. Евр.“, 1903, апрѣль; „Рус. Бог.“, 1903, іюль; „Истор. Вѣстн.“, 1903, августъ; „Рус. Мысль“, 1903, августъ; Ж. М. Н. Пр., 1903, августъ (С. А. Жебелева); „Научн. Слово“, 1903, VII (М. О. Гершензона); „Рус. Школа“, 1903—іюль, августъ (Н. И. Карьева); „Мірѣ Божій“, 1903, окт. (А. К. Дживилеова); „Нов. Время“, прилож. къ № 9940; брошюра А. И. Покровскаго, 50 стр. (Нѣж. 1903; изъ „Изв. Инст.“); „Правда“, 1904, мартъ (с. Н. Никольскаго); „Národní Listy“, 1903, 12 іюня (Prásek); „Deutsche Literaturzeit.“, 1903, № 33 (С. А. Жебелева), „Wochenschr. f. klass. Philol.“, 1903, № 37 (Prásek); Česke Mus. Filol., 1903 (то-же), Česke Časop. Histor., 1903, IX.

Рецензіи на 2-е изд.: „Рус. Бог.“, 1904, окт., „Ж. М. Н. Пр.“, 1904, ноябрь (Книжн. Нов.), „Вѣстн. Самообраз.“ (1904, № 47); „Истор. Вѣстн.“ 1905, февр.; „Рус. Мысль“, 1905, янв.; „Revue histor.“, 1905, mars—avr.

63. Ст. о Дройзенѣ и Э. Курциусѣ въ „Вѣстн. Самообраз.“, 1903, № 36.
64. Женскій вопросъ въ древней Греціи (въ юбилейн. сборникѣ Петерб. Высш. Женск. Курсовъ „Къ свѣту“).
65. Ст. о Шлиманѣ въ „Энциклопедич. Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона.
66. Статья объ Э. Мейерѣ („Вѣстн. Самообр.“, 1904).
67. О Ранке (*ibidem*).
68. О Зибелѣ (*ibidem*).
69. Рец. на „Dějiny“ Прашка (Ж. М. Н. Пр., 1904, іюль).
70. Ст. о Фукидидѣ въ „Энцикл. Слов.“ Брокгауза-Ефрона.
71. О Г. Гротѣ въ „Вѣстн. Самообр.“ (1905).
72. Рец. (на нѣм. яз.) на АХАИКА С. А. Жебелева въ Deutsche Literatur-Zeit., 1905, № 4.
73. Профессоръ М. М. Луинъ, „Харьковскій Грановскій“ (Ж. М. Н. Пр., 1905, февр. и отдѣльно).
74. Рецензія на „Лекціи по исторіи Греціи“ Р. Ю. Виппера (Журн. Мин. Нар. Просв., 1905, окт.).
75. Статья объ „Афинской Политіи“ Аристотеля въ „Энциклоп. Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона (1-е изд.).

76. Стаття о Максѣ Дункерѣ въ „Вѣсти. Самообразованія“, 1905, № 13.

77. Новый источникъ для культурной исторіи начала XVI в. („Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1906, февр.).

78. Рецензія на книгу *А. И. Покровскаго*, „Къ вопросу объ основномъ характерѣ древне-еллинскаго Государства“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1906, май).

79. Исторія Харьковскаго Университета при дѣйствіи Устава 1884 г. (Изъ „Кратк. очерка исторіи Харьк. Унив. за 100 лѣтъ его существованія“). 1906.

80. Альбертъ Сорель, какъ историкъ французской революціи (въ мѣстн. газетѣ, пин. „Утро“, 1906, 21 іюня).

81. Пренія о смертной казни 2300 съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ („Московск. Еженедѣльникъ“, 1907, № 13).

82. Рецензія на „Эллинскую культуру“ *Баумартена, Поланда и Ваинера* („Критич. Обзорѣніе“, 1907, кн. 1).

83. Некрологъ Г. О. Шульца („Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1908, апрѣль).

84. Исторія афинской демократіи. Спб. 1909. VII+468.

Рецензии: „Рус. Вѣдом.“. 1909, 27 янв. (*Н. И. Карьева*); „Вѣсти. Евр.“, 1909, мартъ (*И. Н. Борздина*); „Гермесъ“, 1909, № 6 (*Н. И. Карьева*); „Критическое Обзорѣніе“, 1909, мартъ (*Д. Н. Егорова*); „Историч. Вѣстникъ“, 1909, апр. и тамъ-же, окт.; „Сѣверн. Сіяніе“, 1909, № 6; „Ж. Мин. Нар. Просв.“, 1909, май (*С. А. Жебелева*); „Рѣчь“, 1909, 4 мая; „Рус. Богатство“, 1909, май, „Рус. Мысль“, 1909, іюнь (*В. Периева*), „Ж. Мин. Нар. Пр.“, 1909, іюнь (въ „Отзывахъ о книгахъ“, для Ученаго Комитета, *В. В. Латышева*), „Národní Listy“, 1909, № 112 (*Prásek*), „Literar. Centralblatt“, 1909, № 46 (*E. v. Stern*), „Berl. Philol. Wochenschrift“, 1910, № 20 (*A. Semenov*), „Revue critique“, 1910, № 50, „Listy Filolog.“ 1911 (*Peroutka*).

85. Рецензія на I т. «Общей исторіи европейской культуры» („Критич. Обзорѣніе“, 1909, апр.).

86. Къ какому времени года относятся похождения Чичикова въ I т. „Мертвыхъ Душъ“? (въ Сборн. въ честь Н. О. Сумцова, 1909).

87. Французская книга объ античной демократіи („Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1909, іюнь).

88. Исправленія и дополненія для чешскаго пер. „Введенія въ исторію Греціи“, изданнаго при содѣйствіи Пражск. Акад. Наукъ, въ Прагѣ 1909.

Рецензии на это изданіе: „Listy Filolog.“, 1909, XXXVI, (*Peroutka*), „Národní Listy“, № 312, „Ж. М. Н. Пр.“, 1910, май, въ ст. *Д. П. Шестакова*, Чешск. новости классич. филологіи.

89. Краткое введеніе въ исторію Греціи, Харьк. 1910. VIII+264 стр.

Рецензіи: „Рус. Вѣдом.“, 1910, № 26; „Утро Россіи“, 1910, 14 февр. (Б. И. Сыромятников); „Вѣстн. Евр.“, 1910, мартъ (Библіогр. Листокъ); „Варшавск. Дневникъ“, 1910, 24 февр. (Д. П. Шестакова); „Соврем. Міръ“, 1910, іюнь (И. Н. Бороздина); „Гермесъ“, 1910, № 18. (С. Л. Степанова); „Период. Спис. на Бѣлг. Книж. Друж.“, LXX, (1909), (Г. И. Кацарова); *Histor. Zeitschrift*, 1910, IX (E. Schwartz).

90. Некрологъ А. С. Лебедева („Утро“, 1910, 31 янв.).

91. Болѣе подробный некрологъ А. С. Лебедева въ Ж. М. Н. Пр., 1910, апр.

92. Памяти проф. В. К. Пискорского („Южн. Край“, 1910, 11 авг.).

93. О лекціяхъ В. Ф. Цыха, профессора Харьковскаго Университета въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка (Изъ „Сборника въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьк. 1913.

94. Историческіе этюды. Спб. 1911. VII+405 стр.

Рецензіи на это собраніе статей: „Рус. Вѣдом.“, 1910, 12 окт. (Н. И. Карьева), „Южн. Край“, 1910, 15 окт., „Соврем. Міръ“, 1910, окт. (Е. Тарле) „Вѣстн. Евр.“, 1910, ноябрь („Библіогр. Листокъ“), „Гермесъ“ 1919, № 18 (С. А. Жебелева), „Рус. Богатство“, 1911, май, „Рѣчь“, 1911, № 16).

95. Труды М. М. Стасюлевича по древней исторіи („Вѣстн. Евр.“, 1911, мартъ).

96. Школьное дѣло у древнихъ грековъ по новымъ даннымъ („Вѣстн. Евр.“, 1911, апр.).

97. Новѣйшія гипотезы объ источникѣ „Афинской Политіи“ Аристотеля (въ Сборникѣ въ честь проф. Э. Р. ф. Штерна, Одесса 1913).

98. Античность и современность. Современные темы въ античной Греціи. I+196 стр. Спб. 1913. 2-е дополн. изд.—1914. IV+210 стр.

Рецензіи: „Гермесъ“, № 4, 1893 г. (С. А. Жебелева); „Кремль“, 20 февр. 1913 г. № 51—52; „Завѣты“, февр. 1913 г. И. Н. Бороздина; „Современникъ“, мартъ, 1913; „Кіевская Мысль“, 1913, № 89; „Тифлисскій Листокъ“, 1913, апр. (Е. Г. Кагарова); „Историч. Вѣстникъ“, 1913, май; *Listy Filolog, Rocník* 40, sesit II 1913 (Novotný); „Голосъ Минувшаго“ 1913 май (В. Перцевъ); „Русск. Вѣд.“ 1913, 22 мая; „Русск. Мысль“ 1913, іюнь; „Русск. Богат.“ 1913, авг.; „Современный Міръ“, 1913, сентябрь.

99. Обь отношеніяхъ Т. Н. Грановскаго къ античному міру („Гермесъ“, 1913, № 7, 1 апр.).

100. Сергій Викторовичъ Соловьевъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1913, сент.).

Къ оцѣнкѣ дѣятельности Тиверія Гракха.

Среди проблемъ изъ исторіи древнихъ народовъ, которыя, съ тѣхъ поръ какъ стали заниматься изученіемъ этой исторіи, обращаютъ на себя вниманіе какъ узкаго круга специалистовъ-историковъ, такъ и въ равной мѣрѣ болѣе широкихъ слоевъ образованнаго общества, чуть не первое мѣсто принадлежитъ вопросу о реформахъ братьевъ Гракховъ. Этотъ интересъ вполне понятенъ. Съ выступленія Гракховъ съ программой своихъ реформъ не только начинается острый кризисъ въ жизни всемірной римской державы, окончившійся послѣ столѣтней ожесточенной партійной борьбы побѣдою цезаризма, но и получаютъ свою опредѣленную, типичную формулировку тѣ социальныя и аграрныя вопросы, которые не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ древнемъ Римѣ играютъ свою роковую роль въ общественномъ строѣ всѣхъ возникшихъ впослѣдствіи государствъ. Поэтому всякій, кто сознательно относился къ явленіямъ окружающей его дѣйствительности, интересовался, естественно, вопросомъ о зародышѣ и возникновеніи въ старину тѣхъ движеній, которыя волновали современную ему эпоху.

Историки, призванные, на первомъ мѣстѣ, дать отвѣтъ на этотъ запросъ общества, рѣшали поставленную имъ задачу, конечно, весьма различно, сообразно съ воззрѣніями и тенденціями эпохи, въ которую жили, съ собственными симпатіями и антипатіями и съ усиленнымъ пониманіемъ тѣхъ, отчасти отрывочныхъ и мало проверенныхъ, свѣдѣній, которыя остались намъ изъ древности о цѣляхъ и содержаніи законодательской и реформаторской дѣятельности Гракховъ. Народилась, такимъ образомъ, объемистая литература, которая съ современной точки зрѣнія представляетъ, по большей части, за немногими исключеніями, только историческій интересъ.

Чтобы выйти изъ этого заколдованнаго круга личнаго усмотрѣнія, произвольной выборки одной группы переданныхъ свѣдѣній, и та-

кого-же произвольнаго игнорированія другой, необходимо было, чтобы сначала историческая критика окрѣпла, выработала строгій методъ изученія нашего преданія и, такимъ образомъ, заложила фундаментъ, на который возможно было-бы опереться при рѣшеніи поставленной задачи. Этотъ трудъ выполнилъ съ обычнымъ мастерствомъ, хотя, конечно, и не безъ погрѣшностей въ деталяхъ, маститый историкъ древности Эдуардъ Мейеръ, и съ появленія его „*Untersuchungen zur Geschichte der Gracchen*“ (Halle 1894) начинается новый и болѣе надежный фазисъ въ разработкѣ проблемы о Гракхахъ.

Э. Мейеръ въ своемъ пространномъ изслѣдованіи приходитъ къ слѣдующимъ двумъ главнымъ выводамъ. Въ дошедшихъ до насъ болѣе или менѣе точныхъ и связанныхъ изложеніяхъ исторіи Гракховъ мы можемъ явно различать три главныхъ взгляда на дѣятельность Гракховъ; по одному, который мы находимъ проведеннымъ въ фрагментахъ Діодора, Гракхи—коихъ неподкупность, безстрашіе и способность жертвовать собой для друзей охотно признаются, сами виновны въ своей гибели и скоро получаютъ заслуженное наказаніе; ихъ мѣры съ *общегосударственной* точки зрѣнія считаются пагубными для Рима; Сципіонъ Назика, убившій собственноручно Тиверія Гракха, напротивъ, признается идеаломъ знатнаго римлянина, который умѣетъ съ твердостью и рѣшимостью отстаивать свои честныя политическія убѣжденія. Авторъ, которому слѣдуетъ Діодоръ, и который, какъ видно изъ фрагментовъ послѣдняго, писалъ весьма поэтичнымъ и картиннымъ слогомъ и рассказывалъ событія съ рѣдкимъ драматизмомъ—былъ знаменитый философъ и историкъ Посидоній; не будучи очевидцемъ тѣхъ катастрофъ, въ которыхъ погибли Гракхи, онъ, въ свою очередь, черпалъ изъ трудовъ современныхъ Гракхамъ историковъ, которые близко стояли къ кружку Сципіона Эмилиана, политическія убѣжденія котораго раздѣлялъ и восхвалялъ и Посидоній.

Авторомъ второго главнаго взгляда является историкъ, который смотритъ на событія съ *обще-италійской* точки зрѣнія и обнаруживаетъ при этомъ широкій политическій горизонтъ; цѣль его—показать, какъ италійское крестьянство, завоевавъ весь міръ, стало обездоленнымъ, и какъ великодушныя попытки Гракховъ улучшить его положеніе только увеличили зло. Авторъ этого взгляда не

относится враждебно къ Гракхамъ, но онъ не во всемъ раздѣляетъ ихъ воззрѣнія и не во всемъ одобряетъ ихъ образъ дѣйствій; онъ жилъ, вѣроятно, въ эпоху непосредственно слѣдующую за Гракхами и близко стоялъ къ партіи Муція Спеволы, Красса Муціана и другихъ умѣренныхъ и сочувствующихъ реформамъ оптиматовъ. Трудомъ этого автора воспользовался, хоть и не непосредственно, Аппіанъ въ первыхъ главахъ первой книги своей исторіи междоусобныхъ войнъ и отчасти и Плутархъ, въ своихъ біографіяхъ Гракховъ.

Но Плутархъ по большей части слѣдуетъ источнику, авторъ котораго является представителемъ третьяго главнаго взгляда на Гракховъ: онъ интересуется на первомъ мѣстѣ ихъ личностью, стоитъ всецѣло на ихъ сторонѣ и оправдываетъ ихъ образъ дѣйствій.

Особенно рельефно выступаетъ различіе этихъ трехъ главныхъ взглядовъ въ передачѣ и описаніи отдѣльныхъ событій—напр., въ разсказѣ о непосредственной причинѣ гибели младшаго Гракха: по Діодору (Посидонію) поводомъ къ катастрофѣ служилъ фактъ, что Кай Гракхъ въ гнѣвѣ сначала толкаетъ нѣкоего Квинта Антилла,—который, принадлежа прежде къ числу его друзей, колѣнопреклонно умоляетъ его въ день рокового народнаго собранія, въ который должна была рѣшиться участь колоніи Юноніи, ничего не предпринимать противъ отечества,—а затѣмъ отдаетъ приказаніе его убить; по Аппіану, это убійство является результатомъ недоразумѣнія со стороны друзей Гракха, невѣрно истолковавшихъ гнѣвный взоръ Кая Гракха, который тотъ направилъ на просителя; по Плутарху, наконецъ, этотъ Антиллъ является слугой враждебнаго Гракху консула Олимпія, и первый безъ причины ругалъ и толкалъ приверженцевъ Гракха и поэтому палъ жертвой ихъ понятнаго раздраженія.

Римскіе историки, Титъ Ливій и болѣе поздніе, восходятъ также во всемъ, что касается передачи и группировки матеріала, къ тому же демократическому источнику, которымъ по преимуществу пользовался Плутархъ, хотя у нихъ тенденція совершенно иная; они всецѣло являются сторонниками сената и усматриваютъ въ Гракхахъ виновниковъ гибели римской республики. Что эти историки основываются не на Посидоніи или на другомъ источникѣ изъ враждебнаго Грак-

хамъ лагеря, по Э. Мейеру объясняется тѣмъ, что въ то время, когда писалъ Т. Ливій, этотъ демократическій источникъ занималъ весьма видное мѣсто въ римской исторической литературѣ.

По мнѣнію Э. Мейера, первоисточники, въ которыхъ проведены были эти три различныхъ взгляда на дѣятельность Гракховъ, написаны были въ эпоху самихъ Гракховъ или въ непосредственно слѣдующую за нею. Мы знаемъ, что тогда рядъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, какъ Фанній, Семпроній Азеллій, Рутилій Руфъ и другіе, занимались составленіемъ исторій своего времени, или своихъ воспоминаній.

Авторы сами были близки къ событіямъ и поэтому непосредственно пользовались законами, сенатскими постановленіями, рѣчами и письмами дѣйствующихъ въ этой драмѣ лицъ и весьма хорошо знакомы были съ воззрѣніями борющихся тогда партій; это ихъ отношеніе къ своему матеріалу явствуетъ отчасти еще изъ довольно бѣглыхъ и неумѣлыхъ извлеченій, которыя мы имѣемъ у Діодора, Аппіана, Плутарха. Поэтому, Мейеръ высоко ставитъ авторовъ этихъ первоисточниковъ нашей традиціи, считаетъ эту потерянную историческую литературу богатой и цѣнной и полагаетъ, что и изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ, разъ установлены тенденція и характеръ каждой группы нашего преданія, возможно еще возстановить дѣйствительный ходъ и смыслъ совершившихся событій и правильно ихъ освѣтить.

На этотъ замѣчательный трудъ Э. Мейера написалъ рецензію извѣстный геттингенскій профессоръ древней исторіи Э. Шварцъ (*Göttingische Gelehrte Anzeigen*, 1896, стр. 792 слѣд.); онъ внесъ одну довольно существенную поправку къ выводамъ Э. Мейера; ибо онъ вполнѣ основательно доказалъ, что плутарховская характеристика Гракховъ не восходитъ къ современному имъ демократическому источнику, а прошла черезъ горнило риторической школьной традиціи и поэтому лишена того значенія, которое Мейеръ склоненъ ей придать.

Остальныя же возраженія Шварца противъ положеній Мейера весьма мало основательны; онъ расходится съ Мейеромъ въ оцѣнкѣ современныхъ Гракхамъ историковъ и полагаетъ, что и они уже всѣ были заражены духомъ риторики; но его единственный доводъ

въ пользу этого мнѣнія—то обстоятельство, что жившій и писавшій въ этотъ періодъ Целій Антипатръ находился, судя по сохранившимся фрагментамъ, подъ вліяніемъ тенденцій риторики. Но ясно же, что примѣръ сына греческаго, повидимому, вольноотпущенника, никогда не выступавшаго въ государственной службѣ и не занимавшагося государственными дѣлами, еще не доказываетъ, что и тѣ выдающіеся и знатные римскіе политическіе дѣятели, какъ Фанній, Рутилій Руфъ и т. д., которые на досугъ, по окончаніи своей государственной карьеры, написали исторію своего времени и свои воспоминанія, должны были держаться тѣхъ риторическихъ принциповъ, которые легли въ основаніе труда Целія.

И еще менѣе убѣдительно попытка Шварца дискредитировать авторитетность источника Анпіана, которая совершенно справедливо высоко ставится Мейеромъ. По Шварцу, этотъ источникъ—трудъ автора лишь времени Августа, и этотъ несомнѣнно даровитый авторъ сочинилъ, по Шварцу, историческій романъ, какъ видно изъ того, что онъ приписываетъ «соціалъ-революціонеру» Тиверію Гракху цѣль возсоздать римскую армію и тенденціи импералистической политики, направленной на расширение и упроченіе римскаго всемірнаго владычества. Эти цѣли, по Шварцу, выступаютъ въ римской политической жизни лишь во время принципата Августа и по своему существу чужды дѣятельности всякаго «соціалъ-революціонера».

Мы въ этомъ утвержденіи имѣемъ наглядный примѣръ, какъ опасно переносить понятія нашего времени и характерныя теперь черты той или другой общественной группы или партіи, безъ всякихъ оговорокъ, и на античность и брать ихъ мѣриломъ для сужденія объ отношеніяхъ, существовавшихъ въ давно минувшія времена. Что «антимилитаризмъ» нынѣшнихъ соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ не составляетъ основной части платформы ихъ предшественниковъ въ древности, доказывается наглядно примѣромъ спартанскаго царя Клемена III; болѣе ярко опредѣленнаго соціалъ-революціонера отыскать трудно, а между тѣмъ одною изъ главныхъ цѣлей его радикальныхъ реформъ было возсозданіе спартанской арміи. Милитаризмъ и взгляды на него въ древности такъ существенно различались отъ намъ современныхъ, что и отношенія прежнихъ

соціалъ-революціонеровъ къ нему должны были быть иныя, чѣмъ нынѣшнихъ представителей аналогичныхъ общественныхъ тенденцій.

Но былъ ли, помимо всего этого, Тиверій Гракхъ дѣйствительно «соціалъ-революціонеромъ», какъ его называетъ Шварцъ? Это утверждение Шварца дало поводъ третьему, не мѣнѣе извѣстному историку-ислѣдователю древняго міра Р. Пельманну, выступить съ трудомъ, посвященнымъ специально этому вопросу. (*Sitzungsberichte der philosoph.-philol. und der hist. Klasse der Kgl. bayer. Akademie der Wissenschaften* 1907. Heft III; перепечатано въ его «*Aus Altertum und Gegenwart*» Neue Folge 1911 подъ заглавіемъ: «*Tiberius Gracchus als Socialreformer*»). Пельманнъ ставитъ себѣ цѣлью доказать, въ противоположность не только Шварцу, но и сужденіямъ Моммзена, что въ дѣятельности Тиверія Гракха нѣтъ признаковъ революціонности; онъ, по мнѣнію Пельманна, (который въ сущности возвращается къ взглядамъ, высказаннымъ до него уже К. Нейманномъ: «*Geschichte Roms während des Verfalls der Republik*» (Breslau 1881), но гораздо талантливѣе своего, имъ не названнаго, предшественника отстаиваетъ и защищаетъ свое положеніе)—никогда при проведеніи своей реформы не отступалъ отъ законной почвы, не нарушалъ ни въ чемъ римской конституціи и такимъ образомъ является соціалъ-реформаторомъ въ чистѣйшемъ видѣ, между тѣмъ какъ только противники Гракха, представители сенатской партіи являются виновниками насилія и пролитой гражданской крови и этимъ инавгурировали эру римской революціи. Страстно и талантливо написанная Пельманномъ апологія Тиверія Гракха произвела, повидимому, сильное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, многіе изъ ученыхъ, имѣвшихъ случай высказаться по этому вопросу послѣ Пельманна, между прочимъ, напримѣръ, Э. Фельсбергъ въ своей добросовѣстной и хорошо разработанной диссертациі «*Братья Гракхи*» (Юрьевъ 1910), находятся подъ явнымъ обаяніемъ этой апологіи Пельманна.

Вотъ это-то положеніе вещей, это діаметральное разногласіе двухъ видныхъ историковъ въ оцѣнкѣ дѣятельности Тиверія Гракха, послѣ того, какъ прочные фундаменты для этой оцѣнки, казалось, были положены въ основательномъ разборѣ нашей традиціи Э. Мейеромъ, заставляетъ меня подвергнуть краткому пересмотру данный

вопросъ. Я далека отъ намѣренія вновь изложить всю исторію періода Гракховъ, поэтому и воздерживаюсь, по возможности, отъ приведенія и разбора многочисленной новой литературы и отъ ссылки на источники; весь этотъ ученый аппаратъ читатель найдетъ, при желаніи, въ обстоятельной, выше названной диссертациі Э. Фельсберга. Моя цѣль гораздо скромнѣе; меня здѣсь интересуетъ только проблема, какъ мы, въ виду этой рѣзкой разницы во взглядахъ выдающихся представителей исторической науки, должны дѣйствительно на основаніи совокупности всѣхъ данныхъ судить о дѣятельности Тиверія Гракха? Такъ какъ я уже давно, при своихъ занятіяхъ исторіею Рима, относительно этого вопроса дошелъ до выводовъ, которые разнятся отъ сужденій какъ Шварца, такъ и Пельманна, но при этомъ, можетъ быть, являются нейтрализаціею или, въ извѣстномъ смыслѣ, примиреніемъ этихъ на видъ такъ противоположныхъ взглядовъ, то и позволю себѣ въ возможно сжатомъ видѣ развить здѣсь свою точку зрѣнія на дѣло.

Мы располагаемъ достаточно многими и проверенными свѣдѣніями относительно происхожденія, воспитанія, молодости и прошлаго Тиверія Гракха до его трибуната, чтобы считать предположеніе, будто онъ стремился съ самаго начала, по сложившимся у него убѣжденіямъ, къ насильственному ниспроверженію существующаго строя весьма маловѣроятнымъ и не обоснованнымъ.

Происходя изъ богатой и знатной семьи нобилитета, получивши прекрасное и тщательное воспитаніе и образованіе подъ руководствомъ извѣстныхъ учителей, Тиверій Гракхъ рано началъ обычную въ его средѣ государственную карьеру и, при его связяхъ, при личномъ дарованіи и талантѣ, могъ рассчитывать на блестящую будущность, на руководящую роль въ государствѣ. Это не разорившійся аристократъ, вроде Катилины, который только при общемъ переворотѣ могъ рассчитывать выйти изъ безвыходнаго положенія и найти удовлетвореніе своему безграничному честолюбію, это не «выскачка» (*homo novus*), котораго желаніе пробить себѣ дорогу толкаетъ на путь революціи. Тиверій Гракхъ принадлежитъ, напротивъ, къ той средѣ просвѣщенныхъ оптиматовъ-сенаторовъ, которую мы привыкли назвать кружкомъ Сципіоновъ, — къ средѣ лицъ, съ которыми его соединяли связи близкаго родства и свойства, къ

средѣ лицъ, которыя давно уже убѣждены въ необходимости принятія мѣръ для предотвращенія внутренняго государственнаго разложенія, симптомы котораго были на лицо, и которыя только еще не знали или не рѣшались, какъ взяться за коренныя реформы.

Хотя послѣ его испанской квестуры, его личныя отношенія къ одному изъ видныхъ членовъ этой группы, къ мужу его сестры Сципіону Эмилиану, стали болѣе холодными или даже натянутыми — онъ ему приписалъ вину, что сенатъ не утвердилъ договора, заключеннаго при его ближайшемъ содѣйствіи съ нумантіяцами послѣ капитуляціи войскъ Манціана — однако Тиверій Гракхъ и послѣ постигшей его неудачи, которая, впрочемъ, для него лично никакихъ послѣдствій не имѣла, не прервалъ своихъ сношеній съ этой группою сената и вмѣстѣ съ своимъ тестемъ Аппіемъ Клавдіемъ и извѣстными юристами того времени, Крассомъ Муціаномъ и Муціемъ Сцеволой, консуломъ 133 года, намѣтилъ планъ реформы, который намѣренъ былъ провести въ томъ же 133 году, во время своего трибуната. Когда онъ отправился для исправленія своей квесторской должности въ Испанію, онъ, проѣзжая черезъ Этрурію, могъ воочию убѣдиться въ томъ, какъ исчезло мелкое крестьянство, какъ латифундіи со своими парками, лугами, стадами и рабами заняли и поглотили тѣ мѣстности, гдѣ нѣкогда существовали цвѣтуція крестьянскія усадьбы и поселенія. А передъ Нуманціею онъ также воочию могъ убѣдиться въ дезорганизаціи славнаго нѣкогда римскаго войска, вызванной недостаткомъ крестьянскаго элемента въ войскѣ и замѣною его городскимъ пролетаріатомъ. Это исчезновеніе крестьянства въ Италіи, это разстройство римской арміи, поведшее къ позорной слачѣ передъ Нуманціею, заставило Тиверія Гракха, какъ вѣрно подчеркиваетъ Аппіанъ, на первомъ мѣстѣ и прежде всего подумать о принятіи мѣръ, которыя могли бы устранить или по крайней мѣрѣ удержать въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи это пагубное для государства явленіе. Въ цѣляхъ государственной обороны, въ цѣляхъ оздоровленія Италіи и Рима необходимо было заботиться о подкрѣпленіи и возстановленіи сословія мелкихъ крестьянъ-собственниковъ.

Для осуществленія этой цѣли Тиверій Гракхъ внесъ предложеніе, несомнѣнно вполне законное и очень далекое отъ какихъ-нибудь революціонныхъ тенденцій, а именно: возобновить никогда

не отмѣненный, хотя, повидимому, забытый и не соблюдаемый законъ, по которому никто изъ гражданъ не долженъ былъ имѣть въ своемъ пользованіи (occupatio) больше, чѣмъ 500 югеровъ (прибл. 115 десят.) государственной земли.

Этотъ-то старинный законъ, который еще тридцать лѣтъ тому назадъ цитируется Катонъ, какъ не потерявшій своей законной силы, хотя и не соблюдавшійся и не примѣнявшійся, Тиверій Гракхъ предложилъ смягчить добавленіемъ — чтобы поссessorъ, имѣющій взрослыхъ сыновей, имѣлъ право для двухъ изъ нихъ удержать еще по 250 югеровъ въ своемъ владѣніи. Освободившаяся послѣ точнаго примѣненія этого закона государственная земля должна была быть разбита на участки въ 30 югеровъ и распределена въ неотчуждаемое владѣніе или «наслѣдственную аренду» между безземельными римскими гражданами, и при этомъ должна была быть взимаема какая-нибудь ничтожная плата въ казну, не какъ доходная статья, а лишь какъ доказательство, что земля принадлежит государству. Имѣлось ли еще въ виду выдавать прежнимъ поссessorамъ извѣстное денежное вознагражденіе за меліоризацію и за постройки на уступленныхъ земляхъ, какъ это утверждаетъ Плутархъ, можетъ въ виду несомнѣнно апологетической тенденціи его источника казаться сомнительнымъ; во всякомъ случаѣ, если имѣлось первоначально это вознагражденіе въ виду, эта мысль при проведеніи закона была оставлена.

Какъ бы то ни было, предложеніе Тиверія Гракха слѣдуетъ признать, какъ съ точки зрѣнія древняго міра, такъ и съ точки зрѣнія нашего времени, когда распределеніе казенныхъ земель между безземельными крестьянами принадлежитъ къ самымъ зауряднымъ явленіямъ, мѣрой не радикальной и мѣрой соотвѣтствующей прямымъ интересамъ государства. Однако, вполнѣ понятно съ другой стороны, что это предложеніе, защищаемое Тиверіемъ Гракхомъ на предварительныхъ народныхъ собраніяхъ съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ, о которомъ можно еще судить по сокращеннымъ рефератамъ Плутарха и Аппіана, вызвало сильную оппозицію.

Дѣло шло, какъ показываетъ конечный результатъ, о довольно значительныхъ измѣненіяхъ въ имущественномъ положеніи римскихъ гражданъ. Мы имѣемъ у Ливія (ер. 59 и 60) извѣстіе, на-

прасно Белохомъ (*Bevölkerung der griech.-röm. Welt*, 312 ст.) заподозрѣнное, что въ промежутокъ времени отъ 131 до 125 г. число «*civium capita*» увеличилось отъ 318,823 до 394,736, т. е. на 76 тысячъ съ лишнимъ. Это быстрое и значительное увеличеніе гражданскаго народонаселенія въ сравненіи съ застоємъ прироста въ предыдущіе цензовые періоды объясняется, какъ это давно уже установилъ Герцогъ (*Geschichte und System der röm. Staatsverfassung* I, стр. 459) и безъ основанія оспаривается Белохомъ, Фельсбергомъ и другими, тѣмъ, что въ цензовые списки, совершенно естественно, не включались пролетаріи: теперь, послѣ реформы Гракха, свыше 70 тыс. человѣкъ перестали быть пролетаріями и слѣдовательно заносились въ списки цензоровъ. Итакъ мы имѣемъ полное право утверждать, что, если и учесть естественный приростъ населенія за пятилѣтіе, дарованіе свободы бывшимъ рабамъ и т. д., все же земельными, надѣлами увеличено было число «*capita civium*» выше чѣмъ на 60 тысячъ человѣкъ: Такъ какъ каждый изъ нихъ получилъ по 30 югеровъ, то распределенная, отнятая у прежнихъ поссессоровъ земля равнялась 1,800,000 югерамъ (415,000 десятинамъ). Поэтому матеріальная потеря, которая угрожала отъ аграрнаго закона Тиверія Гракха владѣвшимъ до сихъ поръ этими земельными угодіями поссессорамъ была, во всякомъ случаѣ, довольно чувствительна. Конечно, нельзя хотъ и приблизительно установить, между какимъ числомъ гражданъ должна была распределиться эта потеря: но рискованно, утверждать какъ это дѣлали, что число ихъ было очень невелико. А если это утверженіе правильно, что потеря распредѣлилась между небольшимъ числомъ поссессоровъ, то она для каждого въ отдѣльности должна была быть тѣмъ болѣе чувствительна: вѣдь 415,000 десятинъ не чечевичная похлебка. Противодѣйствіе этихъ, хотя и немногихъ, но вліятельныхъ лицъ поэтому понятно. Но, конечно, считаться съ этими поссессорами законодатель и общественное мнѣніе въ Римѣ не имѣли повода; вѣдь они кормились у общественнаго пирога долго и незаконно—пора имъ честь знать. Гораздо болѣе серьезными и существенными были другія возраженія противъ проекта Тиверія Гракха. Старый законъ о нормѣ числа югеровъ при оккупации государственной земли давно былъ

забыть и вышелъ изъ употребленія: границы поэтому между частно-земельной собственностью и оккупированной государственной землею нерѣдко слились, особенно если эта оккупация относилась къ временамъ до самнитскихъ войнъ.

Участки, усадьбы переходили изъ рукъ въ руки не только по наслѣдству, но очень часто и путемъ покупки; межевыхъ книгъ, нотаріальныхъ актовъ и тому подобныхъ документовъ въ тѣ времена не существовало: нерѣдко бывали случаи, что тотъ или другой путемъ покупки прибрѣталъ участокъ земли, который въ дѣйствительности могъ оказаться и оказывался казеннымъ. Что подобные случаи дѣйствительно были нерѣдки, доказательствомъ того служить тотъ фактъ, что сейчасъ же послѣ избранія комиссіи для распредѣленія казенныхъ земель между неимущими, оказалось необходимымъ предоставить ей судебныя полномочія для рѣшенія споровъ относительно вопроса, является ли данный участокъ частной собственностью или казенной землею. Опасенія всѣхъ землевладѣльцевъ, которые не имѣли неоспоримыхъ доказательствъ и документовъ относительно частнаго характера своей собственности, что имъ грозитъ возможность лишиться своихъ благоприобрѣтенныхъ или унаслѣдованныхъ земель, поэтому были до извѣстной степени понятны.

Такое положеніе вещей естественно должно было увеличить сомнѣнія въ цѣлесообразности предложенія Тиверія Гракха: возникъ вопросъ, дѣйствительно ли въ интересахъ государства для того, чтобы вновь создать крестьянское сословіе, съ другой стороны потрясать матеріальное положеніе многихъ изъ теперешнихъ собственниковъ, да въ пныхъ случаяхъ совершенно, можетъ быть, ихъ разорять: они до сихъ поръ служили опорой для государственнаго организма; между тѣмъ могло показаться весьма сомнительнымъ, удастся ли попытка Тиверія Гракха превратить часть городского пролетаріата въ жизнеспособное крестьянство. Конечный результатъ, что многіе, получившіе надѣлы, какъ только впослѣдствіи было снято запрещеніе относительно перепродажи, охотно продавали свои участки и снова переселялись въ столицу, показываетъ, что эти сомнѣнія не были лишены всякаго основанія.

И, наконецъ, государственная земля находилась въ оккупации не только у римской знати, а допущены были, въ свое время, послѣ

войны съ Пирромъ и второй пунической войны, особенно на югѣ Италіи, къ оккупаци и римскіе союзники. Тѣ безъ того уже испытывали разныя стѣсненія и затрудненія; ихъ привлекали къ военной службѣ при постоянныхъ войнахъ въ гораздо болѣе значительной мѣрѣ, чѣмъ гражданъ; правами гражданскими въ Римѣ они не пользовались, при распределеніи добычи ихъ обижали, изъ Рима выгоняли: если теперь отнять у нихъ казенныя земли и отдать ихъ по участкамъ не бѣднымъ союзникамъ, а опять таки гражданамъ, какъ гласило предложеніе Тиверія Гракха, то ясно, что надо было имъ или дать другія существенныя компенсаціи, или же опасаться, что существующее уже неудовольствіе и броженіе среди союзниковъ приметъ весьма острую форму.

Вопросы аграрный и союзническій тѣсно связаны между собою, какъ ясно доказываютъ дальнѣйшія событія. Итакъ, не только грубо-матеріальныя интересы кучки испорченной римской знати, какъ это полагаетъ Пельманъ, вызвали оппозицію противъ проекта Тиверія Гракха, но и безкорыстныя побужденія идейно-государственнаго и политическаго характера заставили многихъ относиться съ осторожностью и даже отрицательно къ планамъ юнаго народнаго трибуна.

Всѣ эти сомнѣнія и опасенія, конечно, такъ же живо обсуждались послѣ обнародованія проекта Тиверія Гракха, какъ и доводы говорившіе въ пользу этого проекта и въ окончательномъ результатѣ вылились въ форму официальнаго протеста одного члена коллегіи трибуновъ, Октавія, противъ голосованія предложенія Тиверія Гракха въ народномъ собраніи. Несомнѣнно было, что большинство населенія было на сторонѣ Тиверія Гракха, да даже многіе изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи выступили ярыми противниками Гракховъ — мы это потомъ докажемъ на одномъ весьма рельефномъ примѣрѣ — сочувствовали его аграрной реформѣ. Но протестъ трибуна былъ заявленъ, и по основному принципу римскаго государственнаго права, по которому среди коллегіи должностныхъ лицъ запретительная власть сильнѣе, чѣмъ власть инициативы — *par potestas plus valet*, — законопроектъ въ текущемъ году до снятія этого протеста не могъ быть подвергнутымъ голосованію. Съ правовой точки зрѣнія вопросъ о мотивахъ этого протеста со стороны Октавія вполне безразличенъ — онъ имѣетъ лишь бытовой интересъ: демократическая традиція сообщаетъ, либо, что Октавій самъ былъ крупнымъ

поссессоромъ, либо, что онъ былъ подкупленъ сенатской знатью— невольно вспоминаются многочисленныя обвиненія извѣстной части нашей правой прессы противъ либеральныхъ дѣятелей нашего времени, что они подкуплены «еврейскими деньгами» — но отношенія самаго Тиверія Гракха, а затѣмъ и Кая Гракха и его партіи къ Октавію не говорятъ въ пользу этой традиціи. Тиверій Гракхъ старался сначала уговорить Октавія взять свой протестъ назадъ; когда тотъ остался непоколебимымъ, онъ въ бурномъ народномъ собраніи развилъ теорію, что трибунъ, дѣйствующій противъ ясно выраженной воли и противъ явныхъ интересовъ народа, не достоинъ званія народнаго трибуна, и предложилъ голосованіемъ рѣшить вопросъ объ устраниеніи Октавія отъ должности. Всѣ тридцать пять трибъ вынесли рѣшеніе согласно предложенію Тиверія Гракха; Октавій былъ лишенъ званія трибуна, на его мѣсто избрали другой, конечно сторонникъ Тиверія Гракха, и теперь за отсутствіемъ протеста, аграрный законъ Гракха былъ предложенъ на голосованіе и принять народнымъ собраніемъ.

Этотъ образъ дѣйствій Тиверія Гракха нашель весьма различную оцѣнку со стороны новыхъ историковъ. Нибуръ въ своихъ лекціяхъ по римской исторіи (Vorträge über röm. Gesch. II, 279) высказалъ сужденіе, что этотъ образъ дѣйствій Тиверія Гракха былъ противъ буквы, но въ духѣ римской конституціи; юный Моммзенъ въ своей «Римской исторіи», (II⁸, 93) назвалъ этотъ поступокъ революціоннымъ какъ противъ буквы, такъ и противъ духа римскихъ институтовъ; старый Моммзенъ, въ своемъ «Римскомъ государствennomъ правѣ» (I³, 630) измѣнилъ свой взглядъ въ томъ отношеніи, что настаивалъ только на несоотвѣтствіи поступка Гракха съ духомъ конституціи, между тѣмъ, какъ во всемъ, по его мнѣнію была соблюдена буква закона; третья очень многочисленная группа ученыхъ—назову здѣсь, какъ ея представителя лишь Пельмайна (Aus Altertum u. Gegenwart, Neue Folge, 144), наконецъ, считаетъ поступокъ Гракха, наоборотъ, какъ съ формальной стороны совершенно законнымъ, такъ и въполнѣ согласнымъ съ духомъ конституціи, который требовалъ удаленія трибуна, дѣйствовавшаго противъ интересовъ своего довѣрителя-народа.

При такомъ разногласіи взглядовъ самыхъ извѣстныхъ новыхъ историковъ необходимо вкратцѣ остановиться на выясненіи этого вопроса, тѣмъ болѣе, что отъ его рѣшенія почти всецѣло зависитъ правильная оцѣнка дѣятельности Тиверія Гракха вообще.

Такъ какъ новые историки въ данномъ вопросѣ различаютъ между буквою закона и духомъ институтовъ, то цѣлесообразно будетъ рассмотреть спорный вопросъ съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія.

Что касается формальной стороны то, по моему, указаніе на верховный суверенитетъ народа, воля котораго находила свое выраженіе въ постановленіяхъ народныхъ собраній, или ссылки на принципъ «*quibus modis adquirimus, iisdem in contrarium actis amittimus*» (Павель, Д. 50, 17, 153), никакъ не могутъ сами по себѣ доказать правильность и законность отрѣшенія Октавія отъ должности. Ибо, изъ того неоспоримаго факта, что народъ является «легальнымъ сувереномъ» въ римскомъ государствѣ, отнюдь еще не вытекаетъ принципъ «непосредственнаго народнаго суверенитета»; этотъ принципъ прокламируется только Тиверіемъ Гракхомъ, который этимъ вноситъ, по мѣткому выраженію Кепста (Histor. Vierteljahrschrift 1904, 326) «вполнѣ революціонный моментъ» въ политическую жизнь Рима. Народъ, повторяю, несомнѣнно былъ легальный суверень, но такъ какъ аппаратъ народнаго собранія является слишкомъ тяжеловѣснымъ, чтобы нести функціи государственнаго управленія, то суверенный народъ по необходимости, по вѣрному опредѣленію Помпонія, (1, 2) переуступилъ опредѣленной корпораціи, сенату, и отдѣльнымъ должностнымъ лицамъ, облеченнымъ народнымъ довѣріемъ на опредѣленное время и для опредѣленныхъ функцій, часть своего верховнаго суверенитета и этимъ лишилъ себя, до извѣстной степени возможности непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла управленія.

Указаніе, такимъ образомъ, на народный суверенитетъ вообще не помогаетъ намъ разобраться въ вопросѣ, было-ли формально допустимо или недопустимо устраненіе Октавія отъ должности до окончанія срока его полномочій: необходимо изслѣдовать, какъ въ Римѣ въ дѣйствительности относились къ вопросу о положеніи и смѣняемости должностныхъ лицъ. Ибо и ссылка на принципъ, «что тотъ, кто даетъ извѣстныя полномочія, можетъ ихъ и отнимать», намъ не

подсказываетъ рѣшеніе даннаго вопроса, такъ какъ извѣстно, что этотъ общій принципъ примѣняется и примѣнялся въ различныя времена и въ различныхъ государствахъ весьма различно; у насъ, на примѣръ, министръ народнаго просвѣщенія назначаетъ по дѣйствующему уставу профессоровъ университета и по своему усмотрѣнію можетъ ихъ устранить: примѣры такихъ устраненій всѣмъ памяты; въ Пруссіи министръ тоже назначаетъ по дѣйствующему закону профессоровъ университета, но устранить ихъ уже не зависитъ отъ его усмотрѣнія. Итакъ, по общимъ соображеніямъ судить объ интересующей насъ проблемѣ, повидимому, нельзя: надо совершенно реально поставить вопросъ: какъ въ Римѣ относились къ смѣняемости должностныхъ лицъ, какими гарантіями обставлена была ихъ самостоятельность?

Весь матеріалъ по вопросу о смѣняемости магистратовъ (*abrogatio*) собранъ въ статьѣ Нейманна: (*P.-W. Realencyklopädie* I, 111 слѣд.). Изъ этого матеріала ясно видно, что римской государственной практикѣ болѣе древняго времени вполне чужда смѣняемость магистратовъ; первыя попытки въ этомъ направленіи сдѣланы были отдѣльными трибунами съ конца второй пунической войны, и то не по отношенію къ неугоднымъ для нихъ ординарнымъ магистратамъ, а лишь промагистратамъ; первая такая попытка, которая увѣнчалась успѣхомъ относится къ 137 году. Проконсулъ Маркъ Эмилій Лепидъ тогда лишенъ былъ своей команды въ Испаніи въ войнѣ противъ Вакцеевъ. Но этотъ случай никакъ не можетъ разсматриваться какъ прецедентъ для устраненія Октавія. Между положеніемъ магистрата, избираемаго народомъ на опредѣленный срокъ, и промагистрата, получающаго отъ *сената* продленіе своей власти для опредѣленной цѣли—веденія войны, завѣдыванія провинціею—существуетъ, конечно, громадная разница. Послѣднему не народъ самъ, а сенатъ даетъ извѣстное порученіе, часто даже безъ обозначенія срока, хотя и здѣсь обычный годичный срокъ является правиломъ. Если данный промагистратъ не оказывается въ состояніи, какъ это было съ Лепидомъ, выполнить данное ему порученіе, то устраненіе его, и замѣна его другимъ полководцемъ является дѣломъ нормальнымъ; нельзя же было въ угоду обычному, но нигдѣ закономъ не фиксированному сроку полномочій промагистрата,—ибо мы

имѣемъ случаи что промагистраты остаются въ своей провинціи отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ,—рисковать судьбою римскаго войска.

Что мы, на всемъ протяженіи римской исторіи до Гракхов имѣемъ только этотъ одинъ случай дѣйствительнаго устраненія промагистрата до истеченія обычнаго годового срока его полномочій, хотя, конечно, негодные управители, и мало способные военачальники нерѣдко встрѣчались между этими промагистратами, доказываетъ, какъ строго, въ общемъ, даже при промагистратурѣ соблюдался принципъ несмѣняемости должностныхъ лицъ. Итакъ, устраненіе Октавія первый засвидѣтельствованный намъ случай «abrogatio» магистрата въ римской исторіи, онъ является чѣмъ-то совершенно новымъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣннымъ результатомъ провозглашеннаго Тиверіемъ Гракхомъ принципа непосредственнаго народнаго суверенитета. Если, тѣмъ не менѣе, Моммзенъ, измѣняя свой первоначальный взглядъ на вопросъ, въ своемъ «Римскомъ государственномъ правѣ» высказываетъ мнѣніе «что эпизодъ съ Октавіемъ именно тѣмъ замѣчателенъ, что тамъ во всемъ была соблюдена буква закона», то единственной причиной для такого измѣненія своего прежняго убѣжденія служить, какъ видно изъ аргументаціи Моммзена, то наблюденіе, что при предложеніи Тиверія Гракха ни одинъ изъ коллегъ Октавія не заявилъ своего протеста. Однако, Моммзенъ при этомъ забываетъ что молчаніе не всегда знакъ согласія. Дѣйствительно, кому же было выступить съ протестомъ въ народномъ собраніи, гдѣ волненіе и страсть достигли уже своего кульминаціоннаго пункта? Если бы и тотъ, или другой изъ народныхъ трибуновъ, которые, впрочемъ, всѣ сочувствовали аграрному законопроекту Гракха, считаль его образъ дѣйствій незаконнымъ, то выступленіе его съ протестомъ было-бы прямо донкихотствомъ. Другого результата отъ этого, конечно, не получилось бы, чѣмъ тотъ, что взволнованный народъ устранилъ-бы, вмѣсто одного, двухъ народныхъ трибуновъ отъ должности.

Среди сенаторовъ, которые не имѣли законныхъ средствъ препятствовать этому голосованію, раздѣлись непосредственно затѣмъ голоса, какъ показываетъ переданный традиціею эпизодъ съ Аннэемъ Лускомъ, которые открыто обвинили Тиверія Гракха въ нарушеніи

конституціи, и Плутархъ сохранилъ намъ извлеченіе изъ оправдательной, по этому поводу рѣчи Тиверія Гракха, содержаніе которой Момзенъ охарактеризовалъ словомъ «недостойной софистикой», и, относительно которой даже Пѣльманъ согласился (I. с. 144), что «аргументація Тиверія Гракха у Плутарха даетъ поводъ къ возраженіямъ». Итакъ, съ формальной точки зрѣнія, поступокъ Тиверія Гракха вовсе не является какимъ-нибудь, чуть не обыденнымъ, вполне соответствующимъ римской государственной практикѣ случаемъ, какъ увѣряютъ насъ апологеты Тиверія Гракха: напротивъ, это *первый* примѣръ отрѣшенія римскаго магистрата отъ должности, примѣръ, который осуждался, какъ незаконный со стороны, по крайній мѣрѣ, части современниковъ Гракха, и который находился въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми гарантіями, которыми вообще обставлены были римскіе должностныя лица. Если вспомнить, что по римскому государственному праву всякій даже политическій и уголовный процессъ, возбужденный уже противъ извѣстнаго лица, долженъ былъ быть пріостановленнымъ съ момента даже не вступленія, а уже избранія этого лица на какую-нибудь должность; если дальше вспомнить, что специально народные трибуны по римскому государственному праву признавы были совершенно неприкосновенными во время должностного года, что эта неприкосновенность гарантировалась имъ особенно торжественнымъ образомъ, то отрѣшеніе трибуна отъ должности, не за совершеніе какого-нибудь тяжкаго уголовного преступленія, а лишь за его убѣжденія, несогласныя съ мнѣніемъ большинства, надо признать, во всякомъ случаѣ, нарушеніемъ буквы закона.

Этотъ результатъ нашихъ разсужденій ничуть не измѣняется, если и придать значеніе тому—неосновательному, кстати замѣтить, для даннаго періода—возраженію, что народные трибуны не были магистраты, въ собственномъ смыслѣ, а лишь представители народа, избранные для защиты его интересовъ. Совершенно такъ же, какъ теперь избиратели, пославшіе депутата въ Государственную Думу, не могутъ лишить его, до истеченія его полномочій, депутатскаго званія, если онъ голосовалъ противъ ихъ желаній или перешелъ, скажемъ, изъ партіи октябристовъ къ прогрессистамъ, или изъ партіи крайнихъ правыхъ къ націоналистамъ, и римскій народъ не

могъ бы то лицо, которое онъ удостоилъ своего довѣрія быть защитникомъ своихъ интересовъ на извѣстный срокъ, устранить до окончанія этого срока и замѣнить другимъ, если дѣятельность этого лица оказалась несоотвѣтствующей ожиданіямъ и желаніямъ его избирателей. Въ обоихъ случаяхъ избиратели могутъ лишь разными средствами воздѣйствовать на своего представителя — увѣщеваніемъ, угрозою, пожалуй, даже въ потаенномъ углу кулачной расправы — но вновь собраться и замѣнить его до истеченія срока другимъ, ни одна конституція въ мірѣ имъ не разрѣшаетъ, и совершенно основательно не разрѣшаетъ, ибо подобная конституція узаконила бы анархію.

Но если устраненіе трибуна отъ должности и не соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли, буквѣ римскаго закона, то можетъ быть, это устраненіе трибуна, дѣйствовавшаго явно противъ интересовъ народа, является актомъ, согласнымъ духу римской конституціи, какъ это утверждаютъ Нибуръ, Пельманъ и другіе?

Вѣдь бываютъ случаи, когда «*summum ius summa injuria*», и когда надъ мертвой буквою долженъ торжествовать живой духъ. Разсмотримъ и съ этой точки зрѣнія данный вопросъ. Организовавшемуся по четыремъ городскимъ кварталамъ или трибамъ плебсу, во времена оныя, разрѣшено было, послѣ упорной борьбы избирать себѣ по одному представителю по каждой трибѣ, который долженъ былъ въ случаѣ надобности заступиться за интересы отдѣльнаго плебея противъ произвола патриційскихъ магистратовъ. Чтобы это заступничество, эта помощь могла оказаться дѣйствительной, этимъ народнымъ трибунамъ предоставлена была совершенно исключительная неприкосновенность личности. Послѣ освобожденія крестьянъ и учрежденія сельскихъ трибъ коллегія трибуновъ увеличена была отъ четырехъ членовъ до десяти. Скромная ихъ сначала власть—*ius auxilii ferendi*—именно, въ виду неопредѣленности ея объема и отрицательнаго характера ея функцій, постепенно развилась, совершенно также, какъ аналогичный эфоратъ въ Спартѣ, до значительныхъ размѣровъ и степени весьма важнаго фактора въ государственномъ организмѣ Римѣ, и, съ момента уравниенія правъ плебеевъ съ патриціями, трибунатъ сталъ вполне государственной магистратурою со всѣми ея признаками.

Сохранялся, конечно, плебейскій, и въ силу историческаго развитія и оппозиціонный, отчасти, характеръ этой магистратуры, но съ тѣхъ поръ, какъ плебсъ сталъ господствующимъ элементомъ въ государствѣ—число патриційскихъ родовъ все болѣе и болѣе уменьшалось, и патриційство какъ таковое не играло болѣе никакой роли, а уступало свое мѣсто патриційско-плебейскому нобилитету—трибунатъ уже не могъ быть совершенно и не былъ органомъ защиты лишь приниженныхъ и обиженныхъ слоевъ общества, а въ силу вещей, представителемъ интересовъ всего государства, насколько оно было плебейскимъ. Отсюда объясняется и тѣсная связь, между прочимъ, трибуната съ сенатомъ, который пользовался неоднократно услугами трибуновъ и ихъ своеобразными компетенціями, какъ тормазомъ для сокращенія произвола магистратовъ, и какъ средствомъ для укрѣпленія республиканскаго корпоративнаго управленія, въ которомъ не было-бы мѣста для своеволія отдѣльныхъ администраторовъ. Эта связь трибуната съ сенатомъ вовсе не является извращеніемъ первоначальнаго смысла этого института, какъ полагаетъ Пѣльманъ, а совершенно естественной и неизбѣжной эволюціею, съ тѣхъ поръ, какъ трибуны были уже въ силу своего положенія членами сената.

Обыкновенно новые историки съ этимъ не считаются: по ихъ мнѣнію «рѣзко расходилось съ духомъ римской конституціи положеніе, когда народный трибунатъ, созданный для того, чтобы защищать интересы народа и не допускать чтобы правящій классъ злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, сдѣлался органомъ этого послѣдняго и защищалъ его интересы» (Фельсбергъ, о. с. 199). Противъ этого и тому подобныхъ взглядовъ слѣдуетъ замѣтить, что народный трибунатъ созданъ былъ для защиты интересовъ *плебса*, и съ тѣхъ поръ, какъ правящій классъ сталъ также плебейскимъ и по духу римской конституціи обязанностью трибуновъ вовсе не могло быть заступничество за интересы одной части этого плебса и игнорированіе интересовъ другой его части, а въ силу вещей ихъ обязанности должны были быть болѣе широкими, а именно заступничествомъ за общегосударственные интересы.

И если Тиверій Гракхъ при лишеніи Октавія должности, какъ на рѣшающій моментъ указалъ на то, что не можетъ быть народ-

нымъ трибуномъ человекъ, который выступаетъ противъ явно выраженной воли народнаго собранія и интересовъ большинства народной массы, то Октавій съ полнымъ правомъ могъ возразить, что его протестъ, по глубокому его убѣжденію, вызванъ защитой болѣе высокихъ интересовъ, чѣмъ интересы пестрой массы, собранной на форумъ—интересовъ общегосударственныхъ. Не спорю, что это убѣжденіе Октавія можно назвать ошибочнымъ и неправильнымъ, но совершенно не понимаю, какъ можно признать вмѣстѣ съ Пельманномъ, Фельсбергомъ и другими выступленіе Октавія «революционнымъ». Вѣдь Октавій пользовался лишь своимъ конституціоннымъ правомъ, своею интерцессією временно лишь пріостановилъ рѣшеніе народнаго собранія и этой пріостановкою далъ ему возможность одуматься.

Если отстаиваніе личнаго убѣжденія закономъ предоставленными средствами, противъ воли сувереннаго народа, есть признакъ революціи, то конечно, каждый выдающійся государственный дѣятель не только въ Римѣ, и вездѣ и во всѣ времена можетъ удостоиться этого эпитета; но это такое своеобразное—мягко выражаясь — пониманіе условій государственной жизни и такое извращеніе общепринятой терминологіи, что дозволено будетъ съ подобнымъ мнѣніемъ въ дальнѣйшемъ не считаться.

Но помимо того, что протестъ Октавія ни въ чемъ не противорѣчилъ духу и смыслу того института, какимъ сталъ трибунатъ въ силу своей исторической эволюціи, лишеніе народнаго трибуна должности создало прецедентъ, который во всякомъ случаѣ не былъ согласнымъ съ духомъ римской конституціи, а напротивъ находился съ нимъ въ рѣзкомъ диссонансѣ. Мы уже видѣли, что римская конституція создала особыя гарантіи личной неприкосновенности трибуновъ съ цѣлью упрочить за ними рѣшительность и самостоятельность дѣйствій. Если съ этими гарантіями теперь не считались, если народное собраніе могло сегодня прогнать трибуна за эту самостоятельность дѣйствій, какъ негоднаго лакея, гдѣ же было ручательство, что завтра и сенатъ не будетъ считаться больше съ этой неприкосновенностью трибуна, и что властолюбивый оптиматъ, которому мѣшаютъ дѣйствія даннаго трибуна, не добьется путемъ тогда уже въ широкихъ размѣрахъ практиковавшагося подкупа, пу-

темъ угрозъ и другими средствами того, чтобъ случайно собравшаяся на форумѣ толпа, состоявшая, какъ извѣстно, изъ весьма пестрыхъ элементовъ, въ значительной степени даже иностраннаго происхожденія, и тѣмъ не менѣе считавшаяся представителями сувереннаго народа, чтобъ эта толпа—повторяю—отрѣшила отъ должности и этого трибуна? Этимъ прецедентомъ потрясены были основы до сихъ поръ дѣйствовавшей конституціи и, какъ со стороны буквы закона, такъ и со стороны духа римскихъ институтовъ поступокъ Тиверія Гракха, по отношенію къ Октавію, надо признать первымъ шагомъ по скользкому пути революціи.

Но ему,—такъ возражаютъ его апологеты,—не оставалось другого средства, если онъ не хотѣлъ навсегда отказаться отъ проведенія своихъ спасительныхъ для государства аграрныхъ мѣръ, не оставалось другого выхода изъ создавшагося положенія. Врядъ ли это такъ. Свое предложеніе внесъ Тиверій Гракхъ въ началѣ 133 года; вслѣдствіе заявленнаго протеста Октавія, голосованіе не могло состояться въ должностномъ году данной коллегіи трибуновъ, такъ какъ конечно можно было ожидать, что Октавій возобновитъ свой протестъ при каждой дальнѣйшей попыткѣ провести предложенный законъ. Но лѣтомъ 133 г. предстояли выборы новыхъ трибуновъ; что же мѣшало явному большинству народа избрать только такихъ кандидатовъ, которые дали бы ему ручательство въ томъ, что они поддержатъ предложеніе Тиверія Гракха? Уже въ іюлѣ судьба проекта могла быть рѣшена въ положительномъ смыслѣ и послѣ 10 декабря того же 133 года аграрный законъ могъ бы быть проведеннымъ въ народномъ собраніи. Получилось бы промедленіе, правда, въ десять мѣсяцевъ—но что значить это промедленіе въ сравненіи съ тѣмъ длиннымъ терпѣніемъ, съ которымъ другіе реформаторы должны были ждать осуществленія своихъ плановъ?

Но кто изучалъ психологію возбужденной массы, кто внимательно слѣдилъ за ходомъ событій у насъ напр. въ 1905 и 1906 годахъ, тотъ отлично знаетъ, что это отсутствіе терпѣнія, какъ у той, такъ и у другой изъ борющихся сторонъ, это желаніе непременно сейчасъ осуществить, безъ остановки, сломя голову, всѣ мечты и замыслы, есть самый характерный признакъ революціоннаго наст-

роенія, революціоннаго чада. Какимъ образомъ могло случиться, что реформаторъ съ умѣренной программой подпалъ подъ вліяніе этого чада, что революціонно настроенная толпа безповоротно увлекала и его, на этомъ намъ придется въ заключеніе нашей настоящей замѣтки *остановиться*, потому что, на сколько я вижу, этотъ для оцѣнки дѣятельности Тиверія Гракха важный психологическій моментъ пока не затронуть ни его хулителями, ни его апологетами. Но прежде намъ еще надо вкратцѣ прослѣдить тотъ небольшой жизненный путь, который суждено было пройти даровитому трибуну. Всѣ дальнѣйшія дѣйствія Тиверія Гракха какъ-бы логически вытекаютъ изъ этого перваго незаконнаго поступка со своимъ коллегой Октавіемъ, и служатъ подтвержденіемъ вѣрности поговорки: «il n'y a que le premier pas qui coûte»».

Его предложеніе, принятое безъ протеста въ народномъ собраніи, чтобы народъ самъ распорядился сокровищами наслѣдства пергамскаго царя Атталы и реализаціею его завѣщанія, является прямымъ вмѣшательствомъ въ финансовыя компетенціи сената. Напрасно Пельманъ въ оправданіе Тиверія Гракха указываетъ что эти компетенціи сената являются собственно узурпаціей, что финансовое управленіе сената было изъ рукъ вонъ плохое и партійное, и что осуществленіе народнаго суверенитета требовало, чтобы народъ самъ взялъ въ руки завѣдываніе своими финансами. Надо замѣтить, что финансовыя компетенціи сената существовали уже столѣтіями, никѣмъ до тѣхъ поръ не оспаривались и считались составной частью римской государственной конституціи, однимъ изъ краеугольных ея камней. Лишить сенатъ этихъ функцій возможно было бы, поэтому, конечно, на основаніи правильно сформулированнаго и проведеннаго закона, а не путемъ прямого насилия, какъ это сдѣлалъ Тиверій Гракхъ; и во вторыхъ, если и финансовое управленіе сената имѣло свои недостатки, то, безъ всякаго сомнѣнія, во сто разъ хуже было передать это управленіе въ руки совершенно случайно собравшейся на форумъ толпы, которая гордо именовалась народнымъ собраніемъ. Какія гибельныя послѣдствія для всѣхъ римскихъ провинцій, особенно для Азіи, имѣло это вмѣшательство народнаго собранія въ дѣла финансоваго управленія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи при Каѣ Гракхѣ, на-

столько общеизвѣстно, что объ этомъ не надо распространяться. Во всякомъ же случаѣ это вторженіе Тиверія Гракха въ область, которая до сихъ поръ подлежала вѣдѣнію сената, является новымъ нарушеніемъ до сихъ поръ дѣйствовавшей конституціи.

И третьимъ нарушеніемъ этой конституціи была его попытка получить должность трибуна и на слѣдующій годъ. И здѣсь группа ученыхъ, къ которой принадлежит напр. Фельсбергъ (о. с. 188), не находятъ состава нарушенія дѣйствующихъ законовъ; она указываетъ на то, что и до Тиверія Гракха законъ 342 года, по которому вторичное занятіе одной и той же должности возможно было только по истеченіи десятилѣтняго срока, нарушался, и что этотъ законъ не имѣлъ прямого отношенія къ трибунату, такъ какъ можно спорить о томъ, нужно ли въ народныхъ трибунахъ вообще видѣть магистратовъ. Но какъ воровство не становится добродѣтельнымъ дѣйствіемъ тѣмъ, что отдѣльный воръ можетъ указать на цѣлый рядъ до него совершенныхъ другими кражъ, такъ и нарушеніе закона государственнаго не превращается въ закономѣрный актъ тѣмъ, что то же самое нарушеніе имѣло мѣсто и раньше; впрочемъ, характернымъ образомъ Фельсбергъ указываетъ на одинъ только прецедентъ — на континуацію консулата въ 214 и 213 году, въ тяжелую годину второй пунической войны, когда вторичное избраніе дѣльнаго полководца было вызвано прямой потребностью государства. Что же касается указанія, что этотъ законъ не имѣлъ отношенія къ трибунату, то самымъ лучшимъ опроверженіемъ этого взгляда можетъ служить тотъ фактъ, что сама партія Тиверія Гракха признала отношеніе этого закона къ трибунату: ибо послѣ насильственной смерти Тиверія Гракха Папирій Карбонъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы трибунамъ разрѣшено было, безъ соблюденія десятилѣтняго промежутка, вторично занять эту должность: его предложеніе въ народномъ собраніи не прошло, но впослѣдствіи, до трибуната Кая Гракха въ народномъ собраніи былъ проведенъ законъ, по которому, при извѣстныхъ условіяхъ, разрѣшалось бывшимъ трибунамъ непосредственно выставлять свою кандидатуру и на слѣдующіе годы.

Итакъ, какъ и въ прежде указанныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь не удалось попытки новыхъ историковъ доказать правильность и

закономѣрность образа дѣйствія Тиверія Гракха. Можно безусловно согласиться съ приговоромъ Пельманна о негодности тогдашняго сенатскаго режима, который довелъ страну до полнаго внутренняго разложенія, можно согласиться и съ тѣмъ, что это, такъ называемое легальное управленіе стоило того, чтобы быть ниспровергнутымъ, но нельзя при этомъ отрицать, что Тиверій Гракхъ своими дѣйствіями вступилъ на путь насильственной революціи и нельзя при этомъ утверждать, что Тиверій Гракхъ является на всемъ протяжении своей дѣятельности лишь соціальнымъ реформаторомъ. Но неправы съ другой стороны и Э. Шварцъ и другіе, которые приписываютъ Тиверію Гракху соціаль-революціонныя тенденціи съ самаго начала, т. е. уже при выработкѣ своего аграрнаго закона. Мы, напротивъ, видѣли, что Тиверій Гракхъ выступилъ при началѣ своего трибуната съ умѣреннымъ, вполне продуманнымъ проектомъ аграрной реформы, которому сочувствовали довольно широкіе и вліятельные круги сенатской знати. Какъ и почему этотъ соціальный реформаторъ, въ борьбѣ съ оппозиціею за свой аграрный законъ, могъ стать и сталъ соціаль-революціонеромъ, это тотъ вопросъ, та психологическая загадка, на которой намъ слѣдуетъ въ заключеніе остановиться, потому что только ея разъясненіе даетъ возможность вполне правильно оцѣнить и освѣтить дѣятельность Тиверія Гракха.

Ключъ къ пониманію этой неожиданной и скорой метаморфозы героя драмы надо, конечно, искать, на первомъ мѣстѣ, въ характерѣ Тиверія Гракха. Наше преданіе на этотъ счетъ довольно скудно: между тѣмъ какъ традиція подробно останавливается на анализѣ характера младшаго брата, который въ ней вообще заслоняетъ старшаго, и особенно подчеркиваетъ его необузданную страстность, о характерѣ Тиверія Гракха намъ почти ничего не сообщается; но стоитъ вникнуть въ тѣ скудные, но весьма характерные образчики изъ его рѣчей, которые сохранилъ намъ Плутархъ, чтобы сразу убѣдиться, что, по крайней мѣрѣ, то впечатлѣніе, которое получается отъ чтенія біографіи Плутарха и которое въ большей или меньшей степени повліяло и на конценціи новыхъ историковъ, не можетъ соответствовать дѣйствительности.

Этотъ плутарховскій Тиверій Гракхъ—сентиментальный юноша, всецѣло подпавшій подъ вліяніе своихъ учителей-друзей, мечтающій, проливающій слезы и дающій себя безъ сопротивленія убить жестокими оптиматами, есть плодъ фантазіи риторической школы, которая этой концепціею рассчитывала возбудить сочувствіе къ своему герою. На самомъ дѣлѣ, какъ можно заключить изъ немногихъ остатковъ его пламеннаго краснорѣчія, самая выдающаяся черта его характера была та же неудержимая страстность, какъ у его младшаго брата.

Когда онъ, измученный и раздраженный оппозиціею противъ своего проекта, отъ котораго онъ, по своему глубокому убѣжденію ожидалъ возможнаго спасенія и обновленія государства, вдругъ и неожиданно, встрѣтилъ со стороны не яраго представителя лагеря оптиматовъ, а своего ближайшаго коллеги, который, казалось, былъ призванъ ему помочь, непреодолимое препятствіе для осуществленія своихъ плановъ намѣченнымъ порядкомъ, то эта страстность загорѣлась въ немъ и подавила всѣ другія соображенія; это неожиданное препятствіе, передъ которымъ онъ долженъ былъ-бы отступить, усилило еще его энергію, его стремленіе дойти до конечной цѣли. Если ему не разрѣшаютъ законнымъ путемъ осуществить необходимое—то тѣмъ хуже для его противниковъ; тогда онъ это осуществитъ во что бы то ни стало, не разбираясь уже въ средствахъ. Можно довольно часто наблюдать, что въ благородныхъ, но страстныхъ натурахъ, сильное нажиманье одной опредѣленной пружины имѣетъ вышеописанное послѣдствіе: волевая энергія концентрируется на достиженіи одной намѣченной цѣли, и всѣ остальные, въ нормальномъ состояніи рядомъ дѣйствующія соображенія и ассоціаціи, вполне заглушаются.

Вотъ съ наступленія этого психологическаго момента, вызваннаго по преимуществу спокойнымъ, законнымъ и упорнымъ протестомъ Октавія, Тиверій Гракхъ оставилъ путь социальнаго реформатора, чтобы стать на скользкій путь социальнаго революціонера; и съ этого момента и отшатнулись отъ него тѣ изъ его прежнихъ друзей и сторонниковъ, которые сочувствовали реформѣ, но ужасались революціи.

Но что Тиверій Гракхъ послѣ перваго ложнаго шага не могъ повернуть назадъ, не могъ опомниться, этому способствовала, помимо его личной страстности, еще другая существенная причина—настроenie окружающей его атмосферы. Въ Римѣ за послѣднее время накопилось много горючаго матеріала, много было разоренныхъ, много недовольныхъ элементовъ, столица переполнена была поддонками общества. Достаточно было одной сильной искры, чтобы этотъ матеріалъ загорѣлся. Этой искрой и служила агитація по поводу аграрнаго закона Тиверія Гракха. Его, какъ освободителя и спасителя, постоянно окружала эта толпа, состоящая изъ весьма сомнительныхъ элементовъ, она его сопровождала на форумъ и домой, она караулила его домъ.

Кто внимательно слѣдилъ за очень поучительными для историка событіями у насъ въ злополучные 1905 и 1906 годы, тотъ по собственному наблюденію знаетъ, какъ заразительно даже на сравнительно спокойныхъ людей подѣйствовала эта психологія массы, знаетъ, какъ революціонный чадъ отуманилъ способность спокойнаго разсужденія у лицъ, до тѣхъ поръ далеко стоявшихъ отъ интересовъ и борьбы политической жизни, а поэтому и правильно учесть это вліяніе революціонной атмосферы при безпристрастной оцѣнкѣ дѣятельности Тиверія Гракха.

Развертывается передъ нашими глазами драма, полная захватывающаго интереса. Благородный юноша выступаетъ съ программой реформы и оздоровленія своего разлагающагося внутри отечества; страстность его еще не окрѣпшаго характера, которая при встрѣчѣ неожиданныхъ, на видъ не устранимыхъ препятствій, съ особой силой загорается,—съ другой стороны вліяніе окружающей его среды является причиною психологической метаморфозы и превращаетъ благонамѣреннаго и умѣреннаго во своихъ первоначальныхъ цѣляхъ реформатора въ социаль-революціонера, который добивается достиженія своихъ плановъ уже съ явнымъ нарушеніемъ основъ государственной конституціи. Эта его незаконномѣрная дѣятельность вызываетъ реакцію, которая и здѣсь—какъ это обыкновенно бываетъ—во много разъ насильственнѣе и грубѣе революціи Тиверія Гракха, потому что эта реакція знаетъ только логику кулака, и благородный юноша искупаетъ свою вину насильственной, кровавой смертью.

Но проведенная имъ аграрная реформа реакціею пока не трогается, не отмѣняется; отчасти, конечно, потому, что реакція еще не чувствовала себя достаточно сильной для этого, но по большей части, несомѣнно, потому что среди самой знати существовала довольно сильная группа, которая сочувствовала аграрной реформѣ, но, понятно, не могла одобрить тѣ средства, которыми Тиверій Гракхъ добивался ея осуществленія.

Даже консулъ 132 года Попилій Ленатъ, членъ экстреннаго суда надъ «заговорщиками» и приверженцами Тиверія Гракха, котораго, поэтому, привыкли считать ярымъ противникомъ реформы Тиверія Гракха, на самомъ дѣлѣ, какъ доказываетъ любопытная его надпись (C. I. L. I, 551) былъ ея сторонникомъ; текстъ этой надписи (*primus fecit, ut de agro poplico aratoribus cederent pastores*) съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ, что «онъ первый заставилъ удалиться пастуховъ съ государственной земли въ пользу пахарей», и этимъ подчеркиваетъ, что онъ, осуждая революцію и революціонеровъ умѣетъ по достоинству цѣнить благотворное дѣйствіе аграрнаго закона Тиверія Гракха.

Пусть эта маленькая, но свѣтлая и отрадная черта послужить заключительнымъ штрихомъ на нарисованной нами картинѣ, на фонѣ которой благородныя побужденія такъ сильно затемняются человѣческими страстями, заблужденіями и преступленіями.

Э. фонъ-Штернъ.

Отраженіе катилинарской смуты въ традиціи о Тарквиніяхъ.

Сужденіе о степени недостоверности древнѣйшей исторіи римской республики I—II столѣтій ея существованія находится въ существенной зависимости отъ того или иного рѣшенія вопроса объ анналахъ понтификовъ. Если, подобно Паису или Ламберу, принимать гиперкритическую точку зрѣнія, согласно которой составленіе такихъ памятниковъ римской письменности, какъ лѣтопись и законы XII таблицъ, могло осуществиться только уже въ болѣе позднія историческія времена, то, конечно, традиція не только о царской эпохѣ, но также о первыхъ двухъ вѣкахъ почти цѣликомъ должна быть отнесена къ области вымысла. Въ отлччіе отъ этого, въ сущности, чисто любительскаго отношенія къ дѣлу, далеко болѣе прочными являются основанія умѣренно-скептическаго направленія, которое допускаетъ давнее возникновеніе лѣтописи понтификовъ, но въ то же время принимаетъ гибель этого памятника во время галльскаго пожара, слѣдуя указанію Ливія (6, 1, 2: *etiamsi quae in commentariis pontificum aliisque publicis privatisque erant monumentis, incensa urbe pleraeque interiere*). При такомъ взглядѣ вопросъ о недостоверности традиціи очерчивается опредѣленною хронологическою гранью—до пожара 390 года. Однако, въ этихъ предѣлахъ получается тотъ же безнадежный результатъ, какъ и въ первомъ случаѣ, причемъ довольно безразлично предположеніе, что сгорѣвшая лѣтопись могла быть восстановлена понтификами по памяти: значеніе подобнаго матеріала все равно было бы очень проблематично.

Впрочемъ, весьма широкій просторъ для скептическаго отношенія къ традиціи остается и въ томъ случаѣ, если лѣтопись уцѣлѣла отъ пожара. Правда, почти невысказано допустить нечто подобное, если, какъ водится, отождествлять старую лѣтопись съ тѣми громозд-

кими деревянными досками (*tabula, album*), которыя одно время (неизвѣстно въ точности, когда и долго ли) вывѣшивались, для освѣдомленія публики, ежегодно на наружной стѣнѣ присутственнаго зданія коллегіи понтификовъ (*regia*). Такое отождествленіе сомнительно уже потому, что, по сохранившимся свѣдѣніямъ объ этихъ доскахъ, онѣ представляють собою прежде всего только календарное расписаніе дней каждаго текущаго года, что, при сложности старой календарной системы, являлось весьма крупной услугой со стороны понтификовъ. Если тутъ же они дѣлали какія либо помѣтки о текущихъ событіяхъ, то это могло имѣть смыслъ только по отношенію къ фактамъ, совершившимся вдали отъ Рима, но было бы излишне публиковать о замерзаніи Тибра, о выпавшемъ въ Римѣ глубокомъ снѣгѣ, о наводненіи, о засухѣ, о повальной болѣзни и тому подобныхъ вещахъ, которыя были извѣстны публикѣ непосредственно и безъ публикаціи понтификовъ. А между тѣмъ этого рода замѣтки составляли характерную черту древней лѣтописи. Стало быть, она не могла быть тождественна съ ежегодно смѣнявшимися досками. При томъ этимологія слова «*liber*» свидѣтельствуетъ о томъ, что древнѣйшимъ писчимъ матеріаломъ въ обиходѣ служили вовсе не доски (*tabulae*), употреблявшіяся только для общественныхъ публикацій, а, напротивъ, простой «лубокъ», т. е. болѣе портативный матеріалъ. Если далѣе принять во вниманіе, что первоначальная лѣтопись представляла собою лишь весьма краткія замѣтки, присоединяемыя къ именамъ эпонимныхъ магистратовъ, то вполне допустима мысль, что небольшая коллекція «лубка» (*liber*) съ лѣтописными помѣтками понтификовъ могла находиться въ числѣ тѣхъ священныхъ сокровищъ, которыя во время нашествія галловъ были вывезены весталками въ Цѣре. При такихъ обстоятельствахъ вовсе не исключается возможность сохраненія подлинныхъ анналовъ отъ перваго вѣка республики, постулируемая разными наблюденіями надъ текстомъ традиціи. Задача критики здѣсь, какъ и для традиціи о послѣдующемъ времени, будетъ состоять въ томъ, чтобы отыскать остатки документальнаго зерна, похороненнаго литературой подъ толстымъ слоемъ наносныхъ пластовъ.

Тутъ, однако, возникаетъ вопросъ о томъ, съ какого же момента возможно начать поиски историческаго матеріала, унаслѣдо-

ваннаго отъ лѣтописи понтификовъ. Иначе говоря, необходимо составить себѣ вполнѣ опредѣленное мнѣніе о началѣ этой лѣтописи, о времени ея возникновенія. Судя по разнымъ признакамъ, мы въ правѣ утверждать, что это могло быть не ранѣе 464 года по традиціонной хронологіи, т. е. начиная только съ III книги Ливія. Повѣствованіе о предшествовавшихъ начальныхъ годахъ республики, на протяженіи всей II книги Ливія, въ полномъ объемѣ является позднѣйшимъ дополненіемъ, составившимся изъ разныхъ источниковъ, къ числу которыхъ не принадлежала основная лѣтопись понтификовъ. Даже консульскіе фасты этихъ годовъ не составляютъ исключенія, хотя Моммзенъ склоненъ признать подлинность перечня именъ консуловъ, кромѣ нѣсколькихъ паръ въ самомъ началѣ, искусственность которыхъ ужъ чрезчуръ очевидна.

При предполагаемой скудости основного лѣтописнаго матеріала, начиная съ III книги Ливія, и при полномъ отсутствіи его для II книги наша наличная традиція о древнѣйшей республикѣ поражаетъ своимъ богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія, являясь сама по себѣ весьма крупнымъ историко-литературнымъ фактомъ, требующимъ самаго тщательнаго и бережнаго отношенія. Задача изслѣдователя здѣсь должна быть направлена къ возможному уясненію тѣхъ источниковъ и путей, которые позднѣйшимъ историкамъ дали возможность создать, какъ-бы изъ ничего, такое пышное повѣствованіе. Найти эти источники и пути можно только посредствомъ обособленнаго разбора каждаго отдѣльнаго разсказа, каждаго отдѣльнаго дѣла. Однако, въ вопросахъ внутренней политики подмѣчается и нѣчто общее, рѣзко отличающее вторую книгу Ливія отъ третьей. Въ III книгѣ Ливія сразу, безъ всякой предварительной подготовки, выдвигается вопросъ о такомъ переустройствѣ высшей магистратуры (*de imperio consulari*), которое доставило бы плебеямъ, наравнѣ съ патриціями, доступъ къ участію въ верховномъ управленіи дѣлами республики. Эта борьба изъ-за власти, возникшая на почвѣ разлечія сословій, фактически означала только борьбу двухъ различныхъ слоевъ римской аристократіи, тѣхъ самыхъ, которые потомъ, по улаженіи спора, составили новый смѣшанный нобилитетъ. Напротивъ, во II книгѣ рѣшаются разные соціальные вопросы, имѣвшіе практическое значеніе, главнымъ образомъ, для низшихъ слоевъ населе-

нія: о поземельныхъ надѣлахъ, о дешевомъ хлѣбѣ, о задолженности. Въ дѣйствительности эти вопросы въ исторіи римской республики появляются лишь съ теченіемъ времени и притомъ разновременно, продолжая входить, въ измѣненномъ видѣ, въ программу политической борьбы еще въ концѣ республики. То же самое касается чисто политическихъ вопросовъ, затронутыхъ во II книгѣ: съ одной стороны, о пользѣ сенатскаго режима (въ сказкѣ Мененія Агриппы), а съ другой—о компетенціи трибунской власти. Все это волновало республику въ періодъ ея упадка.

Наличная традиція о начальной эпохѣ республики, такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ явственные отголоски тенденцій изъ временъ Суллы, Помпея, Цезаря. Мало того: дѣло не ограничивается однимъ только колоритомъ политической мысли. Даже самое построеніе нѣкоторыхъ разсказовъ во II книгѣ Ливія скомбинировано по образцамъ, имѣвшимъ мѣсто въ текущихъ событіяхъ въ періодъ упадка республики. Еще Нибуръ подмѣтилъ, что въ повѣствованіи о миѳическомъ аграрномъ законопроектѣ Сп. Кассія отражаются характерныя черты изъ дѣятельности ближайшихъ преемниковъ Гракховъ. Пожалуй, еще болѣе яркій осадокъ оставила катилинарская смута въ разсказахъ о двухъ заговорахъ противъ республики, вызванныхъ происками изгнаннаго Тарквинія.

Особенно отчетливо сказывается это въ разсказѣ Діонисія Галикарнасскаго (5, 53 сл.) о второмъ заговорѣ, случившемся будто-бы въ консульство Сервія Сульпиція и Манія Туллія или въ 500 году, по традиціонной хронологіи. Отношеніе этого заговора къ дѣлу Катилины убѣдительно разъяснено Э. Шварцемъ (Ed. Schwartz *Notae de Romanorum annalibus*. Goettingen. 1903). Помимо точекъ соприкосновенія въ деталяхъ содержанія, здѣсь имѣется открытый кивокъ въ сторону Цидерона съ критическимъ разборомъ его противозаконнаго образа дѣйствій.

Характерно уже то, что одинъ изъ обоихъ консуловъ 500 года, Маній Туллій, оказывается однофамильцемъ историческаго Марка Туллія Цидерона. Также и составъ заговорщиковъ и мотивы заговора оказываются однородными въ обоихъ случаяхъ. Въ годъ консульства Манія Туллія, какъ и при консулѣ Маркѣ Тулліи, основной контингентъ заговорщиковъ состоялъ изъ людей, обремененныхъ дол-

гами и надѣявшихся путемъ переворота поправить свое матеріальное положеніе (Cic. Cat. 8, 18; 19; 21). Къ участію подстрекались также рабы, какъ и въ дѣлѣ Катилины (ib. 4, 2, 4: *servitia excitantur*).

Тарквиній, отправляя въ Римъ пословъ, присоединилъ къ ихъ свитѣ особыхъ агентовъ, которымъ и удалось подкупить многочисленныхъ задолжавшихся гражданъ, выдавъ имъ на руки часть денегъ сейчасъ же и обѣщавъ уплатить остальное по возстановленіи Тарквинія во власти. Подкупленные составили заговоръ, въ который были вовлечены также рабы надеждой на свободу и наживу. Заговоръ былъ направленъ противъ господствующаго класса богатыхъ гражданъ. Заговорщики должны были въ ночной тишинѣ захватить всѣ возвышенныя мѣста въ городѣ, а рабамъ было предоставлено по данному сигналу перебить въ домахъ своихъ господъ. Но заговоръ былъ открытъ двумя братьями изъ рода Тарквиніевъ, которые, будучи испуганы страшными сновѣдѣніями, донесли обо всемъ консулу Сульпицію. Консулъ, укрывъ доносчиковъ до поры до времени въ своемъ домѣ, доложилъ о случившемся сенату, а послѣдній уполномочилъ консула разыскать заговорщиковъ и наказать ихъ. Для выясненія и уличенія виновныхъ Сульпицій придумалъ особый планъ, суть котораго заключалась въ томъ, чтобы при помощи доносчиковъ—братьевъ Тарквиніевъ—заманить участниковъ заговора ночью на форумъ, какъ бы для окончательнаго распредѣленія ролей. Передъ этимъ моментомъ всадники должны были тайкомъ размѣститься въ окружающихъ форумъ зданіяхъ, въ то время какъ сенаторы озабочены объ обезпеченіи остальныхъ частей города. Когда заговорщики собрались на форумъ, всадники вышли изъ своей заставы и, оцѣнивъ площадь со всѣхъ сторонъ, не выпускали оттуда никого до наступленія утра. Тѣмъ временемъ прибылъ второй консулъ, Туллій, во главѣ войска, находившагося подъ Фиденами. На разсвѣтѣ оба консула, окруженные воинами, пришли на форумъ и, взоидя на трибуналъ, приступили къ производству слѣдствія, а отсюда перешли въ сенатъ, гдѣ и былъ постановленъ приговоръ о казни уличенныхъ публично измѣнниковъ. Рѣшеніе сената, однако, было приведено ими въ исполненіе только послѣ предварительнаго утвержденія приговора со стороны народнаго собранія. Консулы ограничились казнью захваченныхъ на форумѣ, отказываясь отъ

дальнѣйшаго разыскиванія и преслѣдованія сообщниковъ заговора. Въ заключеніе, сенатъ, считая общину оскверненной пролитіемъ крови казненныхъ гражданъ, постановилъ совершить очистительныя жертвоприношенія и игры, во время которыхъ консулъ Туллій упалъ съ колесницы и разбился на смерть.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣйствій Сульпиція противъ заговорщиковъ, Діонисій (с. 55) даетъ хвалебную характеристику поведенія Сульпиція, противопоставляя то, что онъ сдѣлалъ, тому, чего онъ не дѣлалъ. Особенно характерна первая же фраза Діонисія, въ которой сказано, что Сульпицій, уполномоченный сенатомъ произвести слѣдствіе и наказать виновныхъ, не пожелалъ дѣйствовать самовластно, на подобіе тирана, какъ поступилъ бы въ подобныхъ условіяхъ *кто либо другой*: οὐ τὴν αὐθάδη καὶ τυραννικὴν ἤλθεν ὁδόν, ὥς ἕτερος ἂν τις ἐποίησεν εἰς τοσαύτην κατακλεισθεὶς ἀνάγκην. Напротивъ, онъ избралъ путь, болѣе согласный съ республиканскимъ образомъ правленія: τῷ σχήματι τῆς καθεστῶσης τότε πολιτείας ἀκόλουθον. Далѣе замѣчаетъ Діонисій, что Сульпицій не приказывалъ схватывать гражданъ въ ихъ домахъ и не вырывалъ ихъ изъ среды семьи. Онъ полагалъ, что нѣчто подобное вызываетъ только раздраженіе. Не хотѣлъ онъ также устраивать какого-либо келейнаго слѣдствія надъ виновными. Онъ предпочелъ сдѣлать такъ, чтобы вина заговорщиковъ стала очевидной всему народу.

Затѣмъ, переходя къ самому изложенію придуманнаго Сульпиціемъ плана (с. 56), Діонисій находитъ еще нужнымъ особо мотивировать передачу всѣхъ этихъ подробностей. Онъ указываетъ на то, что, съ одной стороны, это будетъ въ интересахъ читателей, которые такимъ образомъ легче будутъ въ состояніи уяснить себѣ ходъ дѣла, съ другой же стороны—детальное знакомство съ мѣропріятіями Сульпиція необходимо для государственныхъ мужей, какъ образецъ для подражанія: τοῖς δὲ πολιτικοῖς καὶ πάντο ἀναγκαίαν ὑπάρχουσαν τὴν τοιοῦτων μᾶθσιν, ἵνα παραδείγμασιν ἔχοιεν πρὸς τὰ συμβαίνοντα χρῆσθαι.

Итакъ, рассказъ о Сульпиціи былъ составленъ съ нравоучительною цѣлью, въ назиданіе политикамъ въ аналогичныхъ случаяхъ. Притомъ наставленія преподаются здѣсь не абстрактно, на всякій случай, а построены на фонѣ опредѣленнаго конкретнаго факта, какъ видно изъ полемическаго противопоставленія Сульпиція «кому-

то другому» (ἑτέρῳ τις), дѣйствовавшему совсѣмъ иначе. Поведеніе подразумѣваемаго здѣсь лица охарактеризовано, какъ самовластное и тираническое. А именемъ тирана клеймили именно Цицерона за его образъ дѣйствій въ дѣлѣ сообщниковъ Катилины (pro Sestio 51, 109: me tyrannum et ereptorem libertatis esse dicebat illa ruina rei publicae; pro Sulla 7, 21: regnum meum). Въ полемикѣ противъ Цицерона, лишь слабо замаскированной подъ видомъ похвалъ Сульпицію, на первое мѣсто выдвинуть главный пунктъ обвиненія, возводимого противъ Цицерона его противниками. Сульпицій получилъ отъ сената тѣ же полномочія, которыя были предоставлены Циперону путемъ такъ наз. S. C. ultimum. Основываясь только на этихъ полномочіяхъ, послѣдній предаль казни римскихъ гражданъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ Катилины. Напротивъ, Сульпицій, сообразуясь съ законами республики, предварительно представилъ дѣло на рѣшеніе комицій, единственно компетентныхъ въ вопросѣ о жизни и смерти гражданина. Въ своемъ историческомъ видѣ комиціальное судопроизводство по такимъ дѣламъ имѣло форму такъ наз. дуумвиральнаго суда, примѣненнаго еще въ вѣкъ Цицерона противъ Г. Рабирія. Въ дѣлѣ сообщниковъ Катилины Цицеронъ игнорировалъ этотъ законный порядокъ. Знаменитый S. C. ultimum вовсе не основывался на законѣ, а представлялъ собою только узурпацію со стороны сенатскаго режима. Самъ Цицеронъ ссылается только на прецеденты (Cat. 1 § 3), т. е. на обычай, mos maiorum. Поэтому, хотя Цицеронъ передъ казнью добился specialнаго приговора со стороны сената, Клодій и имѣлъ возможность обосновать свой законопроектъ, направленный противъ Цицерона, формулой: si quis civem Romanum *indemnatum* interemisset. Замѣна комиціального суда сенатскимъ судомъ въ глазахъ противниковъ Цицерона была столь же незаконна, какъ и совершеніе казни на основаніи полномочій, полученныхъ имъ отъ сената. Произведеннаго надъ сообщникомъ Катилины суда въ сенатѣ касается и Діонисій въ дальнѣйшей части своего полемическаго экскурса, но въ такихъ выраженіяхъ, которыя свидѣлствуютъ о томъ, что этотъ греческій риторъ не уяснилъ себѣ юридической природы вопроса.

Въ повѣствовательномъ текстѣ разсказа Діонисія затронуто другое крупное обвиненіе, касающееся уже честности Цицерона. Кон-

сулъ Сульпицій послѣ казни тѣхъ, кто самъ выдалъ себя своимъ участіемъ въ ночномъ сборищѣ на форумѣ, не привлекалъ больше уже никого къ отвѣтственности за прикосновенность къ заговору. Напротивъ, Цицеронъ не ограничился казнью тѣхъ, кто были уличены на слѣдствіи въ сенатѣ, а продолжалъ и послѣ этого разыскивать и преслѣдовать другихъ сообщниковъ Катилины, причемъ для этой цѣли пользовался услугами разныхъ доносчиковъ, въ томъ числѣ всадника Л. Веттія (Cass. Dio 37, 41). О строгихъ судебныхъ приговорахъ въ такихъ дополнительныхъ процессахъ упоминаетъ самъ Цицеронъ (pro Sulla 33, 92: *severitatem iudiciorum, quae per hos menses in homines audacissimos facta sunt*). Эти процессы получили особую пикантную окраску вслѣдствіе слуховъ о томъ, будто Цицеронъ пользовался ими для своего личнаго обогащенія путемъ вымогательствъ. Быть можетъ, именно съ цѣлью противоѣдствовать такимъ слухамъ онъ самъ принялъ на себя защиту одного изъ подсудимыхъ этой категоріи, П. Суллы. Однако, и въ данномъ случаѣ поговаривали, будто Цицеронъ получилъ отъ Суллы весьма крупную ссуду для покупки дома (Gell. N. A. 12, 12), притомъ уже въ то время, когда тотъ находился подъ слѣдствіемъ. При такихъ обстоятельствахъ тенденціозный смыслъ замѣчанія Діонисія о прекращеніи Сульпиціемъ всякихъ дальнѣйшихъ преслѣдованій не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Тенденціозно также указаніе на то, что послѣ казни заговорщиковъ въ консульство Сульпиція сенатъ назначилъ совершеніе *искупительныхъ* жертвоприношеній за пролитіе крови гражданъ. Нельзя не видѣть здѣсь сопоставленія съ подобнымъ сенатскимъ рѣшеніемъ о *благодарственныхъ* молебствіяхъ въ честь Цицерона, каковая честь, по его собственнымъ словамъ (Cat. 3, 15), была оказана впервые ему, какъ гражданскому магистрату (*mihi primum togato*). Изъ обоихъ консуловъ 500 года одинъ только Маній Туллій стоялъ во главѣ войска. И какъ разъ этотъ однофамилецъ Цицерона, остававшійся все время въ тѣни и появившійся только при заключательной развязкѣ, палъ жертвою гнѣва боговъ, въ то время какъ историческій Маркъ Туллій поплатился не жизнью, а лишь правомъ жительства въ Италіи.

Въ числѣ частныхъ, не лишенныхъ тенденціознаго смысла, можно отмѣтить еще то, что въ разсказѣ о Сульпиціи доносчиками оказываются два представителя рода Тарквиніевъ. Подобнымъ образомъ имя Тарквинія связано съ однимъ любопытнымъ эпизодомъ въ дѣлѣ сообщниковъ Катилины. Когда послѣдніе уже находились подъ слѣдствіемъ (въ промежуткѣ времени между III и IV рѣчами Цицерона), то въ сенатъ явился добровольный свидѣтель въ лицѣ нѣкоего Л. Тарквинія (Sall. Cat. 48), который подтвердилъ результаты произведеннаго передъ тѣмъ допроса, но, кромѣ того, заявилъ о причастности къ заговору также и М. Красса. Такое показаніе смутило сенаторовъ въ такой степени, что они тутъ же поспѣшили признать Тарквинія недобросовѣстнымъ доносчикомъ (*indicium falsum*). Притомъ многіе, въ томъ числѣ самъ Крассъ, не прочь были вѣрить тому, что Тарквиній выступилъ съ своими показаніями по наущенію со стороны Цицерона, который такимъ образомъ и тутъ заподозривался въ недобросовѣстности. Напротивъ, Сульпицій также и въ этомъ отношеніи являлся вполне безупречнымъ, такъ какъ братья Тарквиніи явились къ нему съ доносомъ, побуждаемые къ этому самими богами.

Однимъ словомъ, весь разсказъ о Сульпиціи пасквозъ пропитанъ атмосферой интриги противъ Цицерона въ связи съ его выступленіями противъ Катилины и его сообщниковъ. Кивки въ сторону знаменитаго оратора здѣсь такъ очевидны, что Ливій, дойдя до консуловъ 500 года, не просто игнорируетъ принятый Діонисіемъ разсказъ о заговорѣ, подавленномъ Сульпиціемъ, но даже прямо отклоняетъ его заявленіемъ, что въ этомъ году не произошло ничего достопримѣчательнаго (2, 19: *consules Ser. Sulpicius M. Tullius: nihil dignum memoria gestum*). Разсказъ о консулахъ 500 года былъ извѣстенъ еще Цицерону, какъ видно изъ того, что, цитируя ихъ имена, онъ рѣзко отрещивается отъ всякаго родства съ Маніемъ Тулліемъ (Brut. 16, 62). Между тѣмъ, не зная онъ этого разсказа, такое родство, при тогдашней погонѣ римскихъ аристократовъ за знатными предками, должно было представляться крайне заманчивымъ для такого homo novus, какимъ былъ Цицеронъ: въ лицѣ Манія Туллія плебей Маркъ Туллій имѣлъ бы патриціанскаго предка, бывшаго консуломъ еще въ самомъ началѣ республики. Если тѣмъ

не менѣ Цицеронъ принимаетъ на вѣру, по крайней мѣрѣ, самыя имена обоихъ консуловъ 500 года, какъ это дѣлаетъ и Ливій, то это можно объяснить тѣмъ, что незадолго до написанія Цицерономъ его сочиненія *Brutus*, вышедшаго въ 46 году, появился трудъ его друга Аттика подъ заглавiемъ *Liber annalis*, имѣвшiй весьма большое значенiе для окончательной выработки наличныхъ консульскихъ фастовъ изъ первыхъ временъ республики. Трудъ Аттика представлялъ собою краткiй хронологическiй конспектъ по исторiи Рима и другихъ важнѣйшихъ государствъ (*Cic. or. 34, 120: rerum gestarum et veteris memoriae ordinem*), въ которомъ къ именамъ ежегодныхъ магистратовъ были присоединены краткiя свѣдѣнiя о событiяхъ каждаго года. Это хронологическое пособiе Аттика въ свою очередь явилось, повидимому, только сокращенной переработкой болѣе обширной хроники Корнелiя Непота, составленной имъ еще при жизни Катуллы, т. е. не позже 53 года (трудъ Аттика вышелъ раньше 51 года). Для подобныхъ хронологическихъ обзорѣнъ требовалась абсолютная полнота консульскихъ фастовъ по порядку годовъ, а потому авторамъ ихъ приходилось пополнять пробѣлы въ ихъ собственными средствами. Такимъ образомъ, Аттикъ, или скорѣе Корнелiй Непотъ, могъ использовать рассказъ о заговорѣ при Сер. Сульпиции и Манiи Туллiи для восполненiя пробѣла подъ 500 годомъ путемъ внесенiя сюда именъ этихъ консуловъ. Точная дата ихъ консульства въ цитатѣ Цицерона (*anno X post exactores*) свидѣтельствуетъ о томъ, что источникомъ его здѣсь служило именно изъ этихъ хронологическихъ пособiй или, точнѣе, именно трудъ Аттика, о которомъ онъ упоминаетъ и въ другихъ мѣстахъ.

Корнелiй Непотъ работалъ надъ своей хроникой въ годы, непосредственно примыкавшiе ко времени агитацiй противъ Цицерона (его изгнанiе въ 58 г.) и за него (его возвращенiе изъ ссылки въ 57 г.). А возникновенiе тенденцiознаго рассказа о Сульпиции мыслимо лишь въ тѣснѣйшей связи именно съ этими агитацiями, когда такая формулировка разныхъ пунктовъ обвиненiя Цицерона для его противниковъ являлась реальной необходимостью даннаго политическаго момента. Рассказъ о Сульпиции является характернымъ образцомъ тогдашней публицистики, своего рода прокламацiей, имѣвшей весьма нагляднымъ образомъ, на придуманномъ примѣрѣ, уяснить

конституціонные и этическіе дефекты образа дѣйствій Цицерона противъ сообщниковъ Катилины. Содержаніе летучки, использованной тогда же Корнеліемъ Непотомъ и, по его примѣру, также Аттикомъ для пополненія консульскихъ фастовъ, было затѣмъ подробно воспроизведено кѣмъ либо изъ историковъ (б. м. Туберономъ), черезъ посредство котораго рассказъ сдѣлался извѣстнымъ Діонисию; сравнительно съ послѣднимъ Ливій въ этомъ случаѣ оказался болѣе разборчивымъ въ оцѣнкѣ своихъ источниковъ.

При такихъ обстоятельствахъ можетъ быть уяснено историко-литературное значеніе также и легенды о консулѣ Брутѣ, безпощадно казнившемъ собственныхъ своихъ сыновей за ихъ участіе въ заговорѣ въ пользу реставраціи царской власти изгнаннаго Тарквинія. Этотъ заговоръ приурочивается еще къ первому году республики. По Ливію (2, 3—5), аристократическая молодежь, сравнивая новые республиканскіе порядки съ прежней вольготной жизнью при царяхъ, была очень недовольна установленіемъ республики. Такимъ настроеніемъ въ средѣ молодыхъ аристократовъ воспользовались послы Тарквинія, прибывшіе въ Римъ съ ходатайствомъ о выдачѣ царской семьѣ ея имущества. Благодаря ихъ проискамъ, состоялся заговоръ съ Аквиліями и Вителліями во главѣ, причемъ послѣдніе вовлекли въ эту затѣю также сыновей Брута, своихъ племянниковъ: жена Брута была сестрой Вителліевъ. Для окончательныхъ переговоровъ заговорщики собрались въ домѣ Вителліевъ и вручили здѣсь посламъ письма для Тарквинія. Одинъ изъ рабовъ донесъ объ этомъ консуламъ, которые немедленно отправились къ мѣсту тайнаго собранія и, отобравъ у пословъ выданные имъ письма, тутъ же арестовали всю компанію молодыхъ аристократовъ. Сенатъ по докладу консуловъ отказалъ Тарквинію въ выдачѣ имущества, на которую онъ передъ тѣмъ соглашался, а арестованныхъ заговорщиковъ приговорилъ къ казни. Исполненіемъ приговора руководилъ Брутъ, предавшій казни такимъ образомъ также и собственныхъ своихъ сыновей. Рабъ за услугу, оказанную имъ республикѣ, получилъ свободу. По этому поводу сообщается о преторскомъ обрядѣ отпущенія рабовъ на волю *per vindictam*, будто бы примѣненномъ тогда въ первый разъ. Другой подобный археологическій экскурсъ, о возникновеніи

острова на Тибрѣ, вставленъ въ серединѣ разсказа въ связи съ сенатскимъ рѣшеніемъ о землѣ Тарквиніевъ на Марсовомъ полѣ.

Составъ заговорщиковъ и цѣли заговора рѣзко отличаются отъ условій заговоровъ при Сульпиціи и Циперонѣ. Напротивъ, схема построения самого заговора одна и та же въ основныхъ чертахъ, но съ такими видоизмѣненіями, которыя очень похожи на преднамѣренное устраненіе допущенныхъ Циперономъ ошибокъ. Но только эти ошибки здѣсь совсѣмъ не тѣ, которыя подразумеваются въ разсказѣ о Сульпиціи. Главной уликой въ дѣлѣ Аквиліевъ и Вителліевъ, какъ и въ дѣлѣ сообщниковъ Катилины, служатъ письма, выданныя посламъ, въ одномъ случаѣ— посламъ аллоброговъ и Вольтурцію, въ другомъ— посламъ Тарквинія. Однако, въ то время какъ Циперонъ для того, чтобы завладѣть этими письмами, устраиваетъ сложную засаду на мосту за городомъ, консулы первого года республики, какъ только узнали о сборищѣ въ домѣ Вителліевъ, немедленно отправляются туда и безъ труда овладѣваютъ письмами и, учтивъ такимъ образомъ заговорщиковъ тутъ же на мѣстѣ преступленія, сейчасъ же отдають приказъ объ ихъ арестѣ. Циперону же удалось захватить на мосту одного только Вольтурція, въ то время какъ остальныхъ заговорщиковъ, учаемыхъ захваченными письмами, ему пришлось разыскивать по домамъ («вырывая ихъ изъ объятій семьи», по словамъ разсказа о Сульпиціи), а затѣмъ по приводѣ ихъ въ сенатъ вынудить у нихъ признаніе путемъ предъявленія писемъ, причѣмъ глава заговора, Катилина, остался на свободѣ и противъ него необходимо было предпринять военныя дѣйствія. Однимъ словомъ, древніе консулы сумѣли подавить движеніе въ самомъ зародышѣ, безъ всякихъ осложненій (*sine tumultu oppressum* *est* *gen* *oppressere*), не такъ, какъ это было при Циперонѣ.

Упреки Циперону здѣсь отличаются самымъ существеннымъ образомъ отъ тенденціознаго смысла разсказа о Сульпиціи. Правда, также авторъ легенды о Брутѣ исправляетъ замѣченныя имъ ошибки въ дѣйствіяхъ Циперона. Однако, онъ дѣлаетъ это спокойно, безъ всякихъ подчеркиваній и кивковъ въ сторону критикуемаго лица. Притомъ его исправленія только частичны, касаясь одного лишь момента накрытія измѣнниковъ, но вовсе не затрагивая тѣхъ пунктовъ обвиненія, которыя выставлялись противъ Циперона его вра-

гами. Авторъ легенды о Брутѣ осуждаетъ Цицерона не принципиально, не за то, что онъ поступалъ незаконно и нечестно, а наоборотъ, какъ разъ только за то, что онъ дѣйствовалъ недостаточно рѣшительно. Стало быть, это былъ не его противникъ, а скорѣе его сторонникъ, сожалѣвшій о томъ, что онъ слишкомъ перемонился съ заговорщиками. Автора легенды о Брутѣ въ данной, по крайней мѣрѣ, редакція нужно поэтому искать среди друзей Цицерона. Притомъ необходимо принять во вниманіе, что отраженіе событій катилинарской смуты могло появиться въ этомъ разсказѣ, съ одной стороны, уже послѣ этихъ событій, но съ другой—въ такое время, когда поведеніе Цицерона во время катилинарской смуты могло еще интересовать писателей того времени. Наконецъ, своими экскурсами объ островѣ и о *vindicta* авторъ разсказа о Брутѣ рекомендуетъ себя, какъ знатокъ римской археологіи. Все это, взятое вмѣстѣ, позволяетъ обратить вниманіе на друга Цицерона Аттика, автора *Liber annalis*, сверхъ того написавшаго монографіи объ отдѣльныхъ знатныхъ фамиліяхъ и нѣкоторыя другія археологическія работы.

Уже Зольтау обратилъ вниманіе на то, что такая родословная подробность, какъ то, что жена Брута была изъ рода Вителліевъ, могла попасть въ римскую анналистику только изъ генеалогической монографіи Аттика о родѣ Юніевъ, написанной имъ по просьбѣ М. Брута (*Corn. Nep. Atticus 18: M. Bruti rogatu Juniam familiam a stirpe ad hanc aetatem ordine enumeravit notans, qui a quoque ortus, quos honores quibusque temporibus cepisset*). Еще въ своемъ *Liber annalis* Атикъ удѣлялъ много мѣста разъясненію родословныхъ связей знатныхъ римскихъ семействъ (*l. c.: sic familiarum originem subtexit, ut ex eo clarorum virorum propagines possimus cognoscere*). То же самое онъ дѣлалъ въ родословныхъ монографіяхъ (*ib.: hoc idem fecit separatim in aliis libris, съ ссылкой на монографіи о Юніяхъ, Марцеллахъ, Фабіяхъ и Эмилияхъ*), имѣя въ послѣднемъ случаѣ гораздо большій просторъ для примѣненія своихъ археологическихъ познаній и наклонностей, чѣмъ это было возможно въ краткой конспективной хроникѣ.

Выше указанная родословная частность связана съ остальнымъ содержаніемъ разсказа о заговорѣ Аквиліевъ и Вителліевъ настолько

тѣсно (ею мотивируется принадлежность сыновей Брута къ обществу заговорщиковъ), что возможно думать, что она была заимствована изъ монографіи Аттика не сама по себѣ, а въ виду составной части разсказа, цѣликомъ основывающагося на трудѣ Аттика о Юніяхъ. На тотъ же источникъ указываетъ и то, что здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ у Ливія, такъ и у Діонисія (5, 3 сл.), является именно Брутъ, причемъ имя второго консула у Ливія даже и вовсе не упоминается, хотя изъ предшествующей главы видно, что во время заговора вторымъ консуломъ, рядомъ съ Брутомъ, былъ уже Валерій, въ то время какъ по Діонисію таковымъ состоялъ еще Тарквиній Коллатинскій. Это колебаніе въ наименованіи второго консула свидѣтельствуетъ о томъ, что безымянность товарища Брута составляетъ основную форму разсказа, авторъ котораго сосредоточилъ все свое вниманіе на одномъ только представителѣ рода Юніевъ. Этимъ же обстоятельствомъ проще всего объяснить также и видоизмѣненіе разсказа у Діонисія, состоящее въ томъ, что судьба Тарквинія Коллатинскаго сдѣлана у него съ заговоромъ Аквиліевъ, въ то время какъ у Ливія изгнаніе его случилось раньше, внѣ всякой зависимости отъ заговора. Эта передѣлка, соотвѣтствующая общему стремленію Діонисія къ прагматическому объединенію разрозненныхъ, но смежныхъ дѣлъ, сама по себѣ говоритъ въ пользу пріоритета редакціи Ливія съ однимъ только именемъ Брута.

Если не считать обѣихъ археологическихъ вставокъ, то весь разсказъ состоитъ изъ двухъ послѣдовательныхъ моментовъ: заговоръ и казнь, преступленіе и наказаніе. Только что изложенное предположеніе о заимствованіи всего разсказа изъ монографіи Аттика касается пока только перваго момента, въ отличіе отъ котораго мотивъ о казни Брутомъ собственныхъ сыновей можно бы считать почерпнутымъ изъ давняго запаса анналистическихъ преданій. Однако, весьма возможно, что и эта часть впервые была пущена въ обращеніе тѣмъ же Аттикомъ и что, слѣдовательно, онъ создалъ самостоятельно весь этотъ разсказъ отъ начала до конца.

Мотивъ объ отцахъ-магистратахъ, безпощадно наказывающихъ своихъ сыновей, повторяется въ римскихъ анналахъ три раза: во-первыхъ—въ первомъ году республики консулъ Брутъ казнилъ своихъ двухъ сыновей за измѣну; во-вторыхъ—въ 431 году дик-

таторъ А. Постумій предаль казни своего сына за то, что тотъ оставилъ свой постъ, соблазненный благопріятнымъ случаемъ нанесенія пораженія непріятелю (Liv. 4, 29); въ-третьихъ—въ 340 году консулъ Т. Манлій приговорилъ своего сына къ смертной казни за то, что, вопреки запрету отца, какъ своего начальника, онъ вступилъ въ единоборство съ непріятельскимъ вождемъ (Liv. 8, 7). Сюжетъ о жестокой строгости отцовъ-магистратовъ былъ извѣстенъ римскимъ анналистамъ издавна; указаніе на него имѣется еще у Полибія (6, 54, 4). Однако, такъ какъ ссылка Полибія составлена лишь въ общихъ выраженіяхъ, то и не видно, какіе изъ этихъ трехъ случаевъ онъ самъ здѣсь подразумѣвалъ. Наиболѣе древнимъ достояніемъ анналовъ являлось, повидимому, дѣло диктатора Постумія, такъ какъ оно показано у Діодора (12, 64), изъ чего нужно заключить, что оно было извѣстно еще старому поколѣнію анналистовъ, а черезъ нихъ и Полибію. Впрочемъ, не исключена возможность, что Полибій зналъ уже о поступкѣ Т. Манлія, но не изъ анналовъ, а только, какъ о сюжетѣ драматической претексты (см. нашу статью «Начало міровой политики римской республики» Ж. М. Н. Пр. 1904, сентябрь, стр. 421). Когда Полибій писалъ свою исторію, то подобныя патріотическія пьесы были уже въ ходу у римлянъ. Все же, однако, знакомство Полибія съ сюжетомъ о Т. Манліи довольно сомнительно, такъ какъ впервые упоминаетъ о немъ Циперонъ въ сочиненіи, написанномъ въ 44 году (off. 3, 31: *T. Manlius, cuius tertio consulatu Latini ad Vesperim fusi et fugati, magnus vir primis et perindulgens in patrem, idem acerbus et severus in filium*). Разсказъ же о Брутѣ встрѣчается впервые только у Ливія и Діонисія Галикарнасскаго.

Правда, послѣднее обстоятельство могло бы показаться простою случайностью. Однако, что разсказъ о Брутѣ въ самомъ дѣлѣ является, по времени возникновенія, самымъ молодымъ изъ всѣхъ трехъ случаевъ, объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующее. Ливію извѣстны всѣ три примѣра, начиная съ Брута. Тѣмъ не менѣе, когда онъ доходитъ до дѣла Постумія (4, 29, 6), то сопоставляетъ послѣдняго съ однимъ только Манліемъ такимъ образомъ, какъ будто еще вовсе не существовало разсказа о Брутѣ. Сообщивъ въ краткихъ словахъ о жестокомъ поступкѣ Постумія, Ливій недоумѣ-

ваетъ по этому поводу и даже готовъ не вѣрить тому, что это дѣйствительно случилось. Мотивомъ къ недоумѣнію послужило ему существованіе поговорки «*imperia Manliana*» для обозначенія чрезмѣрной военачальнической строгости. Еслибы, говорить онъ, Постумій *первый* подавъ подобный примѣръ безсердечной жестокости, то слѣдовало бы ожидать реченія «*Postumiana imperia*», но не «*Manliana*»: quem, qui *prior* auctor tam saevi exempli foret, occupaturus insignem titulum crudelitatis fuerit. Тутъ Ливій какъ бы забываетъ, что при такой аргументаціи ему нужно было идти еще дальше назадъ къ дѣлу Брута, которое здѣсь совершенно игнорируется. Это повторяется у него еще разъ въ другомъ мѣстѣ (8, 7, 22), гдѣ, дойдя до Манлія, онъ цитируетъ реченіе «*Manliana imperia*» уже безъ всякой оговорки, какъ нѣчто, вполне понятное.

Изъ этого слѣдуетъ, съ одной стороны, что тотъ анналистъ, которымъ Ливій пользовался въ повѣствованіи о Постуміи и Манліи, зналъ еще только эти два примѣра (*prior*—первый изъ двухъ). А это могъ быть только представитель младшей анналистики, принявшій уже распространенную обработку традиціи въ отличіе отъ старыхъ анналистовъ, которые, судя по Діодору, ничего еще не знали о битвѣ подъ Везувіемъ въ 340 году и вообще обо всѣхъ тѣхъ дѣйствіяхъ римлянъ въ Кампаніи, въ связи съ которыми стоитъ поступокъ Манлія. Съ другой стороны, возможно и то, что у самого Ливія въ тотъ моментъ, когда онъ писалъ свою замѣтку о *Manliana imperia*, въ его исторіи было всего только указанные имъ два случая, въ то время какъ третій включенъ имъ потомъ дополнительно въ готовую уже первую декаду его сочиненія. Дѣйствительно, рассказъ Ливія о заговорѣ Аквиліевъ и Вителліевъ представляетъ собою совершенно обособленное цѣлое, такъ что, если при чтеніи пропустить этотъ рассказъ (гл. 3—5) и перейти отъ второй главы непосредственно къ шестой, то не получается никакого впечатлѣнія о какомъ либо пропускѣ. Въ такомъ случаѣ Ливій, вставляя эпизодъ съ Брутомъ, забылъ исправить ранѣе уже готовую замѣтку о Постуміи, какъ первомъ подавшемъ подобный примѣръ, что психологически гораздо болѣе правдоподобно, чѣмъ противоположная возможность, что Ливій, говоря о Постуміи и Манліи, забылъ о томъ, что онъ самъ уже раньше говорилъ о Брутѣ.

Да и самое существованіе въ вѣкъ младшихъ анналистовъ реченія «*Manliana impregia*» показываетъ, что тогда поступокъ Манлія вообще пользовался преимущественною извѣстностью передъ остальными примѣрами. Но этого навѣрное не было-бы, еслибы было извѣстно нѣчто подобное о Брутѣ. Вѣдь имя славнаго основателя республики было, конечно, несравненно болѣе популярно, чѣмъ имя полководца Манлія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ легенду о жестокости консула Брута необходимо отнести къ числу очень позднихъ вымысловъ, на подобіе легенды о сожженіи правой руки Муціемъ Сцеволю.

Предположительно можно указать даже мотивы, побудившіе Атика придумать исторію о жестокомъ поступкѣ Брута. Участіе мечтателя М. Брута въ убійствѣ диктатора Цезаря, фактически упразднившего республику, самымъ существеннымъ образомъ обуславливалось вліяніемъ на его психику примѣра его миѣческаго предка, основателя республики, освободившаго Римъ отъ тирана Тарквинія Гордаго. Устраненіе поработителя республики М. Брута считалъ какъ бы долгомъ своей фамиліи передъ знаменитымъ предкомъ. Между тѣмъ, была извѣстна отцовская привязанность Цезаря къ М. Бруту, увѣковѣченная въ анекдотическомъ обращеніи умирающаго диктатора къ своему убійцѣ: «И ты, мой сынъ?» Неблагодарность М. Брута покрывалась разсужденіями о борьбѣ между личными чувствами и общественными интересами. Внесеніемъ въ свою монографію о семьѣ Юніевъ нарочито сочиненнаго разсказа о ихъ родоначальникѣ, казнившемъ собственныхъ своихъ сыновей за ихъ измѣну республикѣ, Атикъ представилъ парадигматическую параллель къ убійству М. Брутомъ своего «отца» Цезаря, уясняя такимъ образомъ и смятая вину своего друга. Если М. Брута обратился къ Атику съ просьбой написать монографію о Юніяхъ уже послѣ смерти Цезаря, то въ этомъ можно усматривать съ его стороны попытку реабилитировать себя въ общественномъ мнѣніи путемъ монографическаго освѣщенія заслугъ представителей этого рода передъ республикой вообще. Придумываніе ложныхъ подвиговъ предковъ составляло въ тѣ времена обычное явленіе не только въ надгробныхъ похвальныхъ словахъ, но и въ историческихъ сочиненіяхъ.

Пополненіе легенды о Брутѣ выдуманномъ разсказомъ о заговорѣ противъ республики могло обуславливаться, кромѣ того, и

общею бѣдностью содержанія дѣятельности перваго консула послѣ изгнанія имъ Тарквинія. Если устранить означенный разсказъ, какъ позднѣйшую вставку, то отъ легенды о Брутѣ для перваго года республики остается у Ливія въ сущности одна только повѣсть о его гибели въ битвѣ при silva Arsia. Эта повѣсть имѣетъ характеръ дѣйствительно стараго народнаго преданія, приуроченнаго къ данной мѣстности за Тибромъ. Но и здѣсь можно сомнѣваться, было ли присуще этому преданію имя Брута искони и не внесено ли оно сюда искусственно позднѣе, какъ это случилось несомнѣнно съ именемъ царевича Аррунта Тарквинія. Ядро легенды о Брутѣ, основателѣ республики, получившее пышное развитіе въ видѣ сюжета трагедіи Акція о паденіи Тарквиніевъ, но въ своей основѣ примыкающее къ мотиву народныхъ сказокъ объ Иванушкѣ дурачкѣ, могло сложиться не ранѣе возвышенія рода Юніевъ во второй половинѣ IV в. до Р. Хр. въ цѣляхъ отысканія хорошаго смысла въ ихъ неблагозвучномъ прозвищѣ Brutus.

И. Нетушилъ.

Критическія замѣтки.

I.

Propert. II 9, 1—2:

Iste quod est, ego saepe fui: sed fors et in hora
hoc ipso *electo* carior alter erit.

Элегія эта, озаглавленная въ нашемъ преданіи «ad amicam de rivali», начинается такъ, какъ приведено выше, въ обѣихъ главныхъ рукописяхъ, т. е. въ *NF*¹⁾. Не иначе мѣсто гласило нѣкогда въ *V*: но *V*² и *D* замѣнили поврежденное реченіе итальянской догадкой XV в. «*electo*», которая проникла въ большинство изданій. Мы считаемъ ее неудачной: она обращаетъ первое полустипіи пентаметра въ *ablat. absolutus*, между тѣмъ аблятивъ скорѣе же зависить тутъ отъ сравнит. степени; кромѣ того, «*electo*» звучитъ такъ сильно, что послѣ того «*carior*» кажется смѣшнымъ: противопоставляется вѣдь обычно «болѣе милому» тотъ, кто успѣлъ еще только стать «менѣе милымъ», а не тотъ, котораго уже «прогнали»; наконецъ, ожидается нѣчто, предназначенное разъяснить намъ смыслъ словъ «*iste quod est, ego saepe fui*». Не читать ли, слѣдовательно:

Iste quod est, ego saepe fui: sed fors et in hora
hoc ipso *erecto* carior alter erit.

Эпитетъ «*erectus*» характеризуетъ человѣка, смотрящаго бодро и увѣренно, держащагося гордо, выступающаго побѣдителемъ. Hor. *epist.* I 1, 68 sq.: «qui Fortunae te responsare superbae | liberum et erectum... hortatur»²⁾, Cic. *Att.* XI 12, 4: «me audis erectiorem esse animo»³⁾, Quintil. *inst. or.* XI 1, 16: «habet... mens nostra sublime quiddam et erectum et inpatiens superioris: ideoque abiectos aut summittentes se libenter adleuamus, quia hoc facere tamquam

¹⁾ При чемъ *F* заступаетъ обрывающійся на II 1, 63 кодексъ *A*.

²⁾ *S.* II 8, 57 sq.: «postquam nihil esse pericli | sensimus, erigimur».

³⁾ Tac. *ann.* IV 59: «exstimulatur, ut erectum et fidentem animi (*se*) ostenderet».

maiores uidemur... at qui se supra modum extollit... despicere creditur». Собственно, «erectus» — кто выпрямился, не склоняет чела ⁴⁾, закидывает голову назад, смотреть свысока. Въ связи съ соотвѣтственнымъ образомъ находятся обороты, въ родѣ *sublimi feriam sidera uertice*. У Проп. II 14, 9—12 сопоставляются въ родственной формѣ радостная самоувѣренность счастливаго любовника и понурый видъ несчастнаго вздыхателя:

quanta ego praeterita collegi gaudia nocte:
immortalis ero, si altera talis erit.
at dum demissis supplex cernicibus ibam, ⁵⁾
dicebar sicco uilior esse laeu.

Теперь ясно, что первая фраза элегии значить: «И я мнилъ себя нерѣдко непобѣдимымъ, какъ нынѣ соперникъ мой».

II.

Въ дальнѣйшемъ, сославшись на вѣрность Пенелопы Одиссею и Брисеиды Ахиллу, поэтъ восклицаетъ (Проп. II 9, 17 sq.):

tunc igitur ueris ⁶⁾ gaudebat Graecia natis ⁷⁾,
tunc etiam ⁸⁾ felix inter et arma pudor.

⁴⁾ Ovid. met. I 86: «erectos ad sidera tollere uoltus».

⁵⁾ Cic. Cluent. 58: «erigebat animum iam demissum et oppressum» и т. п.

⁶⁾ Это эвмендация XV в.; въ NF «uiris», въ DV интерполяція «astis». Baehrens: «fidis» и «certis». Rossberg: «miris». Слово «ueris» перестанетъ вызывать сомнѣнія, какъ только «natis» окажется исправленнымъ.

⁷⁾ Baehrens: «nuptis», чѣмъ, естественно, имѣлъ въ виду одну Пенелопу («Грація»); Брисеидѣ посвященъ видъ слѣдующій стихъ (по Ном. В 689 sqq., она уроженка города Δρυρῆς въ Мисіи, по I 128 sqq. и др. она Лесбійка; Бриса лесбійскій городъ: sch. II. A 366). Но т. к. у Проперція подробно описано, какъ Брисеида горевала надъ бездыханнымъ тѣломъ Ахилла [у Гомера она оплакиваетъ Патрокла], и присовокуплено, что «Деидамія (т. е. именно «nupta») отсутствовала», то Hartman (см. Euk. Comm. crit. p. 99) сослался противъ Бэренса на это послѣднее обстоятельство.

⁸⁾ Th. Birt: «aestium». Мы не знаемъ его мотивировки. Не думаемъ, чтобы онъ разумѣлъ море: это было бы неясно, да и едва ли Проперцій руководствовался бы въ такомъ смыслѣ текстомъ II. IX 128—132 и др. Если Биртъ принялъ въ соображеніе Ног. epist. I 2, 6—8: «fabula... regum et populorum continet aestus», то его догадка по замыслу прекрасна. Мы бы только полагали, что выраженіе «aestus» не заключаетъ въ себѣ требуемаго здѣсь отгѣика, т. е. не обособляетъ раздора царей отъ военныхъ дѣйствій (arma): у Горация намѣчена дифференціяція въ словахъ «regum et populorum», и она развита дальше. Нельзя, конечно, успокоиться на томъ, что по поводу сочетанія въ стихѣ Проперція союзомъ «etiam—et» высказалъ Hertzberg: «Frustra sunt, qui pleonasmum credunt. Vide Hand. de Particulis II p. 521 sqq., qui altero etiam necti enuntiata, altero et sententiae vim in voce arma positam augeri docebit».

Не убѣждаютъ насъ комментаторы, толкующіе «*patis*» въ смыслѣ *filiabus*. Встрѣчается, правда, Cat. 37, 17 sq. выраженіе «*Celtiberiae fili*»⁹), но «*ueriae natae*» всякій непредупрежденный читатель пойметъ о «подлинныхъ дочеряхъ», а не о «*true-hearted daughters*», какъ перевелъ проф. Phillimore. Съ другой стороны, при загадочности традиціоннаго текста, экзегеты вынуждены объяснять «*felix*» довольно странно; такъ, Rothstein говорить: «*hier nicht eigentlich glücklich, sondern heilsam, segenbringend*». Помимо того, ожидается еще одинъ винит. п., который, подобно «*arma*», зависѣлъ бы отъ «*inter*» и оправдывалъ бы излишнее нынѣ «*et*». Подходило бы, если не ошибаемся:

tunc igitur ueris ¹⁰⁾ gaudebat Graecia notis,
tunc [e]litem felix inter et arma pudor.

«*Vota*»—это даваемая божеству обѣщанія, часто—клятвы, сопровождаемая условною *deuotione* собственнаго *caput*. У объяснявшихся въ любви было въ обычаѣ призывать боговъ или, напр., прахъ родителей въ свидѣтельство о правдивости своихъ чувствъ и о заявляемой ихъ неизмѣнности¹¹⁾. Рано возникло предположеніе, что нарушеніе любовныхъ клятвъ разрѣшено Зевсомъ и богами не наказывается¹²⁾. Но вотъ, говоритъ Проперцій, было же время, когда такіе обѣты соблюдались въ Греціи: Пенелопа воздер-

⁹⁾ Неудобно опираться на «*terrae filius*», что обозначало рожденных «*ignotis parentibus*» и вообще «*ignobiles*» (Minuc. Fel. Oct. 23, 12 W. Baehr.): мѣста собраны у Otto, *Sprichw. d. Röm.* 344, который отмѣчаетъ также, что «*terra orti*» значило автохтоны.—Съ Hor. c. I 14, 11 sq. «*Pontica pinus, siluae filia nobilis*» сличаютъ Pind. Ol. 11 (10), 2 sq.: ὄβριων ὀδάτων | ὀμβρίων παίδων νεφέλας. Ср., наконецъ, Mart. XIII 35: «*Filia Picenae venio lucanica [sc. hirs] porcae*».

¹⁰⁾ О «правдивыхъ», «честныхъ» обѣтахъ это было бы сказано, какъ III 6, 35: «*ueris animis*» (cf. II 29, 34). Не надлежитъ цитать, напоминаю лишь каламбуръ Гадриана о позднѣйшемъ императорѣ Маркѣ (v. *Marci* 1, 10): «*post excessum patris [sc. Anni Veri] ab Hadriano Annio Verissimo uocatus est*» (cf. 4, 1).

¹¹⁾ Hor. c. II 8, 5 sq.: «*tu simul obligasti | perfidum notis caput*», v. 9 sqq.: «*matris cineres... | fallere... gelidaeque diuos morte carentes*», *epod.* 15, 3 sq.: «*numen laesura deorum | ...iurabas*», Tib. I 9, 1 sq.: «*Quid mihi, si fueras miseros laesurus amores, | foedera per diuos clam uiolanda deos?*», Prop. II 29, 15 sqq.: «*ossa tibi iuro per matris et ossa parentis [paterna Hocuff], | -si fallo, cinis heu sit mihi uterque grauiss-*, | *me tibi ad extremas mansurum, uita, tenebras*», 28, 43: «*sacro me carmine damno*», (Ov.) h. 16, 319 sq. и т. п.

¹²⁾ Hesiod. fr. 4 Rz., Plat. *Phileb.* p. 65 c, Callim. *epigr.* 25, 3 sq., Hor. c. II 8, 13 sqq., Tibull. I 4, 23 sq., 9, 5 sq. Lygd. 6, 49 sq.

жалась отъ ἐξαπάται Афродиты ¹³⁾, она произнесла не «Veneris perjuria» ¹⁴⁾, а «vera uota». При религиозномъ бракосочетаніи «uota» формулировались, повидимому, съ нѣкоторой торжественностью ¹⁵⁾; потому, вѣроятно, у римлянъ первоначально и было дано мужу право убить жену, если онъ застигнетъ ее въ моментъ прелюбодѣянія ¹⁶⁾.

Что касается до пентаметра, то «агма» указываетъ на войну грековъ съ троянцами, а «lis» ¹⁷⁾ на ссору Ахилла съ Агамемнономъ, поводомъ къ которой послужила именно Брисеида. Съ того времени, какъ оба вождя διαστήτην ἐρίσαντε, начинается дѣйствіе Иліады, а затѣмъ разъ пять повторены въ ней слова Агамемнона, что онъ не тронулъ дѣвушки, когда она находилась въ его власти ¹⁸⁾. Проперцій ставить это не ему, а Брисеидѣ въ заслугу и словами «felix pudor» даетъ понять, что оба раза—какъ «inter arma», т. е. послѣ того, какъ Агамемнонъ взялъ ее въ плѣнъ на Лесбосѣ, такъ и «въ періодъ распри» его съ Ахилломъ изъ за нея—ей «посчастливилось» только благодаря ея «стыдливости». Воображенію читателя рисуется такая картина: беззащитной плѣнницѣ удастся плачемъ и мольбой остановить царя, онъ щадить великодушно ея цѣломудріе, которое, слѣдовательно, и «беретъ верхъ» надъ мужской страстью. Тутъ «felix (erat)» сказуемое и равносильно

¹³⁾ Hesiod. Theog. 205.

¹⁴⁾ Tib. I 4, 21.

¹⁵⁾ Позднѣе „vota nuptiarum“ и просто „vota“ употреблялось даже въ смыслѣ „matrimonium“, хотя бракъ сталъ давно свѣтскимъ. Cod. Justin. V 9, 4, 1: „nec prosit liberis ex priore susceptis marito, quod mulier in tertia minime uota mi-grauerit“ (omъ 422 z.). Въ переходномъ значеніи сказано, напр., Apul. met. IV 26: „uotisque nuptialibus pacto iugali pridem destinatus“, Cod. Just. V 1, 2: „nihil fraudis ei sit, quae nuptias maturando uota sua diutius ludi non passa est“ (omъ 332 z.). Но съ точки зрѣнія „поэтической“ важнѣе фабула объ Аконтіи и Кидиппѣ.

¹⁶⁾ Cato ap. Gell. X 23, 5: „in adulterio uxorem tuam siprehendisses, sine iudicio inpone necares“.

¹⁷⁾ Hor. epist. I 2, 11 sq.: „Nestor componere lites | inter Peliden festinat et inter Atriden“. Сказано же „inter litem“ въ смыслѣ „inter litigandum“. Ср. Tib. II 6, 26: „crura sonant ferro, sed canit inter opus“ и т. п.

¹⁸⁾ II. IX 131—3: „я дамъ Ахиллу семь лесбiанокъ“, говоритъ Агамемнонъ, μετὰ δ' ἑσσεται, ἣν τὸς ἀπὴύρων | κούρην Βρισηῖος· καὶ ἐπὶ μέγαν ὄρκον ὁμοῦμαι, | μήποτε τῆς [Brisceidis] εὐνῆς ἐπιβήμεναι ἤδ' ἐμιγῆναι. Cf. 273—5, XIX 175 sqq. 187 sq. 258—266: ἴστω νῦν Ζεὺς πρῶτα... | Γῆ τε καὶ Ἥλιος καὶ Ἑρινός, αἶθ' ὑπὸ γαίαν | ἀνθρώπους τίνοινται, ὅτις κ' ἐπίορκον ὁμόσῃ; | μή μὲν ἐγὼ κούρῃ Βρισηίδι χεῖρ' ἐπενείκω, | οὐτ' εὐνῆς πρόσφαιιν κερημένους οὔτε τοῦ ἄλλου; | ἀλλ' ἔμεν ἀπρωτίμαστος ἐνὶ κλισίῃσιν ἐμῇσιν. | εἰ δέ τι τῶνδ' ἐπίορκον, ἐμοὶ θεοὶ ἄλγεα δοῖεν | πολλὰ μάλ', ὅσα διδοῦσιν, ὅτις σφ' ἀλίτῃται ὁμόσας.

выраженію *superior evadebat*. Побѣда достается людямъ не безъ «помощи боговъ»: потому то «побѣждавшаго» обыкновенно своихъ противниковъ римляне называли «счастливецъ» («*Sulla Felix*», «*legio pia felix*» и т. д.)¹⁹⁾. Но поддержка боговъ, учили древніе, выпадаетъ на долю заслужившихъ ее собственнымъ стараніемъ, „neque quicquam aliud est felicitas, nisi *honestarum rerum prosperitas*, vel, ut alio modo definiam, felicitas est *Fortuna adiutrix consiliorum bonorum*“ (Cic. ap. Amm. XXI 16, 13).

III.

Prop. II 12, 45—50:

nam quo tam dubiae seruetur spiritus horae? | Nestoris est uisus post
tria saecula cinis. | quis²⁰⁾ tam²¹⁾ longaeuae minuisset²²⁾ fata senectae
| *Gallicus* Iliacis miles in aggeribus, | non ille²³⁾ Antilochi nidisset corpus
humari, | diceret aut: „o mors, cur mihi sera uenis?“

Стихъ 47-ой давно исправленъ, но изъ слѣдующаго все еще не удалось изгнать окончательно «галльскаго» воина. Не перечисляя многочисленныхъ конъектуръ, предъявленныхъ къ этому мѣсту, замѣтимъ лишь, что, со своей стороны, мы рекомендовали бы читать:

*Cui si longaeuae minuisset fata senectae
Bellans Iliacis miles in aggeribus...*

Причастіе необходимо: пока его не было, изъ преданія вытекало, что воинъ могъ бы убить Нестора «*Iliacis—in aggeribus*». Въ устраненіе странности прибѣгали къ неестественному толкованію этихъ словъ или же ихъ соединяли со слѣдующими или, наконецъ, ихъ тоже измѣняли²⁴⁾. А теперь все въ порядкѣ: ср. I 21, 2

¹⁹⁾ Verg. A. VII 745: „insignem fama et felicibus armis“, Ovid. am. I 2, 51: „felicia Caesaris arma“. Въ прозѣ, напр., Cic. Font. 42: „felicitas in re militari“, de rep. II 15: „bella cum finitimis felicissime multa gessit“, Sall. Jug. 85, 46: „exercitus... magis strenuus quam felix“, Tac. h. I 79: „laeto Othone..., tamquam et ipse felix bello et ... suis... exercitibus rem p. auxisset“ и т. п. Ср. также выраженія „feliciter audet“ (Hor. epist. II 1, 166), „felix audacia“ ([Ovid.] her. 18, 195), „felici temeritate“ (Tac. h. IV 77) и проч.

²⁰⁾ F²: Qui.—„Cui si“ *Livineius*; мыслямо „Quoi si“: см. теперь Garrod ad Manil. II 7.

²¹⁾ Выключилъ *Markland*. Нарѣчье попало сюда изъ v. 45. Другіе сохраняютъ „tam“ и въ v. 47, но продолжаютъ: „longae[uae]“.

²²⁾ Такъ NF²V², meminisset DV¹, iurauisset F¹D².

²³⁾ Опущено въ N, а потому: <aut> L. Mueller.

²⁴⁾ Напр., *Hetzel* читаетъ: „*Graiorum* Iliacus miles in aggeribus“.

«Etruscis-aggeribus»²⁵⁾. Къ «bellans» подбирать аналогій нѣтъ, конечно, надобности²⁶⁾. Но мыслимо: «Iiacis bellans».

IV.

Ovid. ex *Ponto* III 1, 19—23:

(въ мѣстѣ ссылки поэта) rara, neque haec felix, in apertis eminet
arvis | arbor, et in terra est altera forma maris. | non avis obloquitur,
nisi silris siqua remotis | aequoreas rauco gutture potat aquas. | tristia per
vacuos horrent absinthia campos eqs.

Приводя²⁷⁾ эти стихи въ видахъ сопоставленія ихъ съ однимъ мѣстомъ у Ксенофонта²⁸⁾, проф. J. J. Hartman говоритъ: „Omit-
tamus vss. 22 sq. qui, nisi pro remotis satis audacem Burmanni
coniecturam relictis recipimus, ne intelligi quidem possunt“. Ближе
къ рукописямъ было бы, по этой схемѣ, „remota“. Но догадка
Бурманна и по существу едва ли приемлема: *лѣсныхъ* птицы ха-
рактеризуются не „*rauco gutture*“²⁹⁾, а морской воды онѣ не пьютъ.
Однако, преданіе тутъ, безъ сомнѣнія, повреждено, такъ какъ столь
же трудно представить себѣ лѣса, растущіе въ морѣ,³⁰⁾ какъ слы-

²⁵⁾ Объ укрѣпленіяхъ осаждавшагося въ 41 г. Октавіаномъ этрусского го-
рода Perusia.

²⁶⁾ У Проперція слово не сохранилось, но ср. Verg. A. I 466 sq.: „uidebat,
uti bellantes Pergama circum | ... fugerent Grai, premeret Troiana iuventus“, XI 256
(говоритъ *Диомедъ*): „mitto ea, quae muris [sc. Troiae] bellando exhausta sub altis“
(*ахейцами*), Ov. m. V 101, Sen. Phaedr. 545. Luc. III 557, Stat. Theb. III 312 sq.:
„Tyriis sub moenibus ambae | bellabunt gentes“, а въ прозѣ Caes. b. civ. II 16, 3;
(когда *массалиоты* убѣдились, что воздвигнутая римлянами осадная стѣна со своими
башнями достигаетъ высоты городской стѣны съ ея башнями) „parique [съ городомъ]
condicione ex muro ac turribus bellandi data“, (они *сдаются*), Liv. IX 41, 4, Curt.
VIII 14, 11. Тутъ всюду „bellare“ значить не „воевать“, а „сражаться“ (не разъ
и у Тацита, напр. h. I 1: „postquam bellatum apud Actium“). Двойко можно понять
Hor. c. III 2, 6 sqq.: „ex moenibus hosticis | matrona bellantis tyranni | prospiciens“.

²⁷⁾ Mnemos. 39, 106 (1911).

²⁸⁾ Anab. I 5, 1 sq.: ἐν τοῦτοις δὲ τῷ τόπῳ ἦν μὲν ἡ γῆ πεδίων ἅπαν ὀμαλὴς
ὥσπερ θάλαττα, ἀψινθίου δὲ πληρὴς· εἰ δὲ τι καὶ ἄλλο ἐνῆν ὕλης ἢ καλαμοῦ,
ἅπαντα ἦσαν εὐώδη, ὥσπερ ἀρώματα· δὲ ἐν ὅρῳ δ' οὐδὲν ἐν ἧν.

²⁹⁾ Ср. am. I 13, 8: „liquidum tenui gutture cantat avis“ (по Тибуллу I 3, 60,
который говоритъ, впрочемъ, о елисейскихъ рощахъ), III 1, 4, fast. I 441: „(aves)
quae facili dulces editis ore modos“ и т. п.

³⁰⁾ Овидій только что сказалъ (v. 17 sq.), не шадя мрачныхъ красокъ: „nec
tibi [Pontica tellus] sunt fon teslaticis nisi paene marini, | qui potus dubium sistat alatue
sitim“. Но и отсюда далеко до „aequoreas-potat aquas“, что значить вѣдь: „пьетъ
воду изъ моря“.

шать въ степи поющую въ „отдаленномъ“ ³¹⁾ лѣсу птичку. Мы поэтому предложили бы другую поправку, при которой „remotis“ сохраняется въ текстѣ, приобретаая лишь нѣсколько иной смыслъ:

non avis obloquitur, nisi saxis siqua remotis
aequoreas rauco gutture potat aquas.

Рѣчь идетъ о рѣчныхъ и морскихъ птицахъ, — должно быть, о чайкахъ (*larus ridibundus*) — которыя слетаются въ лиманяхъ и лагунахъ на спорадически выступающіе изъ воды камни, т. е. въ пункты какъ бы обособленные, и гдѣ людей нѣтъ ³²⁾; да и гнѣздятся онѣ стаями у берега, среди скалъ (*saxis* = *inter saxa*) ³³⁾. Пронзительный крикъ, издаваемый этими птицами, раздается въ открытой мѣстности довольно далеко.

Единств. число «avis» употреблено, какъ нерѣдко, *pro plurali* ³⁴⁾. Такимъ же образомъ «siqua» сказано не объ отдѣльной птицѣ, а о всей species, которую авторъ разумѣетъ ³⁵⁾. Выраженіе «obloquitur» ³⁶⁾

³¹⁾ Cp. *art.* II 487 sq.: „spatioque remota | per loca... secuntur equos“, *tr.* I 1, 128 (*Pont.* II 2, 121. 11, 3; *met.* XV 62 sq., *tr.* III 4, 73). IV 2, 67 (cp. 57). 3, 20 (*Pont.* IV 9, 123; cf. *h.* 17, 175. 20, 135), *Hor. c.* II 2, 10: „remotis Gadibus“, IV 14, 47: „remotis... Britannis“ и т. д.

³²⁾ Cp. *met.* VI 638: „utque domus altae partem tenuere remotam“, *fast.* VI 121: „iubet quaeri... remotius antrum“ (cf. 116: „si secreta magis ducis in antra, sequor“, *met.* XI 764: „remotus ab aula | secretos montes... colebat“, *Hor. s.* II 1, 71: „ubi se a volgo... in secreta remorant“), *Hor. c.* II 3, 6: „in remoto gramine“, *s.* II 4, 94: „fontes... adire remotos“ (переносно).

³³⁾ *Hor. c.* II 19, 1: „Bacchum in remotis carmina rupibus | vidi docentem“.

³⁴⁾ *Ovid. fast.* III 242: „nunc avis in ramis tecta laremque parat“, *trist.* V 10, 19 sq.: „ut avis densissimus hostis | advolat“ и т. п.

³⁵⁾ *Plaut. (inc. fr. 47) ap. Serv. in Aen VI 205 (de turdelis):* „ipsa sibi avis mortem creat“ (cacat *Burm. ex Isid. origg.* XII 7, 71; cf. *Plin. n. h.* XVI 245—7: „[friscum] satum nullo modo nascitur nisi per alvum avium redditum, maxime palumbis ac turdi“). *Varr. l. L.* VII 88: „haec enim avis nunc graece dicitur ἀλκυών. *Cic. nat. deor.* II 124: „legi etiam scriptum, esse avem quandam, quae platalea [эро-чайка λῆστρος] nominaretur: eam sibi cibum quaerere advolantem ad eas avis, quae se in mari mergerent, quae cum emersissent piscemque cepissent, usque eo premere earum capita mordicus, dum illae captum amitterent, in quod ipsa invaderet. eademque haec avis scribitur“ *egs., de div.* I 74: „gallos gallinaceos... canere coepisse... tum augures dixisse..., Thebanorum esse victoriam, propterea quod avis illa victa silere soleret“, II 144: ad interpretem detulit, aquilam se in somnis visum esse factum; at ille: „Viciisti, ista enim avi volat nulla vehementius“, huic eidem *Antipho:* „Baro, inquit, victum te esse non vides? ista enim avis insectans alias... semper ipsa postrema est“.

³⁶⁾ Сравнить можно *Sen. Oed.* 454: „garrula per ramos avis obstrepit“ (*Ov. tr.* III 12, 8: „indocilique loquax gutture vernat avis“, *Prop.* I 18, 29 sq.).

прекрасно рисуетъ тотъ напоминающій перебранку галлежъ, ту гаркотню, какая несется отъ мѣста, гдѣ скопилось много птицы.

Если наше чтеніе достаточно обосновано, то обнаруживается, что напрасно обвиняють Овидія въ томъ, будто онъ не по собственнымъ наблюденіямъ описывалъ мѣстность, въ которой жилъ, а списывалъ изъ Ксенофонта то, что о ней говорить: Ксенофонтъ о чайкахъ по поводу пріевфратской Аравіи не упоминаетъ, Овидій же не виноватъ, что и въ Месопотаміи были полосы, ровныя какъ море, покрытыя полыню и лишенныя деревьевъ.

V.

Тотъ-же почтенный нидерландскій ученый, проф. *J. J. Hartman*³⁷⁾, обращаетъ вниманіе филологовъ на подысканное имъ объясненіе извѣстной географической несообразности у *Ovid. trist.* I 10, 15—26, гдѣ о кораблѣ, на который поэтъ сѣлъ въ Κεϋχηραί (v. 9), сказано такъ:

*quae*³⁸⁾ *simul Aeoliae mare me deduxit in Helles | et longum tenui limite fecit iter, | fleximus in laevum cursus, et ab Hectoris urbe | venimus ad portus, Imbria terra, tuos. | inde, levi vento Zerynthia litora nacti, | Threiciam tetigit tessa carina Samon: | saltus ab hac contra*³⁹⁾ *brevis est Tempyra petenti: | hac dominum teus est illa secuta saum. | nam mihi Bistonios placuit pede carpere campos: | Hellespontiacas illa reliquit*⁴⁰⁾ *aquas, | Dardaniamque petit... | et te... Lampsace eqs.*

Оказывается, что корабль Овидія изъ эгейскаго моря проникъ черезъ Геллеспонтъ въ Пропонтиду, а затѣмъ зашелъ вновь въ гавань эгейскаго моря 'Αλεξάνδρεια ἢ Τρῶας⁴¹⁾, откуда направился въ Ἰμβρος и Σηροδράκη. Проф. Гартманъ и утверждаетъ, что тутъ просто сказались торопливость и недостаточная вдумчивость плагиатора при чтеніи *Apollon. Rhod.* I 922—935: указанными стихами 'Αργοναυτικῶν изгнанный Овидій руководствовался будто бы,

³⁷⁾ *Mnemos.* 39, 223 sq.

³⁸⁾ *Scil.* „*navis*“.

³⁹⁾ *terra deteriores.*

⁴⁰⁾ Такъ *Laurent. s. XI* и большинство другихъ списковъ (группа Γ изданія *S. G. Owen*'а и группа ω), *relinquit Leid.* 177, *relegit Bodleian. B. N. Rawl.* 107 (что стало вульгатой), *reusit Ehwald.*

⁴¹⁾ Эготъ городъ, несомнѣнно, имѣется въ виду словами „*ab Hectoris urbe*“. Светоній *d. Iul.* 79 называетъ его „*Ilion*“. Проникшая въ текстъ Меркеля догадка „*ab Astoris urbe*“ теперь всѣми оставлена.

отмѣчая послѣдовательность остановокъ въ плаваніи, но на бѣду свою не принявъ во вниманіе одного: словами *πέλαγος... γαῖαν ἔχοντες* (928—30) „non *continuat*ur narratio, sed, quae breviter dicta iam sunt, accuratius ibi explicantur, ut appareat, quomodo Lesbo Imbrum venerint“.

Мы нисколько не отрицаемъ давно всѣми признанной безцеремонности Овидія въ практикѣ литературныхъ заимствованій. Но, во первыхъ, производя ихъ, онъ, безспорно, пользовался чужимъ матеріаломъ умѣло и цѣлесообразно, т. е. именно превращалъ его виртуозно въ свое добро, а не воспроизводилъ слова другихъ бессмысленно-механически; во вторыхъ же, въ данномъ случаѣ вообще недопустимо то, что предположилъ Hartman.

Корабль довезъ Овидія до Самоѳракіи ⁴²⁾ и пошелъ безъ него въ Дарданеллы. Почему такъ произошло, мы настоящимъ образомъ не знаемъ: ясно только, что поэтъ избѣгалъ Геллеспонта, Пропонтиды и выхода въ Понтъ черезъ Боспоръ. Возможно, что онъ опасался (весьма ощутительной на парусномъ суднѣ) качки, которую вызываетъ сильное теченіе въ проливѣ, при плаваніи на востокъ; пусть даже онъ выдвинулъ искусственный предлогъ, а въ дѣйствительности ему мерещились сказочные ужасы Симплегадъ. Все же не лишено вѣроятія, что онъ, во первыхъ, предварительно обсудилъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, на кораблѣ, какъ поступить, что онъ, во вторыхъ, вникъ при этомъ въ рядъ географическихъ подробностей и что, въ третьихъ, онъ совершенно сознательно предпочелъ добраться сухимъ путемъ изъ *Tempyra* до того пункта на черноморскомъ побережьи Эракіи, гдѣ онъ позднѣе, согласно уговору, сѣлъ опять на прежній корабль, который и доставилъ его въ *Tomî* ⁴³⁾.

Но если такъ, то мыслимое ли дѣло, что, высадившись въ *Samothrace* ⁴⁴⁾, поэтъ сразу все перепуталъ и позабылъ даже,

⁴²⁾ Въ ст. 22-мъ *hactenus* относится не къ „*Tempyra*“, а къ „*hac*“ (v. 21), т. е. къ „*Threiciam—Samon*“ (v. 20). Ср. прим. 44.

⁴³⁾ Что онъ моремъ прибылъ въ „*Tomî*“, вытекаетъ изъ *trist.* I 11, 19 sqq.; въ частности слова „*barbara pars laeva est*“ (v. 31) доказываютъ, что корабль шелъ, имѣя Эракію „*сѣва*“, иначе сказать, направлялся на *сѣверъ* по Черному морю. Кромѣ того, ср. I, 10, 13—14: „*nunc quoque tuta, precor, vasti secet ostia Ponti | quasque petit, Getici litoris intret aquas*“, а также перечень vv. 35—42.

⁴⁴⁾ Стихотвореніе писалось—или, по крайней мѣрѣ, фикція состоитъ въ томъ, что оно писалось на этомъ островѣ. Ср. vv. 45—48: „*vos quoque, Tyndaridae, quos*

отчего онъ сошелъ съ корабля? Изгнаніе, конечно, потрясало его сильно, однако, до полнаго умопомраченія, кажется, не довело, а слѣдовательно, могъ ли онъ сказать: «корабль повезъ меня въ Геллеспонтъ», когда онъ какъ разъ простился на время съ кораблемъ, чтобы *избавиться* отъ плаванія по Геллеспонту? могъ ли онъ далѣе сказать: «лишь только мы вошли изъ пролива въ Пропонтиду, какъ взяли на лѣво и прибыли такимъ образомъ изъ города Троады на островъ Имбросъ», когда долженъ былъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какой сумбуръ представляютъ эти слова? Чего бы ради, наконецъ, поэтъ сталъ говорить тутъ ложь? для того ли, чтобы призрачно приблизить свое изложеніе къ Аполлоніеву? Но развѣ Овидію было *трудно* повѣствовать въ стихахъ? развѣ онъ безъ помощи Аполлонія не былъ въ состояніи одолѣть даже такую задачу, какъ перечисленіе нѣсколькихъ географическихъ именъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ, какъ онъ зналъ⁴⁵⁾, ихъ надлежитъ перечислить? и не обусловлено ли здѣсь самое сходство⁴⁶⁾ съ Аполлоніемъ тѣмъ, что у обоихъ поэтовъ описывается тотъ-же путь?

Овидій, очевидно, не повиненъ въ томъ вздорѣ, который создается рукописной редакціей стиховъ 15—16, а сообщалъ о рейсахъ своей «navis» то, что соотвѣтствовало фактамъ, т. е. написалъ приблизительно:

nec tamen Aeoliae mare me deduxit in Helles
et 47) mecum tenui limite fecit iter: 16
fleximus in laevum cursus, et ab Hectoris urbe
venimus ad portus, Imbria terra, tuos.

haec colit insula, fratres [съ Диоскурами отождествлены тутъ самоэракіѣскіе Κάβειροι?], Mite precor *duplici* nomen adesse *viae*: Altera namque parat Symplegadas ire per artas, Scindere Bistonias altera puppis aquas⁴⁸⁾. Ему нужно, чтобы и покинутый имъ корабль достигнулъ Евксинскаго Понта, и чтобы его собственный перевъздъ изъ Самоэракіи на европейскій материкъ совершился на другомъ судѣ благополучно.

⁴⁵⁾ Не бывъ въ Геллеспонтѣ, онъ называетъ ошибочно сперва *Lampsacus*, а потомъ только *Sestus* и *Abydus*.

⁴⁶⁾ Оно вовсе не такъ уже велико. Сперва Овидій опускаетъ Лесбосъ, Аполлоній—Самоэракію, а въ стихахъ 25—31 у Овидія упомянуты Dardania, Lampsacus, Sestus и Abydus, Syzicus, Byzantium, у Аполлонія въ стихахъ 931—6 Dardania, Abydus, Percote, Abarnis, Pityea, Syzicus (последняя не поименована: имя ея присвоено тутъ царю додіоновъ).—Гартманъ сближаетъ, между проч., „*Aeolium mare—Helles*“ съ χοῦροςъ Ἀεολαϊκῆς αἰθῆρας. Но если усмотрѣть въ этомъ заимствованіе, то всѣмъ, кто ни назоветъ Геллеспонтъ, долженъ считаться плагиаторомъ Аполлонія.

⁴⁷⁾ Нѣтъ надобности измѣнять это въ *nec* или *aut*: союзъ „et“ не уничтожаетъ тутъ отрицательнаго характера предложенія, который зависитъ отъ „nec“ въ преды-

iude. levi vento Zerynthia litora nacta, Threjeiam tetigit fessa carina Samon;	20
saltus ab hac quoniam brevis est Tempyra petenti, hac dominum tenuis est illa secuta suum;	
nam mihi Bistonios placuit pede carpere campos, Hellespontiacas illa requirit ⁴⁸⁾ aquas.	25

Не коснулись мы въ предыдущемъ попытокъ спасти преданіе интерпретативнымъ путемъ: прибѣгающіе къ нимъ обращаются здѣсь съ текстомъ гораздо болѣе насильственно, нежели вносящіе въ него буквенную эмендацію. Предполагаютъ, напр., что «*mare me deduxit in Helles*» значить: «корабль прибылъ со мной на *высоту* Геллеспонта», а такъ какъ тому противорѣчитъ слѣдующій стихъ, то слова «*tenui limite*» толкуютъ о бороздѣ, оставляемой на нѣсколько минутъ въ водѣ послѣ прохода судна. Заслуживалъ бы, конечно, вниманія комментарий, понимающій самый терминъ «Геллеспонтъ» въ широкомъ смыслѣ⁴⁹⁾, но опять таки, вѣроятно ли, чтобы «*longum tenui limite fecit iter*» относилось къ плаванію по небольшому проливу, отдѣляющему островокъ Tenedos отъ Троады? Къ тому же, преобладающее мнѣніе людей эпохи Августа о томъ, гдѣ съ запада начинается Геллеспонтъ, видно изъ Strab. VII fr. 55 (epit. Vat.): ἔστι δ' ἐν τῇ περιήλῳ τοῦτ' ἐν τῇ μετὰ Ἑλαιῶντα [XIII p. 595: κατὰ τὴν Σιγαῶδα ἄκραν... ἐν τῇ Χερρονήσῳ] ἢ εἰς βολὴν πρῶτον ἢ εἰς τὴν Προποντίδα διὰ τῶν στενῶν, ἣν φασὶν ἀρχὴν εἶναι τοῦ Ἑλλησπόντου. Объ эксцентрическихъ домыслахъ единичныхъ географовъ Овидій едва ли тутъ заботился.

Въ «*quae simul*» могло извратиться «*nec tamen*», если эти послѣднія слова стали читаться въ формѣ «*neq̄t amen*», вслѣдствіе чего предположили въ началѣ выпаденіе буквы «q».

душемъ стихъ. Ср. *met.* III 491 sq.: „et neque iam color est mixto caudore rubori, | nec uigor et nires et quae medo uisa placebant“, а у Verg. *ge.* II 87, 139, 312, 464, 496 III 141, 175 IV 210 A. IV 236 IX 611 X 320 XI 71 и особенно IX 138 sq.: „nec solos tangit Atridas | iste dolor solisque [= *nec solis*] licet capere arma Mycenis“.

⁴⁸⁾ Verg. *A.* III 170 sq.: „Corythum terrasque requirat | Ausonias“, VI 366: „portusque require Velinos“ и др.

⁴⁹⁾ См. Ж. М. Нар. *Прос.* за апрѣль 1911 г., стр. 177 и сл. классич. отд., а теперь А. Klotz въ *Rhein. Mus.* 68, 286 ff.

VI.

Manil. II 1—7.

Maximus Iliacae gentis certamina uates | et quinquaginta regum
regemque patremque | Hectoremque⁵⁰⁾ facit⁵¹⁾ tutamque sub Hectore
Troiam | erroremque ducis totidem, quot uicerat⁵²⁾, annis | instantem
bello⁵³⁾ geminata per agmina⁵⁴⁾ ponto | ultimaque in patria captisque⁵⁵⁾
penatibus arma | ore sacro cecinit.

Слова «Hectoremque—Troiam» (v. 3) исключалъ Bentley, признававшій въ нихъ дублетъ стиха I 766⁵⁶⁾. Breiter изгоняетъ тоже гексаметръ II 3, но переставляетъ на его мѣсто «den an seiner jetzigen Stelle unbrauchbaren⁵⁷⁾ Vers 1 766», причемъ поя-

⁵⁰⁾ Такъ *M(atritensis)* saec. XV. Въ *G(emblac., nunc Bruxell.)* s. XI. и *L(ips.)* s. XI: «haectorem». *F(lor. Laurent.)* s. XV даетъ: «hectorem».

⁵¹⁾ *Dolcigno* (in ed. *Mediol.* 1489): «Hectoremque facem», conl. V 300 (о Тевкрѣ): «Hectoris ille facies aren teloque fugauit»; онъ разумѣлъ, стало быть, Hom. O 597—II 124 (*Cul.* 312, Prop. II 8, 32, Ouid. ex P. IV 7, 42). Такъ еще Becherl въ лонд. «Corp. poet. L.» (Jacob: «Hectoreasque facis»), только едва ли приводился изъ Илиады отдельный эпизодъ, предшествующій смерти Гектора. Правда, у Hom. X 373—4 ахейцы, видя Гектора распростертымъ, говорятъ другъ другу: ἦ μάλα δὴ μάλα πόλεος ἀμφαράσσθαι | Ἴκτωρ, ἦ βλε νῆας ἐνέπρησεν πυρὶ κλέειν, это же могло повліять на Манилія.

⁵²⁾ Bentr. ad Hor. c. l 6, 7: «fecerat» (sc. *Homerus*), а дальше: «et» geminata pericula ponto», но позднѣе иначе: см. пр. 53 и 54.

⁵³⁾ Is. Vossius: «instantem saeuo... ponto» (по свидѣт. Garrod'a, уже Вонин-contri въ ed. Rom. 1484 сопоставилъ Ouid. ex P. IV 16, 14: «errantem saeuo per duo lustra mari»). Bentr. въ изд. Манилія: «iactati pelago», Mor. Schmidt: «immanem belli» (позднѣе по Scaliger'у, который соединялъ «annis belli»: Ov. m. XII 21), Housman: «iactati remo».

⁵⁴⁾ Bentley прекрасно: «geminataque Pergama ponto».

⁵⁵⁾ Такъ *L*², captis *G*, capitisque *L*¹ *M*.

⁵⁶⁾ Вотъ контекстъ (I 762—9): «hic [на звѣздахъ млечнаго пути] Aeacidas, hic et ueneramur Atridas | Tydidemque ferum terraeque marisque triumphis | naturae uictorem Ithacum Pyliumque senecta | insignem triplici, Danaumque ad Pergama reges, | castra ducum et caeli, uictamque sub Hectore Troiam | Auroraeque nigrum partum stirpemque Tonantis | rectorem Lyciae; nec te, Manortia uirgo, praeteream» eqs. Bentley: «Assaracum atque Ilium totamque sub H. Tr.», (по Verg. A. VI 650), Ellis: «castra ducum et Rhesi». Защищающіе преданіе понимаютъ «castra ducum et caeli» какъ аппозицію къ «Pergama» (пр. 58), а «uictamque sub H. Tr.» (пр. 59) какъ указаніе на Гектора и его сподвижниковъ: «Troiam» являлось бы однимъ изъ объектовъ глагола «uenerari». Scaliger и Housman исключаютъ I 766: послѣдній замѣняетъ этотъ стихъ своимъ.

⁵⁷⁾ Breiter полагаетъ, что Манилія умалчивалъ I 762 sqq. о самихъ троянцахъ, а упоминалъ однихъ враговъ ихъ (Атридовъ и т. д.) и союзниковъ (Мемнона, Сарпедона, Пенеселею и др.), «weil Manilius sich mit der Aeneassage nicht befreundet hat u. von Vergils Auffassung geflissentlich abweicht». Въ улоду этой гипотезы,

сняты: «Götter u. Helden beteiligten sich am Kampfe [*castra ducum et caeli*]⁵⁸⁾, durch Einwirkung der Götter fällt Troja, besiegt in der Person Hectors [*uictamque sub*⁵⁹⁾ *Hectore Troiam*]». Garrod, избѣгая повилимому сближенія «*ducum*» (v. 3.) съ «*ducis*» (v. 4) и опасаясь неясности въ «*caeli*»⁶⁰⁾, видоизмѣняетъ эту комбинацію: онъ читаетъ II 3 «*castra decem aestatum*⁶¹⁾ *uictamque sub* Н. Тг.». Однако проф. Housman справедливо отмѣтилъ и третій, не устраненный Garrod'омъ недостатокъ предложенной Брейтеромъ перестановки, а именно нежелательное ἀσυνδέτων, которое «*castra*» создавало бы II 3. Самъ Housman, взявъ «*Hectoreumque facit*», конъюнктируетъ «*pectoraque (A)ecis*» («и храбрость Ахилла»)⁶²⁾, а впрочемъ, все же заимствуетъ «*uictamque*» изъ «дидтографіи I 766». Противъ такого отступленія отъ «*tutam*» мы возражаемъ въ прим. 65. Что касается первой половины стиха II 3, то затрудняемся тоже прикнуть къ уважаемому лондонскому, нынѣ кембриджскому, профессору. Уже форма вызываетъ тутъ споръ. Housman опирался, во первыхъ, на Ouid. *her.* 8, 33, но «*Aecis*» тамъ догадка А. Riese, а въ

Гекторъ, названный даже Юноной у Hor. с. III 3, 28, долженъ быть *устраненъ* у Манилія послѣ I 765! Спрашивается, однако, почему въ такомъ случаѣ троянецъ Гекторъ *можетъ* фигурировать у него же II 3? Имѣются ли у Брейтера свѣдѣнія, что послѣ написанія I-ой кн. авторъ примирился съ «Энеидой»? Съ другой стороны, см. прим. 59.

58) Conl. Cic. *n. d.* II 70: «ut apud Homerum cum duos exercitus contrarios alii dei ex alia parte delenderent». Ср. пр. 60.

59) Сличаютъ IV 24 sq.: «Troia sub uno | non euersa uiro» («удержавшаяся въ лицъ одного Энея») и др., а по существу *Aetn.* 591: «extinctosque suo Phrygas Hectore» и т. п. (къ многочисленнымъ цитатамъ у Housman'а можно прибавить Verg. *A.* IX 155 XI 289 sq., Hor. с. II 4, 10—12, Sen. *Tro.* 31: «quo stetit stante Ilium» и т. д.).

60) Ellis указалъ на Isocr. *Panath.* 81: «(войско Агамемнона), ὃ πολλοὺς εἶχεν ἐν αὐτῷ τοῖς μὲν ἀπὸ θεῶν, τοῖς δ' ἐξ αὐτῶν τῶν θεῶν ὑπερβάτας», но если тутъ выражена греческая точка зрѣнія, то это не препятствовало бы Манилію говорить I 766 съ троянской: что Эней былъ сыномъ Венеры, что Пріамъ происходилъ отъ Зевса, этого никто, къ тому же, не отрицалъ.

61) Conl. Prop. III 12, 25: «castra decem annorum». Оксфордскій издатель 2-ой кн. Манилія заявляетъ: «aestatum = *et satū* = *et facit* (of which *et caeli* is probably a bold emendation)». Но преданіе II 3 гласитъ «-que facito», а не «et facito»; кроме того, непонятно, почему «смѣлая поправка» къ этому проблематичному чтенію попала въ стихъ I 766, не оставивъ II 3 никакого слѣда.

62) Conl. Cat. 64, 338 sq., Prop. IV 11, 39 (съ поправкой «*simulante*»), Sil. XI 450 (Ouid. *art.* I 209).

P стоитъ «аесіо»⁶³); во вторыхъ, — на *Colum.* X 175; въ третьихъ, — на *Sen. Tro.* 46, гдѣ читаетъ: «uidi... maius admissis (admissum libri) scelus, | Aeacius (Aeacis ε) armis cum ferox» eqs. У Сенеки мы предпочли бы: «ipsasque ad aras maius admissum scelus Ac(h)illis armis»⁶⁴), cum ferox saeva manu | coma reflectens regium torta caput, | ultor [alto libri] nefandum uulneri ferrum abdidit». Во всякомъ случаѣ, засвидѣтельствовано преданіемъ «Aeacii» только у Колумеллы, т. е. у писателя болѣе поздняго, въ «*Astronomica*» же Манилія встрѣчается объ Ахиллѣ и Эантѣ Теламоновомъ «Aeacidas» I 762, гдѣ размѣръ допускалъ «Aeacios». И не сталъ бы Манилій въ началѣ II-ой кн. отступать въ родит. падежѣ отъ Гомеровскаго Αἰακίδω. Почтенный критикъ, правда, ссылается еще на субстантивно употребленныя реченія *Telamonius* и *Cephisius* у Овидія, а также на *Titanius* у *Manil.* I 869, но самъ прибавляетъ: «quamquam fortasse uix minus probabiliter scriberetur *Aeacidum*», т. е. не настаиваетъ уже на достовѣрности того, что помѣстилъ въ текстъ. Если же отъ формы перейти къ содержанію разбираемой редакціи, то окажется, что въ основу ея положено авторомъ соображеніе: «ubi de *Piade* sermo est... requirendus *Achilles*». Между тѣмъ ясно, что Манилій понимаетъ тему *Иліады* на римскій ладъ: героями поэмы выставлены въ 1-омъ ст. троянцы («*Piadae gentis certamina*»), во 2-мъ стихѣ говорится о величіи *Пріама*, въ 3-емъ — о *Гекторѣ*, на побѣду же *Эакида* («*quis enim laudauerit hostem?*»), какъ признается *Несторъ* у *Ov. m.* XII 548) указано лишь косвенно посредствомъ «*tutamque sub Hectore Troiam*»⁶⁵). Но если *Housman* мирится тутъ съ именемъ *Гектора* въ 5-й стопѣ, то непоследовательно вытравлять «*Hectoreum*» въ началѣ стиха.

⁶³) *Itali* не безъ основанія исправили это на „*Aeacidae*“ въ виду vv. 7 и 55 той-же „*Ироиды*“, а также *h.* 1, 35. 3, 87; *art.* I 17. 691 II 736, *met.* VII 494. 668. 798 VIII 4 XI 227. 246. 250. 274. 389. 400 XII 82. 96. 365. 603. 612 XIII 33; *fast.* V 390; *ex P.* II 4, 22; *Ib.* 305. 375 и др.

⁶⁴) Т. е.: *maius, quam quod Achilles arma commiserant.* Гекуба находитъ, что убійство *Пріама* еще ужаснѣе, нежели *Гекторово*.

⁶⁵) Не *victam*: окончательной побѣды надъ Троей *Иліада* не описываетъ. Да и сѣдующій же стихъ примѣняетъ „*uicerat*“ къ *Одиссею* (*Скалигеръ* сличилъ слова *Цезаря* къ своимъ галльскимъ лагерямъ у *Lucan.* I 300: „*decimo iam vincitis anno*). — Вспоминается *Prop.* IV 1, 53, sq.: „*Danaï, male vincitis: Ilia tellus | niuet*“.

Ученые, сохраняющие *v. 4 sq.* оборотъ «*errorem—instantem*»⁶⁶⁾ bello»⁶⁷⁾, забываютъ, что онъ несомѣстимъ съ *uicerat*: это не укрылось въ 1846 г. отъ *Якоба*, недавно же (1912) Housman замѣтилъ: «*neque enim error Vlixis Troiano bello uicerat, sed Vlixes pondum errabundus*». Онъ присовокупляетъ, «*nudum ducis* пометъ не *satis eleganter et nimis infinite poni*». Вопль съ тѣмъ соглашаясь, мы предложили бы на обсужденіе слѣдующую редакцію всего мѣста:

Maximus Iliacae gentis certamina uates	
et quinquaginta regum regemque patremque	
Hectoreumque decus tutamque sub Hectore Troiam	3
erroremque ducis totidem, quot uicerat, annis	
Neptunum passi geminataque Pergama ponto	
ultimaque in patria captisque penatibus arma	6
ore sacro cecinit.	

Мы думаемъ, слѣдовательно, что въ словахъ *maximus vates Hectoreum decus ore sacro cecinit* примѣнена къ Гомеру его же формула:

Μῶς δ' ἄρ' αἰδὼν ἀνῆκεν ἀειδόμεναι κλέα ἀνδρῶν⁶⁸⁾.

⁶⁶⁾ По Брейтеру, вин. п. причастія „смыло“ употребленъ здѣсь, вмѣсто родительнаго. Postgate сличилъ Prop. I 20, 15 sq.: „*quae miser ignotis error perpessus in oris | Herculis indomito fleuerat Ascanio*“, а Garrod—Rutil. Nam. 1 sq.: „*Velocem potius reditum mirabere, lector, | tam cito Romuleis posse carere bonis*“. Мыслимо впрочемъ, что у Проперція читалось нѣкогда: „*quas m. i. (u)ictor perpessus i. o. | Herculis i. fleuerat A.*“, гдѣ „*uictor—Herculis*“ былъ бы *Hylas* (ср. III 11, 16: „*uicte uictorem candida forma uirum*“), а „*quas*“ (такъ уже Phillimore) указывало бы на нимфъ („*Ascanio*“=*in A.*). У Рутілія достаточно поставить двоеточіе послѣ „*lector*“

Velocem potius reditum mirabere, lector:
 „Там cito Romuleis posse carere bonis!“
 Quid longum toto Romam neuerantibus neuo?

На приводимый въ пентаметръ удивленный возгласъ читателя авторъ и возрѣкаетъ въ 3-емъ стихѣ. Проф. Garrod приводитъ еще Manil. II 902: „*bellaque morbo gum saecis pugnantia telis*“, но не скрываетъ, что текстъ и ему кажется испорченныиъ. Мы читали бы: „*telaque morborum, saecis pugnantia bellis*“.

⁶⁷⁾ Выраженіе *bello* относится къ враждебнымъ Одиссею чувствамъ Посидона, которыя породили для послѣдняго *geminata agmina*, „новый походъ“. Приводятъ Cic. off. III 99: „*(Odussem) non modo cum hostibus, uerum etiam cum fluctibus, id quod fecit, dimicare melius fuit*“ eqs. и Manil. I 763 sq. (прим. 56). Garrod: „*it would seem necessary to retain bello for the reason that ultima... arma in 6 seems to demand the progression (1) war at Troy, (2) war on the seas, (3) war at home*“. Тѣмъ не менѣе онъ восклицаетъ: „*But the two ablatives bello... ponto are intolerably harsh*“. Къ тому же *bello* излишне при *geminata P.*

⁶⁸⁾ *Odyss.* VIII 73. Ср. II. IX 189, *hymn.* 31 (32), 18 sq.: κλέα φῶτων | ἄσπομα ἡμιθέων, ὦν κλειούσ' ἐργμάτων' αἰοδοί | Μουσῶν θεράποντες, ἀπὸ στομάτων ἐροέντων. *Odyss.* XVII 480 sq. (488). 518: θεῶν εἰς | αἰδοί. XXII 347 sq.

Изъ римскихъ поэтовъ ср. Hor. c. III 25, 4—6: «*Caesaris audiar | aeternum meditans decus | stellis inserere*», Sil. I 3: «*da, Musa, decus memorare laborum | ... Hesperiae*», IV 398: «*aeternumque decus memori celebrabitur aeuo*», XI 134—6: «*ingentia facta | Sidonii iuuenis celebrant: ut ruperit Alpes | Herculei socius decoris*» и др.⁶⁹).

Что довольно естественно говорить о «славѣ» Гектора, воспѣтой Гомеромъ, въ этомъ едва ли кто станетъ сомнѣваться. Самое слово упоминается въ соотвѣтственныхъ случаяхъ II. XXII 433: εὐχολῇ κατὰ ἄστο πελέσκειо, 435: μάλα μέγα κῆδος ἔτησθα (для троянцевъ); ср. 514: κλέος. Такіе отзвыы, какъ VI 403: οἷος γὰρ ἐρύετο "Πριον "Εκτωρ⁷⁰), XXII 380—4, 424 и т. д. были хорошо извѣстны римскимъ стихотворцамъ.

По поводу «*Neptunum passi*» нѣтъ, кажется, надобности распространяться: всякій вспомнить изъ *Одиссеи* πολλὰ δ' ὅγ' ἐν πόντῳ πάθεν ἄλγεα (I 4), θεοὶ δ' ἐλέαιρον ἅπαντες, | νόστῳ Ποσειδάωνος· ὁ δ' ἀσπερχές μενέαινε | ἀντιθέφ' Ὀδυσσοῦ (I 19 sqq.), Ποσειδάων... ἀσχελὲς αἰεὶ | ... κεχόλωται (I 68 sq.), а также ὅς πρην μὲν μάλα πόλλ' ἔπαθον καὶ πόλλ' ἐμόγησα (VIII 155), πολλὰ γὰρ ἔτλην, | ἀνδρῶν τε πολέμοις ἀλγεεινά τε κύματα πείρων (VIII 182 sq.), κακὰ πολλὰ παθὼν (184), ὅσσ' ἐπεπόνθει (XIII 92) и т. д.

Но спросить, вѣроятно, какъ же «*passi*» могло замѣниться словомъ «*bello*». Намъ дѣло представляется въ такомъ видѣ: подъ вліяніемъ Вергиліева мѣста «*multum ille et terris iactatus et alto | ui superum ... multa quoque et bello passus*» (*Aen.* I 3 sqq.), восходящаго вѣдь къ одному изъ цитованныхъ текстовъ *Одиссеи*, надписали у Манилія пояснительное къ «*passi*» выраженіе «на войнѣ», когда «*Neptunum*» еще не исказилось (^{*bello*}_{*passi*}); проникнувъ въ строку, это «*bello*» вызвало уже порчу предыдущаго имени⁷¹).

⁶⁹) Множество мѣстъ изъ поэтовъ и прозаиковъ см. въ *Thes. l. Lat.* IV 238—241. Очень часто говорить также „*laudes canere*“ по латыни (*Cic. Tusc.* IV 3: „qui assubarent, canerent ad tibiam clarorum uirorum laudes atque uirtutes“ и т. п.).

⁷⁰) Ср. XXII 507. Цитуетъ неточно *Plat. Cratyl.* 392 в.

⁷¹) По существу, разумеется, невѣрно, что *Одиссей* скитался по морю столько же лѣтъ, сколько длилась осада Трои: семь лѣтъ слишкомъ онъ провелъ у Калипсо. Но эту ошибку дѣлають обыкновенно римскіе поэты. Выше (примѣч. 53) приведено уже *Ov. Pont.* IV 16, 14. Бентли отмѣтилъ *Ov. am.* II 1, 31; *art.* III 15 sq., другіе указали на *Claud. l. Ser.* 27.

VII.

Въ заключеніе сопоставляемъ въ возможно сжатой формѣ нѣсколько замѣтокъ къ Плутарху.

1.

Mar. 5. 6 (p. 408 c): С. Herennius отказывается свидѣтельствовать противъ своего «кліента» Маріа; послѣдній же возражаетъ, что вышелъ изъ кліентелы, какъ только получилъ должность по выборамъ, ὅπερ ἦν οὐ παντάπασιν ἀληθές. ἀρχὴ γὰρ οὐ πᾶσα τοῦ νέμειν προστάτην ἀπαλλάσσει τοὺς τυχόντας αὐτοὺς καὶ γένος, ἀλλ' ἢ τὸν ἀγκυλόποδα δίφρον ὁ νόμος διδῶσιν.

Годилось бы, если не ошибаемся: τοῦ νέμειν προστάτην. Не всякая магистратура освобождаетъ отъ того, чтобы надъ соотвѣтственными лицами и ихъ потомствомъ оставалась власть (либо опека) патрона, а только курульная должность.

2.

Lysand. 5. 5 (p. 435 f): ὥστε προσέχειν ἅπαντας αὐτῷ καὶ χαρίζεσθαι καὶ ποθεῖν, ἐλπίζοντας οὐδενὸς ἀτυχέσειν τῶν μεγίστων, ἐκείνου κρατοῦντος.

Вѣроятно же, ποθεῖν: всѣ свидѣтельствовали ему свое уваженіе, угождали ему и усердствовали въ надеждѣ, что, когда онъ будетъ во власти, имъ ни въ чемъ отказа не будетъ, какъ бы ихъ требованія ни были велики.

3.

Lysand. 24, 4—5 (p. 447 d): Лисандръ, будучи и самъ изъ Гераклидовъ, задумалъ лишить Агіадовъ и Еврипонтидовъ исключительнаго права на царскій санъ въ Спартѣ и распространить доступъ къ этому сану не только на всѣхъ Гераклидовъ, но и, какъ нѣкоторые говорятъ, на Спартіатовъ вообще, ἵνα μὴ ἦ τῶν ἀφ' Ἑρακλίδους, ἀλλὰ τῶν οἷος Ἑρακλῆς τὸ γέρας ἀρετῇ χρινομένων ... ἤλπιζε δὲ τῆς βασιλείας οὕτω δικάζομένης οὐδένα πρὸ αὐτοῦ Σπαρτιάτην ἂν αἰρεθίσεσθαι.

Hartman: «Immanem soloecismum ingeniose sustulit Naberus... legens ἀναρρηθήσεσθαι. Restat δικάζομένης» eqs. ⁷²⁾). Приходить на умъ δοκιμαζομένης.

⁷²⁾ *Мнемос.* 39, 91.

4.

Compar. Sullae et Lys. 4, 6 (p. 477 e): при сравненіи одержанныхъ двумя полководцами побѣдъ, надо принять во вниманіе, кто былъ противникомъ побѣдившаго, *τροφὴν γὰρ οἶμαι καὶ παιδίαν πρὸς Ἀντίοχον διαναυμαχεῖν τὸν Ἀλκιβιάδου κυβερνήτην*, одолѣть же Митридата и Марія было дѣломъ нелегкимъ.

Врядъ ли *τροφήν* умѣстно: гораздо большее «наслажденіе» всякій талантъ находить въ томъ, чтобы превозмочь *трудности*. Должно быть: *διατριβήν*. Сразиться на морѣ съ Антиохомъ—«развлеченіе и забава», т. е. пустое дѣло, не требующее напряженія духовныхъ силъ.

5.

Crass. 17, 7 (p. 553 f): (*τὴν ἐν Ἱερᾷ πόλει θεὸν οἱ μὲν Ἀφροδίτην, οἱ δὲ Ἥραν, οἱ δὲ τὴν ἀρχὴς καὶ σπέρματα πᾶσιν ἐξ ὕγρων παρασχοῦσαν αἰτίαν καὶ φύσιν νομίζουσι καὶ τὴν πάντων εἰς ἀνθρώπους ἀρχὴν ἀγαθῶν καταδείξασαν*).

Подходило бы *ἀλήγην*, въ концѣ же не выпало ли *δύναμιν*? Богиня эта учить людей познавать, какого рода *помощь* они могутъ себѣ найти въ благодѣтельныхъ силахъ природы.

6.

Compar. Niciae et Crassi 1, 4 (p. 565 d): Крассъ тратилъ огромныя деньги, *ἐστιάσας ἅμα τοσαύτας μυριάδας ἀνθρώπων, εἴτα θρέψας πάλιν*.

Переводятъ: «угощая (ἐστιάσας)» и «раздавая зерно (θρέψας)». Но угощеніе есть также «кормленіе». Не слѣдуетъ ли возстановить: *εἴτα τέρψας πάλιν*? Получилась бы аналогія къ Ювеналову *panet et circenses*.

Г. Зенгеръ.

Къ исторіи типа „хвастливаго воина“.

Правъ былъ О. Риббекъ, когда въ своемъ изслѣдованіи исторіи этого типа античной комедіи особенно подчеркнулъ то разнообразіе, къ которому, видимо, стремились и котораго удачно достигали драматурги въ его разработкѣ (Alazon. Lpzg 1882, 36). И прежде всякій видѣлъ, какъ мало сходства хотя бы между Пиргоколиникомъ и Стратофаномъ, персонажами одного и того же Плавта.

Теперь, когда папирусы ознакомили насъ съ ранѣе плохо извѣстными комедіями Менандра, это разнообразіе бросается въ глаза еще больше. Не буду останавливаться на характеристикѣ Полемона изъ «Отрѣзанной косы» Менандра. Изслѣдователи посвятили уже ему достаточно вниманія: (см. Ph. Legrand. Daos. Lyon-Paris 1910, 229. Г. Ф. Церетели. Комедія Менандра «Отрѣзанная коса» Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 стр. 52 отд. оттиска). Но въ VII томѣ «Оксиринхскихъ папирусовъ» А. S. Hunt опубликовалъ нѣсколько отрывковъ изъ другой комедіи Менандра, гдѣ тоже выступалъ воинъ. Это — *Μισοθύμενος* (№ 1013, стр. 103—110). И до того было извѣстно 13 отрывковъ этой пьесы (№№ 335—347 Кока). Пользуясь ими, Риббекъ пытался дать характеристику героя этой пьесы (стр. 36), исходя изъ предположенія, будто въ 13-мъ «діалогѣ гетеръ» Лукіанъ разработалъ мотивъ этой именно пьесы Менандра. Къ такому предположенію могло бы привести и слѣдующее замѣчаніе схолиаста, предпосланное имъ замѣткамъ къ отдѣльнымъ «Диалогамъ гетеръ»: «слѣдуетъ знать, что всѣ эти гетеры изображены въ комедіи всѣми ея поэтами, а преимущественно Менандромъ, которымъ доставленъ Лукіану весь этотъ матеріалъ». (Схолии къ Лукіану, изд. Г. Рабе, стр. 275). Это же подтвердило и предпринятое новѣйшимъ изслѣдователемъ сопоставленіе отдѣль-

ныхъ діалоговъ съ комедіей (*Ph. Legrand. Les «dialogues des courtisanes» comparés avec la comedie. Rev. des ét. gr. 1907, 176—231, 1908, 39—79*).

Начало 13 діалога Лукіана занято бесѣдой воина Леонтиха съ Хенидой. Первый широковъщательно повѣствуетъ о своихъ военныхъ доблестяхъ, проявленныхъ въ битвахъ съ Галатами и въ Пафлогоніи. Хенида во всемъ ему поддакиваетъ. И эта первая половина діалога и по составу дѣйствующихъ лицъ, и по содержанію ихъ бесѣды больше всего напоминаетъ 14-ю сцену *Miles Gloriosus* Плавта (9—78) между Пиргополиникомъ и Артотрогомъ. Сходство между первымъ и Леонтихомъ распространяется даже на мелочи: Пиргополиникъ кичливо величаетъ себя внукомъ Венеры (1265) и Хенида указываетъ, вѣроятно, по тѣмъ же побужденіямъ, что и голодный Артотрогъ (34, 49), на полное сходство своего собесѣдника съ Ахилломъ, сыномъ Пелея и Оетиды.

Эти рассказы Леонтиха возбуждаютъ отвращеніе въ гетерѣ Гимнидѣ и она собирается уйти. Тщетно молить ее Леонтихъ подарить ему свои ласки: даже за удвоенную плату она не согласна обнимать и цѣловать столь кровожаднаго героя. Пусть ищетъ онъ себѣ какихъ нибудь новыхъ Лемніадъ, либо Данаидъ, а она предпочитаетъ засвѣтло уйти отъ такого человѣкоубійцы къ своей матери. Ея уходъ повергаетъ Леонтиха въ глубокую скорбь. Теперь уже Хенида упрекаетъ его: нечего было такъ завираться и своими розказнями наводить страхъ на слабую женщину. Леонтихъ на чистоту сознается, что вралъ ради того, чтобъ больше понравиться Гимнидѣ. Теперь ему остается одно изъ двухъ: сохранить репутацію героя, продолжая возбуждать отвращеніе въ Гимнидѣ, либо спать съ ней, сознавшись во лжи. Скрѣпя сердце, Леонтихъ выбираетъ послѣднее, и діалогъ кончается такими его словами: «иди, Хенида, къ Гимнидѣ и скажи ей, что я навралъ, но только не все».

Итакъ, этотъ діалогъ Лукіана въ итогъ приводитъ хвастуна къ полному посрамленію—самый обычный мотивъ комедіи (см. *мои Наблюденія надъ древне-римской комедіей. Казань 1905, 65*) и этимъ въ сущности исчерпывается все содержаніе забавной сценки Лукіана.

Изъ позднихъ писателей, пересказавшихъ содержаніе *Μισοβριμος* Менандра (ихъ свидѣтельства приведены у Кока III, 97—98), мы

знали, что герой этой пьесы—его звали Трасонидъ—отличался великимъ хвастовствомъ и что онъ возбуждалъ у своей возлюбленной отвращеніе и ненависть, по словамъ Либанія, изъ за — *στρατωτικὴ ἀηδία*.

Теперь новые отрывки изъ Оксиринха прежде всего дали имя возлюбленной Трасонида: ее звали Кратея (3 verso, ст. 32). Упоминался въ пьесѣ и ея отецъ (ст. 40 того-же отрывка). Въ свою очередь это весьма рѣдкое женское имя даетъ право относить къ нашей пьесѣ отрывокъ, который Кокъ раньше относилъ къ остаткамъ «неизвѣстныхъ» комедій Менандра (№ 939). Упоминаемый въ этомъ же послѣднемъ отрывкѣ Демея встрѣчается и въ самомъ большомъ изъ вновь найденныхъ отрывковъ пьесы: fr. 1—3 recto. А. Hunt этого Демею считаетъ (р. 104) за отца Кратеи. По fr. 939 этотъ чужестранецъ приходилъ случайно и, добившись освобожденія на волю Кратеи, уходилъ. Въ новомъ отрывкѣ Демея ведетъ бесѣду съ Клиніей. Въ послѣднемъ англійскій издатель видитъ отца Трасонида (р. 105). Сохранилось теперь такое обращеніе Трасонида къ отцу: онъ проситъ у отца позволеніе жениться на Кратеѣ (ст. 34—35) и говоритъ:

40. νῦν ἢ μακάριον ἢ τρισάθλιον, πατέρ,
δειξαις με τῶν ζώντων πάντων γενόμενον.
Εἰ μὴ γάρ οὗτος δοκιμάσει με κυρίως
δώσει τε ταύτην, οἴχεται Θρασυδῆς.

Слѣдующій стихъ:

Ὅ μὴ γένοιτ' ἀλλ' εἰσίσωμεν

я вложилъ бы въ уста отца Трасонида: онъ такъ испуганъ послѣднимъ заявленіемъ сына, что соглашается идти въ домъ, гдѣ можно устроить его судьбу.

И раньше мы знали, что Трасонидъ страдалъ сильно. По свидѣтельству Арріана, онъ посылалъ возлюбленной подарки, умолялъ ее и плакалъ. Теперь это подтверждаетъ ст. 18. И раньше слова Діогена, будто Трасонидъ *καίπερ ἐν ἐξουσίαι ἔχοντα τὴν ἐρωμένην διὰ τὸ πιστεῖσθαι ἀπέχεσθαι αὐτῆς*, съ чѣмъ Кокъ удачно сопоставлялъ fr. 336, придавали нравственному облику Трасонида тонкость чувствъ, совершенно чуждыхъ зауряднымъ представителямъ этого типа. Онъ стремится не къ грубому обладанію плѣнившей его женщиной, а къ тому, чтобы она раздѣляла и его чувства. Теперь выписанныя выше его

слова къ отцу еще выше поднимають Трасонида надъ общимъ уровнемъ разныхъ Пиргополиниковъ и Орасоновъ, приближая его вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу наиболѣе тонко чувствующихъ влюбленныхъ, выведенныхъ «новой» комедіей. См. *R. Hirzel. Der Selbstmord. Arch. f. Religionsw.* XI, 1908, 78—79, и *passim* — мою статью: Роль *adulescens* въ древнеримской комедіи *Ж. М. Нр. Пр.* 1908 № 8, 13—14 отд. отт. Поэтому новые отрывки этой пьесы еще болѣе доказываютъ умѣнье Менандра вносить рѣдкое разнообразіе въ обрисовку даже наиболѣе шаблонныхъ персонажей. Отмѣтить надо, что до сихъ поръ ни въ одной пьесѣ у «хвастливаго воина» мы не встрѣчали отца. Эту мелкую, но всетаки новую черту мы узнали тоже изъ папирусовъ впервые. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти папирусы совершенно опровергли предположеніе Риббека на счетъ связи этой пьесы Менандра съ 13 діалогомъ Лукіана. Отношенія Трасонида къ Кратеѣ гораздо глубже отношеній Леонтиха къ Гимнидѣ. Повидимому, здѣсь Менандръ обрисовалъ Трасонида чертами, сближающими его съ героями «слезной» комедіи (я позволяю себѣ считать этотъ терминъ вполне примѣнимымъ къ цѣлому ряду пьесъ Менандра и Теренція, несмотря на возраженія *H. von Arnim Kunst und Weisheit in den Komödien des Menanders (Ilbergs Jahrbücher* 1910, № 4, 250). У Лукіана нѣтъ ничего подобнаго. Его Леонтихъ простой хвастунъ, жестоко за это наказанный, и его діалогъ стоитъ на одинаковомъ разстояніи какъ отъ пьесы Менандра, такъ и отъ письма Алкифрона (III, 36), которое Кокъ уже совсѣмъ напрасно сопоставляетъ съ пьесой Менандра: про любовь, составляющую, какъ всегда, центръ пьесы Менандра (*Ovid. Trist. II 369: fabula iucundi nulla est sine amore Menandri*) въ письмѣ Алкифрона нѣтъ не слова.

Этотъ типъ римской комедіи особенно пришелся по душѣ ея позднѣйшимъ подражателямъ. О многочисленныхъ обработкахъ его въ новѣйшей драмѣ см. *C. V. Reinhardtstoettner. Plautus. Spätere Bearbeitungen Plautinischer Lustspiele.* Leip. 1886, 605—680, а также въ отдѣлахъ, посвященныхъ другимъ пьесамъ Плавта, гдѣ также выступаетъ «хвастливый воинъ», *Truculentus* и т. п. Его изложеніе о Ленцѣ дополнилъ теперь *М. Н. Розановъ*. Поэтъ періода бурныхъ стремленій Якобъ Ленцъ. М. 1901, 205—218. *O. Fest. Der Miles Gloriosus im Drama des klassischen Altertums und des*

französischen Mittelalters. Naumburg 1897. *W. Creizenach*. Geschichte des neueren Dramas. Halle 1911, I², 568. Въ этихъ трудахъ достаточно выяснено широкое распространеніе этого типа въ произведеніяхъ драматурговъ новѣйшей Европы. Но отсутствіе этого типа у Лопе отмѣчаетъ *Д. К. Петровъ*. Замѣтъ по исторіи староиспанской комедіи. Спб. 1907, I, 441. Въ статьѣ: «Испанскіе авантюристы XVI—XVII столѣтій» (*Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями В. И. Ламаискому* Спб. 1907, I, 164) тотъ же изслѣдователь указываетъ на комедію Лопе *El galan Castrucho* и полагаетъ, «что въ лицѣ Каструго много чертъ столь излюбленнаго эпохой Возрожденія хвастливаго воина, Каструго—прямой потомокъ Пиргополиника». Немногимъ дальше *Д. К. Петровъ* пишетъ однако: «мы не ошибемся, если признаемъ въ Каструго чловека, когда-то порядочнаго, затѣмъ павшаго, но, можетъ быть, еще способнаго къ исправленію, если возбудить въ немъ какую-нибудь болѣе высокую страсть, напр. честолюбіе, оказавъ ему довѣріе. Нѣтъ сомнѣнія, что Каструго обладаетъ значительными умственными дарованіями» (стр. 165). Ни про самого Пиргополиника, ни про многихъ его потомковъ этого не скажешь.

Между прочимъ давно уже высказано предположеніе, что «хвастливый воинъ» римской комедіи послужилъ образцомъ Шекспиру для созданія его Фольстафа (*Н. И. Стороженко* Прототипы Фольстафа. *Артистъ* 1891 № 15, 1—11. Опыты изученія Шекспира. Москва 1902, 193—221). Георгъ Брандесъ замѣтилъ по поводу Фольстафа, что «въ его существѣ есть нѣчто, напоминающее Силена древней Греціи съ его безконечно добродушною веселостію» (*Г. Брандесъ*, Собраніе сочиненій пер., М. В. Лучицкой Спб. 1909. XVI, 317 и 325). Это безусловно удачное сближеніе съ Силеномъ, какъ кажется однако, теперь можно распространять не на одного только Фольстафа, но и на его прототипъ—«хвастливаго воина» древней комедіи.

Теперь среди папирусовъ Оксирина найдены хоть и незначительные по объему, но зато очень цѣнные по содержанію обрывки неизвѣстной дотолѣ «драмы сатировъ» (*A. S. Hunt*. The Oxyrhynchus papyri. VIII. London 1911, 60—71). На счетъ имени автора и названія пьесы еще спорятъ (см. *A. Koerte* въ Arch. f. Pa-

purf. V, 1913, 571), но чѣмъ бы этотъ споръ ни кончился, останется несомнѣннымъ, что въ 1-мъ фрагментѣ мы имѣемъ дѣло съ хоромъ сатировъ (о ихъ взаимоотношеніи съ Силенами см. *A. Furtwängler. Kleine Schriften. München, 1912, I 167—176, 183, 207*). На наше счастье, этотъ отрывокъ сохранился какъ разъ лучше всего (онъ воспроизведенъ на табл. III у Hunt'a). Ихъ пѣснь звучала такъ:

6. Ἀπαντα πεύσσει. νομφίοι μὲν ἤχομεν,
παῖδες δὲ νομφῶν Βακχίου δ' ὑπηρετάι,
θεῶν δ' ὀμαυλοὶ. πᾶσα δ' ἡρμύσται τέχνη
πρέπουσ' ἐν ἡμῖν. ἔστι μὲν τὰ πρὸς μάχην
10. ὄρους, πάλης, ἀγῶνες, ἵππικῆς, ὀρόμου,
πυγμῆς, ὀδόντων, ὄρχεων ἀποστροφαί,
ἐννεοί δ' ὠιδαὶ μουσικῆς, ἔνεστι δὲ
μαντεῖα πάντα γνωτὰ καὶ ἐφευσιμένα
ἱαμάτων τ' ἐλεγχος, ἔστιν οὐρανοῦ
15. μέτρησις, ἐστ' ὄρχησις, ἔστι τῶν κάτω
λάλησις ἄρ' ἄκαρπος ἢ θεωρία;
ὦν σοὶ λαβεῖν ἔξεστι τοῦθ' ὅποιον ἂν
χρήσις, ἔάν τήν παιδα προστίθῃς ἐμοί.

Стало быть, въ этой пьесѣ сатиры появлялись, имѣя воинственный обликъ (ст. 9—11), а слыша ихъ широковогнательныя увѣренія на счетъ обширности ихъ познаній, распространяющихся даже на подземное царство (ст. 15), невольно начинаешь думать, что и имъ не было чуждо хвастовство: безъ нужды, вѣдь, не стали бы они увѣрять, что ихъ познанія οὐκ ἐφευσιμένα—qui s'excuse...

Въ «Слѣдопытахъ» Софокла Силень говорить хору сатировъ между прочимъ:

- Κάκιστα θηρῶν ὄντες ἐν πάσῃ σκιάῃ
10. φόβον βλέποντες, πάντα δαιματούμενοι,
ἄνευρα κἀκόμιστα κἀνελεύθερα,
διακονοῦντες, σώματ' εἰσιδεῖν μόνον
καὶ γλῶσσα καὶ φαλῆτες; εἰ δὲ που δέη,
πιστοὶ λογοῖσιν ὄντες ἔργα φεύγετε.

(*A. S. Hunt. The Oxyrhynchus papyri, IX, 1912, № 1174 VI p. 45*). Развѣ указанные здѣсь черты не подходят цѣликомъ къ характеру любого «хвастливаго воина»?

Давно извѣстно, что сами боги изображались порой чертами, свойственными завязтому ἀλαζών (Аристофанъ *Лягушки* 280. О. Риббекъ

стр. 27—28). Теперь мы видимъ, что и въ «драмѣ сатировъ» пятого вѣка (*Hunt* 61) наиболѣе характерные ея персонажи имѣли обликъ, позволяющій сближать ихъ съ Пиргополиниками и имъ подобными образами позднѣйшей комедіи. Что, если она придала имъ черты, которыми нѣкогда отличались сами сатиры? Съ постепеннымъ вымираніемъ «драмы сатировъ» едва ли безъ слѣда исчезали созданные ею образы. Правдоподобіе, что они подчиняясь процессу, для комедіи обратному тому, который Аристотель въ примѣненіи къ трагедіи такъ удачно опредѣлилъ словомъ ἀπεσφηνόνη (Poet. V 1449a): спустились до уровня простыхъ смертныхъ, и черты характера стараго сатира—достались по наслѣдству сперва Пиргополинику, а въ концѣ концовъ и къ Фольстафу. Тогда родословное древо «жирнаго Джона» придется продолжить въ сторону еще болѣе сѣдой старины.

Б. Варнеке.

Къ теоріи познанія Гераклита.

Ἑνόν и ἰδίᾳ φρόνησις.

Индивидуальное существуетъ рядомъ съ всеобщимъ—неправы тѣ, которые желали видѣть въ ученіи Гераклита борьбу противъ principium individuationis. Это вѣрно было бы для другихъ древнихъ мыслителей; та Дика, которая наказываетъ все частное за то, что оно вышло изъ связи общаго, предъ которой преклоняется Анаксимандръ, отсутствуетъ въ пантеонѣ эфесскаго мудреца.

Но мудрость не живетъ въ области индивидуальнаго—ея область общее: то таинственное *ἑνόν*, о которомъ нерѣдко говоритъ Гераклитъ и о которомъ столько глубокихъ мыслей высказывали современные толкователи темнаго философа, писавшіе иной разъ еще болѣе темно, чѣмъ онъ.

Терминологическаго значенія слово *ἑνόν* не имѣетъ—иначе оно имѣло бы всегда одно и то же значеніе. Что этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, ясно изъ простаго сравненія тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы его встрѣчаемъ въ отрывкахъ Гераклита. Какъ и большинство употребляемыхъ Гераклитомъ выраженій, это слово постоянно измѣняется въ своихъ значеніяхъ, какъ всякое не закрѣпленное условно научнымъ путемъ живое слово живого языка. Я не могу не указать и вообще на ту неосторожность, съ которой въ послѣднее время нерѣдко придаютъ терминологическое значеніе иной разъ самымъ невиннымъ словамъ греческаго словаря. Доходятъ до того, что столь безцвѣтному *ἑνόν* придаютъ значеніе «пустаго несущественнаго названія» у Парменида и, наоборотъ, «полнаго значенія названія» у Гераклита ¹⁾, причемъ древніе философы употребляютъ будто бы эти слова въ ихъ точномъ терминологическомъ значеніи вездѣ и всегда, безъ

¹⁾ Loew, Heraklit im Kampfe gegen den Logos, Wien 1908.

всякихъ исключеній, съ тѣмъ же постоянствомъ, съ какимъ современный химикъ пишетъ H_2O , когда хочетъ назвать воду. Развѣ Аристотель такъ употребляетъ свои термины, развѣ у него мы не приходимъ иной разъ въ полное отчаяніе, потому что не можемъ опредѣлить, понимаетъ ли онъ въ данномъ мѣстѣ опредѣленное слово въ его терминологическомъ или просто житейскомъ значеніи?

Слово *κοινός* значить только то, что оно значить по словарю — общій, одинъ и тотъ же. На окружности круга общи начало и конецъ, одинъ и тотъ же пунктъ есть начало и конецъ ¹⁾. И никакого таинственнаго и глубокаго смысла въ этомъ общемъ нѣтъ. И такъ же просто и понятно употребленіе слова и въ другихъ случаяхъ. Этимъ не уменьшается значеніе самого понятія. Есть два космоса — одинъ, который является однимъ и тѣмъ же для всѣхъ, другой, который существуетъ для каждаго въ отдѣльности. Это ясно сказано въ фрагментѣ, отличающемъ между спящимъ и бодрствующимъ: *ὁ Ἡράκλειτος φησι τοῖς ἐγρηγορόσι ἓνα καὶ κοινὸν κόσμον εἶναι, τῶν δὲ κοιμημένων ἕκαστον εἰς τὸ ἴδιον ἀποστρέφειν* ²⁾. Толкованіе мѣсту дано давно. То, что я вижу на яву, видить и всякій другой, кто можетъ это видѣть. То, что является мнѣ во снѣ, то вижу только я, и никто другой. Какъ это связано съ системой Гераклита, объ этомъ мы можемъ для нашей цѣли не говорить ³⁾, но смыслъ совершенно простъ и ясенъ. Космосъ одинъ и тотъ же для всѣхъ бодрствующихъ, спящій «обращается къ своему собственному космосу». Есть два космоса — спящій творить себѣ свой собственный, ему одному свойственный, его личный міръ. Міръ сновидѣній, міръ заблужденія, самообмана, иллюзій и галлюцинацій — есть особый, частный, самосозданный міръ человѣка. И рядомъ съ нимъ есть нѣкоторый общій, не отъ индивидуума зависящій міръ — общій всѣмъ. О немъ и говорится въ столь много толкованномъ отрывкѣ ⁴⁾ *κόσμον τὸν δὲ τὸν αὐτὸν πάντων οὔτε τις θεῶν οὔτε τῶν ἀνθρώπων ἐποίησεν* κтл. Я вовсе не хочу отрицать всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя указалъ Гомперцъ ⁵⁾, но то,

¹⁾ Frg. 103.

²⁾ Frg. 82.

³⁾ Ср. Sext. Empiric. adv. Mathematicos VII 129 сл. Heinze, Die Lehre vom Logos 46; Patin, Die Einheitslehre des Heraklit 20.

⁴⁾ Frg. 30.

⁵⁾ Zu Heraklits Lehre, 1006.

что для насъ важно, ясно, несмотря на всѣ эти затрудненія. Мнѣ нѣтъ нужды останавливаться на томъ, что означаетъ слово космосъ, мнѣ достаточно того, что этотъ космосъ есть ὁ αὐτός—одинъ и тотъ же: само собой понятно что это должно противопоставляться какому то міру, который не есть одинъ и тотъ же. Значить, опять таки мы имѣемъ два космоса—одинъ, который является однимъ и тѣмъ же, и другой, который является не однимъ и тѣмъ же. И первый есть нѣкъмъ не созданный. То же самое мы можемъ примѣнить—и Гераклитъ это дѣлаетъ—къ иной области.

Я создалъ себѣ особую систему правилъ, которая опредѣляетъ линію моего поведенія, создалъ ее такъ, какъ мнѣ было это угодно. Эта система правилъ образуетъ собой нѣкоторый νόμος, который будетъ однако таковымъ для меня одного, и только для меня одного онъ и будетъ имѣть обязательную силу и значеніе; другихъ онъ будетъ касаться такъ же мало, какъ и тотъ фантастическій міръ, который я создалъ для себя въ своихъ сновидѣніяхъ. И этотъ иллюзорный міръ можетъ удовлетворять всѣмъ запросамъ, но только моимъ личнымъ запросамъ. Точно также систему нѣкоторыхъ правилъ создаетъ для себя и городъ. И это есть нѣкоторый частный νόμος—ἴδιος постольку, поскольку онъ не связываетъ никакого другого города; но въ то же время онъ есть нѣкоторое ξυγόν для каждого изъ гражданъ данной городской общины. Поэтому городъ основывается на своемъ законѣ, на своемъ ξυγόν, которое онъ самъ для себя создалъ—для гражданина оно есть нѣчто данное, не имъ созданное. Частный законъ данного лица опредѣляетъ собой дѣйствія данного лица, связываетъ его, стоитъ надъ нимъ—и такую-же роль по отношенію къ каждому отдѣльному гражданину играетъ законъ его города.

Но есть и нѣкоторый общій νόμος. Его не создалъ ни отдѣльный человѣкъ для себя, ни городъ для своихъ гражданъ, и этотъ законъ не имѣетъ ограниченнаго индивидуумомъ или обществомъ значенія. Онъ ни въ какомъ отношеніи не есть ἴδιον, во всѣхъ ξυγόν. Ибо онъ управляетъ всѣмъ, удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ, стоитъ надъ всѣмъ—посему и слѣдуетъ основываться на немъ, какъ гражданинъ основывается на своемъ городскомъ законѣ, и даже много

больше: *ἔδν νόφ λέγοντας ἰσχυρίζεσθαι δεῖ τῷ ξυνοῖ πάντων, ὡς περ νόμοι πόλις καὶ πολὺ ἰσχυροτέρως. τρέφονται γάρ πάντες οἱ ἀνθρώπειοι νόμοι ὑπὸ ἑνὸς τοῦ θεοῦ· κρατεῖ γάρ τοσοῦτον ὀκῶσον ἐθέλει καὶ ἐξαρκαῖ πᾶσι καὶ παριγίνεται ¹⁾*.

Есть одинъ міръ, общій для всѣхъ, есть одинъ для всѣхъ общій законъ. Аналогія полная. Космосъ вѣдь какъ бы то ни было означаетъ не міръ, а нѣкоторый міровой порядокъ. И такъ какъ міръ есть одинъ и тотъ же для всѣхъ, то, само собою понятно, однимъ и тѣмъ же для всѣхъ является и законъ, который управляетъ этимъ міромъ, который составляетъ его міровой порядокъ, его космосъ. Человѣкъ наяву видитъ «одинъ и тотъ же» міръ, воспринимаетъ его какъ «одинъ и тотъ же» — достаточно стать лицомъ къ лицу къ этому міру, видѣть его наяву, не вмѣшивать въ дѣло воспріятія этого міра своего творчества — творчества фантазіи, сновидѣнія, иллюзіи, конструкціи — и мы будемъ воспринимать міръ такимъ, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ существуетъ. И то же самое вѣрно относительно закона. Законъ одинъ и тотъ же для всѣхъ: это не значить, что кто то или что то обращается ко всѣмъ съ однимъ и тѣмъ же велѣніемъ, а значить, что каждый — при тѣхъ же условіяхъ, которыя указаны для міра — понимаетъ, воспринимаетъ законъ однимъ и тѣмъ же образомъ. Подобно тому, какъ рядомъ съ *ἰδίος κόσμος* существуетъ *κοινὸς κόσμος*, рядомъ съ *ἰδίᾳ φρόνησις* есть и *κοινή φρόνησις*. Во снѣ человѣкъ имѣетъ *ἰδίαν φρόνησιν*; и наяву люди часто дѣйствуютъ такъ, ὡς περ *ἰδίαν ἔχοντες φρόνησιν* ²⁾; при помощи этой *ἰδίᾳ φρόνησις* человѣкъ не можетъ воспринимать и понимать «общаго», ибо ложно оно, это «собственное разумѣніе». Воспріятіе и разумѣніе, то, какъ изображаются вещи въ человѣческомъ сознаниі, и то, какъ они понимаются, есть одно и то же для всѣхъ, если только нѣтъ ничего, что помѣшало бы этому изображенію, что стало бы на его дорогѣ, *ξυνοὺν ἐστὶ πᾶσι τὸ φρονεῖν* ³⁾. Это означаетъ, конечно, разумѣніе вещей, а не самое мышленіе. Самое мышленіе не могло бы быть «наивысшей добродѣтелью» ⁴⁾. И въ другомъ отрывкѣ ⁵⁾

¹⁾ Frg. 134.

²⁾ Frg. 2.

³⁾ Frg. 113.

⁴⁾ Frg. 112.

⁵⁾ Frg. 117.

φρονεῖν не значить «мыслить», а «понимають». Люди даже и тогда, когда они лицомъ къ лицу столкнутся съ чѣмъ нибудь, не понимаютъ этого, и, когда имъ и скажешь объ этомъ, они всетаки не понимаютъ.

Вотъ именно это то и раздражаетъ Гераклита, вызывая его гнѣвные замѣчанія. Человѣкъ вовсе не глупъ—наоборотъ самъ по себѣ онъ мудръ. Т. е., точно говоря, нѣтъ для него никакой нужды быть мудрымъ.

Я не желаю подвергать подробному анализу извѣстное мѣсто Секста Эмпирика¹), трактующее о теоріи познанія Гераклита. Пока можно обойти его, пока мы можемъ ограничиваться текстами древняго философа, осторожность требуетъ не прикасаться къ очень важному и интересному свидѣтельству Секста Эмпирика, въ которомъ столкнулось слишкомъ много различной, различнаго происхожденія мудрости. Но въ общемъ, въ основномъ, то, что сообщается въ немъ, вѣрно, хотя бы потому, что, съ необходимыми ограниченіями, Секстъ передаетъ только то, что по существу своему представляетъ собой общее достояніе древней физики и натурфилософіи. И у Гераклита, съ необходимыми, конечно, ограниченіями, въ основѣ не можетъ не лежать то же представленіе. Во всей древней физикѣ объясненіе процесса познанія таково, что по существу вовсе не объясняютъ, какъ образуется наше познаніе, а только то, какъ можетъ не образоваться оно. Мудрость разлита повсюду вокругъ насъ, намъ надлежитъ только впитывать ее въ себя, вдыхать, какъ это понимаетъ Секстъ Эмпирикъ; наши органы чувствъ не перерабатываютъ даннаго природой, они вовсе не органы, а только пути—*πόροι*, черезъ которые входитъ въ насъ «объемлющая» насъ природа, и вмѣстѣ съ ней и познаніе. На то они и существуютъ—и потому познаніе есть прямой результатъ нашей организаціи. Незнаніе есть нѣчто противорѣчащее ей, есть нѣкоторое ненормальное состояніе—и, какъ таковое, оно требуетъ объясненія, а вовсе не нормальный, самъ собой протекающій процессъ познанія. Для того, чтобы этотъ процессъ нарушился, нужна причина; тѣ пути, *πόροι*, которые соединяють насъ съ «объемлющимъ», должны быть закрыты, чтобы

¹ Adv. Math. VII 129 слл.

преградить доступъ ему. Наши души, къ которымъ притекаетъ «объемлющее», должны быть помутнены для того, чтобы притекающее объемлющее не дало правильного изображенія. Сонъ и иллюзія либо преграждаютъ доступъ природѣ, либо затемняютъ ея изображеніе. Для того, чтобы быть мудрымъ, для того, чтобы воспринимать и понимать—по существу это одно и то же—окружающую насъ природу, нужно быть только нормальнымъ, и то именно и вызываетъ негодованіе Гераклита, что, несмотря на все это, люди все таки ухитряются ничего не знать, ничего не понимать. Они не понимаютъ того, что стоитъ передъ ними прямо, лицомъ къ лицу. Всего чаще приходится имъ сталкиваться съ логосомъ—я позволю себѣ употребить здѣсь это греческое слово, толкованіе котораго для моей специальной цѣли не имѣетъ значенія—и всетаки они всегда находятся въ раздорѣ съ нимъ; тѣ вещи, съ которыми имъ приходится ежедневно встрѣчаться, остаются имъ чуждыми ¹⁾; ни слушать, ни говорить онѣ не умѣютъ ²⁾. Конечно, вещи говорятъ своимъ громкимъ и яснымъ языкомъ, но люди глухи. Конечно, люди стоятъ предъ міромъ, но присутствуя, они отсутствуютъ ³⁾. А между тѣмъ достаточно было бы только присутствовать и слышать, чтобы понимать и знать. Незнаніе есть ненормальное состояніе, и какъ досадно, что для людей именно оно становится нормальнымъ. Даже мудрѣйшіе обманываются относительно совершенно явныхъ вещей ⁴⁾.

Почему происходитъ это?

Люди ничего не знаютъ, но они воображаютъ, что имѣютъ нѣкоторое знаніе ⁵⁾. Это самомнѣніе и есть *ἰδία φρόνησις*. То, что создаетъ человѣкъ путемъ этого «собственного разумѣнія», ничего не стоитъ. Дѣтскія игры суть человѣческія *δοξάζματα* ⁶⁾. Люди говорятъ и дѣйствуютъ какъ бы во снѣ—во снѣ и кажется имъ, что они дѣйствительно дѣйствуютъ и говорятъ ⁷⁾. Это есть заблужденіе, но и заблужденіе не лишено нѣкотораго основанія, и оно имѣетъ

¹⁾ Frg. 72.

²⁾ Frg. 19.

³⁾ Frg. 34.

⁴⁾ Frg. 56.

⁵⁾ Frg. 17.

⁶⁾ Frg. 70.

⁷⁾ Frg. 73.

нѣкоторую причину. И во снѣ мы не мертвы, и въ немъ мы стоимъ въ нѣкоторомъ отношеніи къ міру дѣйствительности, и въ немъ мы нѣкоторымъ образомъ дѣйствуемъ и подвергаемся дѣйствию, какъ нѣкоторые ἐργάται καὶ συνεργοὶ τῶν ἐν κόσμῳ γινομένων¹⁾, но міръ этотъ есть нашъ міръ, и наша дѣятельность и наши рѣчи суть только наши дѣйствія и рѣчи, и прямого отношенія между ними и общимъ для всѣхъ міромъ, который существуетъ для бодрствующихъ, быть не можетъ. Какъ наше дѣло во снѣ есть «собственное» дѣло, такъ и наша мысль есть «собственное разумѣніе», которое можетъ дать не знаніе, а только δόξα. Но люди и на яву дѣйствуютъ и говорятъ, какъ во снѣ—и такова же цѣна ихъ мнѣніямъ. Мы не должны ни говорить, ни дѣйствовать сообразно этому «собственному міру», а, само собой понятно, соотвѣтственно «общему», въ непосредственномъ соприкосновеніи съ реальнымъ міромъ, безъ всякаго отношенія къ тому міру, который мы для своего собственного употребленія строимъ себѣ во снѣ или заблужденіи. Мнѣ сдается, что мы можемъ указать на отрывокъ Гераклита, который демонстрируетъ ad oculos эту ненормальность невѣдѣнія: τὴν τε οἴησιν ἱερὰν νόσον ἔλεγεν καὶ τὴν ὄρασιν ψεύδεσθαι²⁾. Дильсъ замѣчаетъ къ мѣсту: слово οἴησις, несмотря на Еврипида (стр. 643)³⁾, едва ли старо въ этомъ значеніи—значеніи Selbstdünkel. Но οἴησις значить по Гезихію δόκησις. Это есть свободно образованное слово. Отъ слова φρονεῖν образуется φρόνησις, почему бы отъ οἴεσθαι не образовать οἴησις. У Платона⁴⁾ слово οἴησις имѣетъ то именно значеніе, котораго мы ожидаемъ у Гераклита. Знаменія, посылаемые птицами, дають τῇ ἀνθρωπίνῃ οἴησει νόον τε καὶ ἱστορίαν⁵⁾. Но я считаю такое

¹⁾ Frg. 75.

²⁾ Frg. 46. Отрывокъ 28 безнадежно испорченъ. Онъ направленъ противъ «человѣческой мудрости»—такъ утверждаетъ Климентъ V. I. 649. Что эта челоуѣческая мудрость есть только нѣкоторая δόξα, тоже ясно. Но едва ли можетъ быть выяснено что нибудь больше этого. Понималъ ли Климентъ то, что онъ цитировалъ? То, что онъ говоритъ о κόσμος грѣха огнемъ, не говоритъ въ пользу того, что онъ понималъ въ данномъ случаѣ Гераклита.

³⁾ Дѣйствительно ли мы понимаемъ, что значить слово οἴησις у Еврипида? Такъ, какъ стихъ намъ передать, онъ несомнѣнно испорченъ.

⁴⁾ Phaedr. 241 с.

⁵⁾ Этимологическая игра словами οἴησις—ὁμιλητικῇ придаетъ данному мѣсту нѣкоторый гераклитизующій оттѣнокъ.

пониманіе данного слова не только возможнымъ, но и необходимымъ, ибо оно и есть единственно возможное. Ибо что можетъ быть общаго между «самомнѣніемъ» и обманывающимъ насъ зрѣніемъ. Если мы будемъ понимать наше слово такъ, какъ этого требуетъ Дильсъ, то было бы только послѣдовательно устранить, вмѣстѣ съ Байвотеромъ¹⁾, вторую часть занимающаго насъ изрѣченія. Само собою понятно, что, помимо чисто методологическихъ соображеній, мы могли бы съ тѣмъ же правомъ устранить и первую. Но обѣ половины восходятъ къ одному и тому же источнику, не вызывающему никакихъ сомнѣній.

Итакъ мы объясняемъ: мнѣніе есть эпилепсія, видѣніе есть обманъ. Эпилепсія есть нѣкоторая *μνῖς*, которая выводитъ человека за предѣлы реального міра, лишаетъ его непосредственнаго съ нимъ общенія, мѣшаетъ ему получать объ немъ свѣдѣнія. Мнѣніе, предположеніе есть смерть знанія. А вѣдь то и есть характерная черта «собственного разумѣнія», что оно отрѣшается отъ внѣшняго міра, ища всего въ себѣ и творя изъ себя.

Итакъ, невѣдѣніе происходитъ вслѣдствіе того затемненія, которое человѣческая душа вноситъ въ природу. Человѣческія заблужденія суть ошибки мышленія и пониманія человека²⁾.

Къ тому же ведетъ насъ и много разъ обсуждавшійся отрывокъ: *καὶ οἱ μάρτορες ἀνθρώποισι ὀφθαλμοὶ καὶ ὅτι βαρβάρους ψυχὰς ἔχοντων*³⁾, какъ бы ни толковать его. Уши и глаза суть правда дурные свидѣтели, но только въ томъ случаѣ, когда ихъ свидѣтельство находится подъ вліяніемъ души—какъ она на нихъ вліяетъ или можетъ вліять, этого мы теперь рѣшать не будемъ. Наши чувства и органы нашего чувственнаго воспріятія сохраняютъ и передаютъ міръ неизмѣннымъ, только душа наша можетъ затемнять тотъ чистый образъ, который отпечатлѣвается въ зеркалѣ нашей чувственности⁴⁾. Знанія передаются намъ нашими чувствами: если, по отношенію къ Гераклиту, мы не можемъ указать для подтвержденія этой мысли на прямое

¹⁾ а. 1.

²⁾ Patin, Die Einheitslehre des Heraklits. 21.

³⁾ Отр. 107.

⁴⁾ Отр. 55 не имѣетъ никакого значенія для теоріи познанія Гераклита. Мы могли бы воспользоваться имъ только въ томъ случаѣ, если бы знали, съ чѣмъ сравниваетъ онъ свое *ὄψις* и т. д. Гипполитъ и самъ не понималъ мѣста.

свидѣтельство, то, по отношенію къ школѣ Гераклита, намъ подтверждаетъ это Платонъ ¹⁾.

Поэтому, для познанія вполне достаточно дать міру оказать на насъ свое воздѣйствіе; когда это воздѣйствіе оказано, то остается только анализировать его результатъ, и опять таки безъ всякаго вмѣшательства какого бы то ни было «мнѣнія», которое всегда будетъ заблужденіемъ. Мыслитель долженъ только разложить свои воспріятія «сообразно природѣ», онъ долженъ только показать ихъ, каковы они есть ²⁾. Вся человѣческая мудрость заключается въ томъ, чтобы и въ дѣлѣ и въ словѣ слѣдовать природѣ, не сводя съ нея внимательнаго взгляда ³⁾—не даромъ видѣли въ Гераклитѣ своего учителя стоики.

Конечно, природа любитъ насъ дразнить. Природа любитъ скрываться отъ насъ, какъ прячетъ отъ насъ лицо свое и божество ⁴⁾; потому и являются намъ нерѣдко и божество и природа въ недо-ступномъ познанію видѣ.

Кромѣ только что указаннаго отрывка φύσις δὲ καὶ 'Ηράκλειτον κρόπτεσθαι φιλεῖ (καὶ πρὸ τῆς φύσεως ὁ τῆς φύσεως δημιουργός) въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ толковать и другой отрывокъ τῶν μὲν θεῶν τὰ πολλὰ καὶ 'Ηράκλειτον ἀπιστῆ διαφύγγαναι μὴ γινώσκεισθαι ⁵⁾. Гомперцъ ⁶⁾ предлагаетъ соединить оба отрывка. Я не намѣренъ слѣдить за ходомъ его доказательства; при всѣхъ подобнаго рода попыткахъ критики объединять или разъединять совмѣстно (или раздѣльно) засвидѣтельствованное высшій и недопускающій критерій—удалось такое объединеніе? Въ данномъ случаѣ этотъ критерій говоритъ противъ Гомперца. Если бы оба отрывка были намъ засвидѣтельствованы совмѣстно, сколько превосходныхъ работъ было бы написано для того, чтобы исправить то, что дано нашими свидѣтелями, или во всякомъ случаѣ подставить подъ слова эфесскаго мыслителя Богъ его знаетъ какую глубокую скрытую мудрость. Такъ, какъ понимаетъ мѣсто Гомперцъ, мы получаемъ мысль: природа любитъ

¹⁾ Theaet. 179 c.

²⁾ διαφύγων ἕκαστον κατὰ φύσιν καὶ φύσιν ὅπως ἔχει отр. 1.

³⁾ ἀλλ' ὅτε λέγειν καὶ ποιεῖν ἐπαίοντας отр. 112.

⁴⁾ Отр. 123.

⁵⁾ Ст. 86.

⁶⁾ Zu Heraklits Lehre 1000.

скрываться при помощи (благой) невѣроятности, ибо благодаря невѣроятности она уходитъ отъ познанія. Но вѣдь это по существу есть не что иное, какъ простое повтореніе. И повтореніе это обязано своимъ происхожденіемъ только Гомперцу.

Гомперцъ привлекъ кромѣ основныхъ свидѣтельствъ Темпстія¹⁾ и Плутарха²⁾ и показаніе Климента Александрійскаго³⁾, который имѣлъ основаніе говорить о благой ἀπιστία (я надѣюсь въ другомъ мѣстѣ имѣть случай показать, въ чемъ заключаются эти его основанія), но Климентъ имѣетъ въ виду вовсе не цитату изъ Гераклита. Строй его мыслей опредѣляется понятіемъ о «глубинахъ гносиса», къ которымъ и относится то, что онъ говоритъ о божествѣ и его стремленіи скрыться отъ познающаго. Для Гераклита важно только то, что природа прибѣгаетъ къ ἀπιστία, какъ къ ней прибѣгаетъ и божество; они хотятъ скрыться при помощи ея. По смыслу оба фрагмента связаны, изъ чего вовсе не слѣдуетъ, что мы должны желать связать ихъ текстуально.

У Плутарха ἀπιστία означаетъ невѣроятность. Природа желаетъ скрыться при помощи невѣроятности. Вѣрующіе вѣрятъ въ бога и то, что о немъ рассказывается, именно потому, что оно удивительно⁴⁾. Невѣрующіе не вѣрятъ въ него вслѣдствіе той же удивительности, и именно потому и не познаютъ его, что и лежитъ въ цѣляхъ скрывающейся природы и божества. Невѣріе вредитъ познанію. Что таково было дѣйствительно мнѣніе Гераклита, видно изъ тѣхъ словъ, съ которыхъ начинается Климентъ свою цитату отрывка 19,—ἀπίστους εἶναι τινὰς ἐπιστόφους. Въ самомъ отрывкѣ нѣтъ ничего, что говорило бы о вѣрующихъ или невѣрующихъ. Климентъ, конечно, нерѣдко ошибается, но онъ не выдумываетъ: если онъ говоритъ здѣсь о невѣрующихъ, то, очевидно, ему давалъ на это право знакомый ему контекстъ.

Итакъ, теорія познанія Гераклита, какъ и большинства греческихъ мыслителей, заключается въ томъ, чтобы показать, какъ происходитъ то, что человѣкъ не знаетъ. Именно для этого незнанія

¹⁾ Orat. 5, 66 cfr. XII 159.

²⁾ Coriol. 38.

³⁾ Strom. V. 13, 699.

⁴⁾ Plut. 1. 1.

нужна причина, и причина его лежитъ въ «собственномъ разумѣннѣи», въ заблужденіи, въ *δοξαῖν*. Это *δοξαῖν* заключается либо въ томъ, что человѣкъ вѣритъ слишкомъ много, либо въ томъ, что онъ вѣритъ слишкомъ мало. Слишкомъ много мы вѣримъ тогда, когда мы слишкомъ охотно внимаемъ нашимъ или чужимъ фантастическимъ представленіямъ, являющимся нашими или чужими созданіями. Сновидѣнія или галлюцинаціи больного, измышленія народной вѣры, мнѣнія философовъ — вотъ причины заблужденій.

Гераклитъ является съ новой философіей. Какъ часто разсypаетъ онъ свои злыя замѣчанія направо и налево; можно ли допустить, что каждый разъ, когда изъ его устъ исходитъ такое замѣчаніе, онъ имѣетъ въ виду Ивана или Петра, того либо другого изъ своихъ добрыхъ сосѣдей, которые, конечно, очень мало заботятся о философскихъ вопросахъ, и оставляетъ безъ своего неблагосклоннаго вниманія товарищей по ремеслу — другихъ философовъ. Мы знаемъ вѣдь, что не особенно лестно отзывается онъ о Пивагорѣ и Ксенофанѣ: «многознаніе не учитъ имѣть разумъ — иначе оно научило бы Пивагора, Ксенофана и Гекатея» ¹⁾. Можемъ ли мы тогда допустить, что подъ тѣми *ἀξέβητοι*, которыхъ онъ упрекаетъ въ томъ, что они ничего не понимаютъ, онъ не понимаетъ и философовъ, которые до него и одновременно съ нимъ пытались объяснить мірозданіе. Во всякомъ случаѣ такими «непонимающими» будутъ ученики философовъ, которые слишкомъ вѣрятъ своимъ учителямъ.

Но вредно и слишкомъ мало вѣрить — и самому Гераклиту не вѣрятъ люди. А между тѣмъ, они должны были бы вѣрить не ему, а только его логосу. А логось его вѣдь «по природѣ» и онъ только расчленяетъ и показываетъ, «какъ оно есть» — *ἐὺν διηγεῖται διαίρεσιν* *ἐκαστον κατὰ φύσιν καὶ φράζων ὅπως ἔχει* ²⁾; какимъ міръ проникаетъ въ насъ, такимъ мы и должны воспринимать его. Если мы не дѣлаемъ этого, то это есть новое заблужденіе, заблужденіе невѣрія, которое есть только отрицательная сторона прирожденной намъ, въ насъ вкоренившейся вѣры, само собой понятно, ложной.

¹⁾ Отр. 40.

²⁾ Отр. 1.

Человѣкъ по существу есть или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ бы быть просто ситомъ, которое пропускаетъ сквозь себя природу неизмѣнной и незатемненной. Это хочеть сказать Секстъ Эмпирикъ, когда онъ утверждаетъ, что заключенная въ нашемъ тѣлѣ, какъ въ тюрьмѣ, часть объемлющаго въ тотъ моментъ, когда прерывается ея общеніе съ этимъ объемлющимъ, дѣлается *σχεδὸν ἄλογος* ¹⁾. Еще энергичнѣе и опредѣленнѣе говоритъ онъ это въ другомъ мѣстѣ ²⁾: *Ῥητὼς ὁ Ἡράκλειτος φησι τὸ μὴ εἶναι λογικὸν τὸν ἄνθρωπον, μόνον δ' ὑπάρχειν φρενῆρες τὸ περιέχον*. И еще опредѣленнѣе говоритъ тоже Апполоній Тіанскій ³⁾ *Ἡράκλειτος ὁ φυσικὸς ἄλογον εἶναι κατὰ φύσιν ἔφηκε τὸν ἄνθρωπον*. Это, само собой понятно, вовсе не значить, что человѣкъ по природѣ своей глупъ—онъ имѣетъ въ себѣ только тотъ разумъ, который есть въ окружающей его природѣ, въ немъ нѣтъ супранатуральнаго, надъ природой возвышающагося разума. Отдѣленный отъ объемлющаго, какъ это случается во снѣ, человѣкъ можетъ имѣть только «собственное разумѣніе». Дѣйствительное «разумѣніе» можетъ быть только общимъ, съ природой единымъ. Внѣ общенія съ природой, человѣкъ имѣетъ только *δόξας*, только въ общеніи съ ней онъ можетъ имѣть и истинныя мысли (*γνώμας*) ⁴⁾, а не простыя необязательныя мнѣнія. Самъ по себѣ человѣкъ не имѣетъ ихъ—только вселенная, только божество имѣетъ ихъ: *ἦθος γὰρ ἀνθρώπειον οὐκ ἔχει γνώμας, θεὸν δὲ ἔχει* ⁵⁾. И единственный путь для человѣка стать знающимъ (*γινώσκων*), стать мудрымъ заключается въ томъ, чтобы воспринять и правильно понять міровую γνώμη: *εἶναι γὰρ ἐν τῷ σοφόν, ἐπίστασθαι γνώμην, ὅτι ἐκυβέρνησε πάντα διὰ πάντων* ⁶⁾.

Въ чемъ заключается эта міровая мудрость, это относится уже къ самому содержанію философіи Гераклита—вопросъ объ его теоріи познанія, поскольку я его здѣсь ставлю, считаю исчерпаннымъ.

Каково значеніе этого взгляда Гераклита на природу познанія, это могло бы выясниться только изъ внимательнаго анализа самой

¹⁾ Adv. Mathem. VII 130

²⁾ Ibid. VIII 286.

³⁾ Ep. 18.

⁴⁾ Clr. Plat. De. rep. 476 D.

⁵⁾ Отр. 78.

⁶⁾ Отр. 41.

философіи его. Но есть одна черта его способа мыслить и говорить, которая ясна безъ дальнѣйшихъ углубленій въ содержаніе его мыслей. Я имѣю въ виду самый этосъ его сочиненія. Мы привыкли видѣть въ немъ нѣчто вродѣ пророка—это вѣрно, но пророкъ обыкновенно очень недалеко отъ ребенка. Какъ торжественно звучать его слова «*ἡγούμενον πάντων κατὰ τὸν λόγον τόνδε*» — все совершается сообразно съ моей рѣчью. Торжественно—но и крайне нескромно. На самомъ дѣлѣ ни особой торжественности, ни нескромности въ этомъ нѣтъ. Гераклитъ не вѣщаетъ новаго слова, онъ не вѣщаетъ и вообще никакого слова—онъ только сообщаетъ то, что есть; мудрости въ немъ нѣтъ—она есть только въ природѣ; онъ только воспринялъ ее, свободный отъ всякаго «собственного разума» и передалъ, «расчленивъ каждое и показывая, какъ оно есть». И ему кажется, что онъ дѣйствительно служить только органомъ божественной мудрости, и онъ удивляется, какъ могутъ люди не понимать того, что такъ безконечно просто, что доступно само по себѣ. Природа человѣческаго разума для него, какъ и для всѣхъ іонійцевъ, тайна еще болѣе глубокая, чѣмъ «объемлющая» человѣка природа, тѣмъ болѣе глубокая, что онъ и не подозреваетъ ея существованія—и въ этомъ невѣдѣніи ребенка, пророкъ-ребенокъ, дѣйствительно полагаетъ, что онъ *ἔπειτα τῷ ξουφ.*

Мих. Мандесъ.

Къ вопросу о современныхъ направленіяхъ въ изученіи древней исторіи ¹⁾).

Нигдѣ, быть можетъ, такъ ярко не сказались, такъ рельефно не опредѣлились современныя направленія исторической науки, какъ въ области изученія и разработки древней исторіи. И дѣйствительно исторія древности своей законченностью, своей извѣстной цѣлостностью представляетъ особыя удобства и для историка-аналитика и для историка-синтетика. Если исторія новыхъ народовъ Европы (исторія средневѣковая, новая и новѣйшая) продолжается до сихъ поръ, связана съ нами кровными узами, то исторія античности представляетъ циклъ законченный. Какъ бы высоко ни признавалась культурная преемственность, все-же это—не живая органическая связь чередующихся поколѣній. Античность вся въ прошломъ, и на ея изученіи легче всего можетъ осуществиться идеаль научного-объективнаго изслѣдованія. Древняя исторія привлекала и привлекаетъ цѣлые кадры ученыхъ работниковъ, представителей различныхъ теорій и различныхъ направленій исторической мысли. Достаточно пересмотрѣть, хотя-бы, изобилующую любопытными данными книжку Неймана ²⁾, чтобы наглядно увидѣть, какіе пути прошла наука древней исторіи и какихъ результатовъ достигла. Путь былъ совершенъ отъ диллетантскихъ, элементарно-прагматическихъ и морализирующихъ разсужденій черезъ горнило критики къ строго-научнымъ построеніямъ. Врядъ-ли здѣсь надо много говорить о великой роли Нибура и его школы, положившихъ начало научному движенію въ области древней исторіи и своей критикой уничтожившихъ старое. Признаніе несовершенства старыхъ построеній, базировавшихся на непрочномъ и шаткомъ фундаментѣ, влекло за собой неизбежное

¹⁾ Докладъ, читанный на XV археологическомъ съѣздѣ въ Новгородѣ.

²⁾ Neumann—Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte. Strassburg 1910.

измѣненіе методологическихъ приѣмовъ и способовъ работы. Прочно и опредѣленно устанавливаются основы аналитическаго изслѣдованія, пристальной и детальной работы надъ источникомъ. Здѣсь одинаково соревнуютъ историки и филологи, образцово поставившіе дѣло изслѣдованія первоисточниковъ (Quellenforschung). Кромѣ источниковъ литературныхъ подверглись разбору и интерпретаціи данныя документальныя; для эпохъ древнѣйшихъ и отдаленныхъ громадное значеніе представили памятники вещественные, добываемые изъ нѣдръ земныхъ и археологически изучаемые. Но на ряду съ работой критической и аналитической должна была быть и работа синтетическая, обобщающая. На возводимомъ новомъ фундаментѣ должно было строиться новое научное зданіе. Здѣсь, конечно, опредѣлились различные планы, способы и приѣмы построения—отъ осторожныхъ и лишь частичныхъ конструцій до концепцій обобщающаго характера. На эту работу сильное вліяніе оказали господствующія въ исторической наукѣ направленія; всѣ болѣе или менѣе крупныя философско-историческія и соціологическія построенія такъ или иначе отразились въ области изученія древней исторіи. Съ этими направленіями научной мысли, отражающими настроенія и интересы даннаго времени, безусловно приходится считаться; но въ то-же время нельзя не отмѣчать тѣхъ крайностей въ ученыхъ направленіяхъ, которыя вредятъ самой работѣ, грозятъ самой научности. И вотъ въ изученіи древней исторіи за послѣдніе годы приходится отмѣчать такого рода крайнія направленія, лишь въ самое недавнее время начавшія вызывать опредѣленный отпоръ и здоровую реакцію.

Эти крайнія направленія въ области изученія древней исторіи можно формулировать, какъ *гиперкритицизмъ, увлеченіе абстрактно-соціологическими схемами и модернизация античности*.

Если пристальная и детальная критика источниковъ является обязательнымъ условіемъ всякой научной работы, то крайности критицизма, доходящія до скепсиса и своего рода нигилизма, могутъ приводить къ результатамъ совершенно обратнымъ. Здѣсь всегда слѣдуетъ помнить ученый завѣтъ Нибура: «Но отдѣленіе баснословнаго элемента, разрушеніе обмана—можетъ удовлетворять критика, историкъ стремится къ положительному». Деятнадцатый вѣкъ далъ блестящіе образцы исторической критики, безпощадно уничтожившей

многое недостоверное старое и открывшей новые перспективы. Достаточно только вспомнить о заслугах библейской и новозаветной критики и критики римской традиции. Древняя история, благодаря этой критической работе, стала на реальную почву. Но исторической критики не удалось избежать крайностей; гиперкритика и скептицизм сказались на изучении и греческой и римской истории. Приведем, как наиболее яркие примеры гиперкритики в области греческой истории, отрицание Белохом дорического вторжения в Пелопоннес, полное отрицание Ликургова законодательства в Спарте (несмотря на ретру), отрицание Солоновой конституции в Афинах (Низе), нерядко произвольную критику традиции греко-персидских войн (цифровые сокращения борющихся армий Дельбрюка и т. п.), скептицизм по отношению к Афинской политике Аристотеля, нападки на Фукидита (Миллер-Штрюбинг) и т. д. В области римской истории отрицательной критикой подверглись царский период, децемвират, Лициниевое законодательство (Низе, Машке), излишне ретроспектирована была в прошлое социальная борьба I века до Р. Х. (Пельман и др.) и мн. др.; крайних предельов скептицизм и гиперкритика в римской историографии достигли в трудах Этторе Паиса, отрицавшего достоверность событий римской истории до IV века до Р. Х., и французского юриста Ламбера. Этот крайний критицизм, этот скепсис ученых, аргументировавших в специальных студиях свои доводы и сомнения, не замедлил перейти и в общия построения, популярные концепции, где особенно ярко сказались односторонность и часто даже известная тенденциозность такого рода направления.

Если гиперкритика часто произвольно умерщвляет источники и тем наносит ущерб работе аналитической, то излишнее увлечение социологическими схемами немало мшаает работе конструктивного характера. В связи с крушением больших философско-исторических систем стало модным отрицание всемирно-исторической точки зрения и на смену ей появилось представление о социологических типах, конструируемых, главным образом, на основании сравнительно-исторических данных. Безусловно типологическое изучение исторических явлений представляет крупное значение; привлечение сравнительно-исторического материала во многом

открываетъ новые горизонты и помогаетъ объяснить ранѣе непонятное. Такъ феодализмъ можетъ разсматриваться теперь не какъ какая-либо отличительная особенность западно-европейскаго средневѣковья, но и какъ соціологическое явленіе, съ которымъ приходится считаться и въ Египтѣ средняго царства и въ Гомеровской Греціи и въ Индіи моголовъ и въ удѣльной Руси и въ до-реформенной Японіи и въ современной Абиссиніи. Точно также можно соціологически намѣтить стадіи хозяйственнаго развитія на основаніи сравнительнаго матеріала древняго и новаго міра ¹⁾. Но соціологическое и сравнительно-историческое изученіе требуетъ серьезныхъ оговорокъ. Надо изучать не только черты сходства, но и черты отличія, особенности національныя и мѣстныя, заимствованія и варьяціи, нельзя терять изъ вида хронологическихъ перспективъ. Соціологическій типъ есть все-же книжная схема, ученая абстракція: не надо забывать, однако, что подъ нимъ скрываются жизненныя отношенія, многообразныя въ своихъ проявленіяхъ и, верѣдко, не повторяющіяся. Отличительныя особенности эпохи и среды всегда должны быть учтены. Между тѣмъ и въ болѣе специальныхъ, а особенно въ общихъ историческихъ построеніяхъ новѣйшей формации жизненное и реальное такъ часто приносится въ жертву блѣдному и условному соціологическимъ схемамъ.

Отъ крайностей соціологическаго направленія недалеко и до *модернизации античности*, до произвольнаго отождествленія древности съ современностью. Опять и здѣсь безусловно право всякаго историка отмѣчать черты сходства между прошлымъ и настоящимъ и для лучшаго уясненія того или другаго явленія древности пользоваться аналогіями современности.

Прошло то время, когда древній міръ представлялся совершенно чуждымъ и далекимъ; въ представленіи прежнихъ историковъ напр. древняя Греція, какъ говоритъ Виламовицъ-Меллендорфъ, являлась страной «прекрасныхъ, возвышенно настроенныхъ мужей и юношей, которые поклонялись красотѣ и жили въ мірѣ грезъ о прекраснѣйшей жизни, между тѣмъ какъ надъ ними улыбалось вѣчно голубое небо» ²⁾. Теперь эта романтика оставлена. Но отсюда еще

¹⁾ Весьма характерна въ этомъ отношеніи извѣстная полемика Эд. Мейера и Бюхера по вопросу объ экономическомъ развитіи древности.

²⁾ В. Бузескуль. Историческіе этюды. С.-Петербургъ 1911 г., стр. 18.

не слѣдуетъ, что современность надо переносить въ древность, заставлять древнихъ грековъ и римлянъ говорить и думать по современному; какъ ни великъ соблазнъ, но нельзя-же современную политическую борьбу съ ея партійными программами, боевыми лозунгами и формулами ретроспектировать за много столѣтій въ античность и находить ея полную идентичность въ афинской республикѣ и въ древнемъ Римѣ. Между тѣмъ подобнаго рода модернизация античности встрѣчается въ трудахъ спеціальныхъ и общихъ, вышедшихъ за послѣдніе годы. Уже такой крупный ученый, какъ Пельманъ, отчасти уклонился отъ объективныхъ задачъ изслѣдователя и въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus» ¹⁾ не мало модернизируетъ экономическія отношенія и социальную борьбу древности, особенно въ послѣднихъ частяхъ второго тома, посвященныхъ социальному вопросу въ Римѣ. Изъ другихъ видныхъ ученыхъ, склонныхъ къ модернизации, нельзя не отмѣтить Белоха, хотя-бы въ его «Исторія Греція». Но что у крупныхъ ученыхъ, специалистовъ въ своей области, такъ или иначе аргументировано, то особенно рѣзко бросается въ глаза своей парадоксальностью въ научно-популярныхъ обобщающихъ построенияхъ.

Большую сенсацию въ ученомъ и литературномъ мірѣ вызвалъ трудъ извѣстнаго итальянскаго социолога и публициста Гуильемо Ферреро—*Grandezza e decadenza di Roma*. Трудъ этотъ, переведенный почти на всѣ европейскіе языки, вызвалъ и великія восхваленія и сильныя нападки ²⁾. Интересна сама по себѣ мысль Ферреро разсматривать величіе и упадокъ Рима съ современной точки зрѣнія. Автору нельзя отказать въ остроуміи его положеній и отдѣльныхъ соображеній, въ блескѣ и художественной яркости изложенія; весьма много также собрано въ этомъ трудѣ ученаго матеріала по социальной и экономической исторіи. Но предвзятость исходныхъ точекъ зрѣнія и модернистскія увлеченія даютъ себя знать; если одни аналогіи и параллели удачны и даже пріемлемы, то встрѣчаются натяжки и произвольныя комбиняціи. Такъ, напр., Италію I вѣка до

¹⁾ Русскій переводъ подъ ред. проф. Ростовцева въ серіи Брокгаузъ-Ефронъ «Общая исторія европейской культуры» С.-Петербургъ 1910 г.

²⁾ См. ср. любопытную книжку *Barbagallo—L'opera storica di Guglielmo Ferrero e i suoi critici*. Milano 1911.

Р. Х. Ферреро сближаетъ съ Англіей и Франціей конца XIX вѣка, съ сѣверной Италіей и Германіей послѣ 1848 г., съ Соединенными Штатами послѣ войны съ южанами, въ Лукуллѣ видитъ Наполеона (Лукуллѣ—любимый герой Ферреро), въ Суллѣ то Вашингтона, то Наполеона, Цезаря въ эпоху избирательной борьбы непочтительно приравниваетъ къ заправилѣ «Tammany Hall». Любопытно, однако, отмѣтить, что Ферреро, приступившій къ занятіямъ римской исторіей, какъ публицистъ, постепенно проникся историческимъ духомъ и въ своихъ послѣднихъ выступленіяхъ (къ этому намъ еще придется вернуться) существенно оговариваетъ свои прежнія крайности. Трудъ Ферреро оказалъ вліяніе на цѣлый рядъ работъ научно-популярнаго характера; такъ въ Россіи сильное вліяніе труда итальянскаго соціолога сказалось на «Очеркахъ римской имперіи» г. Виппера (Москва 1908) и на полу-беллетристическомъ произведеніи г. Амфи-театрова «Звѣрь изъ бездны» (С.-Петербургъ 1911 г.).

Въ самое послѣднее время, какъ мы уже говорили, замѣчается здоровая реакція противъ отмѣченныхъ крайностей. Такъ въ той области античной исторіи, гдѣ наиболѣе сказалась гиперкритика, въ области древне-римской исторіи замѣчается возвратъ къ болѣе осторожному и болѣе внимательному разсмотрѣнію традиціи. Гаетано де Санктисъ въ своей «Storia dei Romani» (1907) болѣе вѣрить римскимъ писателямъ, признаетъ достовѣрность списка эпонимныхъ магистратовъ, принимаетъ гипотезу Нибура о существованіи эпоса, считаетъ достовѣрнымъ договоръ Римасъ латинами V вѣка, который Пансъ считаетъ антиципаціей IV вѣка; отвергая аграрное законодательство Лицинія, Санктисъ находитъ возможнымъ приурочить къ этому времени появленіе плебейскихъ консуловъ, не подлежитъ для него сомнѣніямъ достовѣрность коллегіи децемвировъ и XII таблицъ. Интересно также отмѣтить недавнюю работу Санктиса, посвященную боевому вопросу о царскомъ періодѣ въ Римѣ¹⁾. Пересмотру осново-проблемъ римской исторіи посвящены также ка-

¹⁾ G. de Sanctis—La legende historique des premieres siecles de Rome (Journal des Savants 1910). Царскаго періода въ Римѣ касается также любопытная работа русскаго ученаго Е. Г. Кагарова—О царской власти въ древнемъ Римѣ («Филол. Записки» 1910 г. и отд. Воронежъ 1910 г.).

питательные труды Зольтау—*Die Anfänge der römischen Geschichtschreibung* (1909) и Биндера о плебсѣ (1909). Появленіе какъ этихъ, такъ и другихъ работъ свидѣлствуетъ, что гиперкритика и скептицизмъ не могли сдѣлать своего разрушительнаго дѣла и что многіе вопросы римской старины должны быть еще внимательно и серьезно разобраны. Слѣдуетъ отмѣтить также двѣ новѣйшія русскія работы по римской исторіи, авторы которыхъ весьма опредѣленно высказываются противъ гиперкритики -- это работа г. *Синайскаго* -- Очерки изъ исторіи землевладѣнія и права въ древнемъ Римѣ (Юрьевъ 1908) и книга г. *Фельсберга* о братьяхъ Гракхахъ ¹⁾. Противъ гиперкритическихъ увлеченій въ области греческой и римской исторіи авторитетно выступали русскіе ученые: В. И. Бузескулъ, Э. Р. фонъ-Штернъ, О. Ф. Зѣлинскій, С. А. Жебелевъ, М. И. Ростовцевъ и др.

Извѣстный кризисъ переживаетъ и соціологическое направленіе въ изученіи древней исторіи. Весьма чувствительный ударъ схемамъ и готовымъ обобщеніямъ нанесли грандіозныя археологическія открытія, особенно въ области культуръ мессопотамской и критско-егейской. Исторія древности продвинулась далеко вглубь и открылись горизонты совершенно неожиданные. Новый обильный и богатый матеріалъ не укладывается въ условныя и абстрактныя соціологическія схемы. Интересно отмѣтить, что нѣкоторые недавніе критики всемірно-исторической точки зрѣнія и сторонники соціологическаго направленія сдѣлались проводниками самаго односторонняго универсализма -- выведение всей культуры съ вавилонскаго востока (панвавилонизмъ). Ученое увлеченіе нѣмецкихъ историковъ-ориенталистовъ съ Деличемъ, Винклеромъ, Иереміасомъ и Нибуромъ ²⁾ во главѣ перешло въ самыхъ вульгарныхъ формахъ и въ литературу общую. Но эти неизбѣжныя крайности въ результатъ новыхъ открытій не лишаютъ послѣднихъ первостепеннаго значенія для исторіи древнѣйшей культуры человѣчества. Если, благодаря новымъ открытіямъ, приходится пересматривать уже выведенныя соціологическія построенія, то сильнымъ поправкамъ и часто измѣненіямъ должны быть подвергнуты многія, казалось,

¹⁾ Положительныя научныя задачи преслѣдуетъ и недавно вышедшій «Обзоръ римской исторіи» Харьковскаго профессора И. В. Нетушила (Харьковъ 1911 г.).

²⁾ См. трезвую оцѣнку этого направленія въ недавно вышедшей превосходной «Исторіи древняго Востока» проф. Б. А. Тураева (С.-Петербургъ 1911 г.).

прочно установившіяся формулировки соціальныхъ, экономическихъ и правовыхъ отношеній. Благодаря папирологии открывается греческое и греко-римское право съ восточными элементами, многое объясняющее и многое представляющее въ новомъ свѣтѣ. Римскій колонатъ, обычно представляемый, какъ непрестанное ухудшеніе крестьянина, теряющего волю, теперь при свѣтѣ новыхъ данныхъ выдѣляетъ свои меліоративныя черты; теперь для всесторонней оцѣнки колоната весьма важнымъ представляетъ изученіе эмфитевзиса съ его греческими и греко-египетскими antecedентами ¹⁾. Все это призываетъ къ величайшей осторожности въ общихъ построеніяхъ. Определенно консервативнаго направленія придерживается въ этомъ отношеніи такой замѣчательный изслѣдователь древности, какъ Эдуардъ Мейеръ ²⁾.

Модернизация античности въ ея крайнихъ проявленіяхъ также встрѣтила отпоръ со стороны ученыхъ. Пельманъ, когда-то отдавшій дань модернизму въ своей «Исторіи античнаго коммунизма и социализма», стоитъ на твердыхъ и строго-обоснованныхъ позиціяхъ въ своемъ «Обзорѣ греческой исторіи». Но, быть можетъ, всего интереснѣе отмѣтить, что Ферреро въ своей послѣдней рѣчи «Римъ въ современной культурѣ» ³⁾ возвращается ко многимъ старымъ положеніямъ традиціи. Въ началѣ рѣчи Ферреро сравниваетъ себя съ путникомъ, который послѣ долгихъ скитаній, пришелъ къ родному, старому мѣсту. Нѣтъ-ли здѣсь символа и нельзя-ли пожелать наукѣ древней исторіи скорѣе кончить годы скитаній и выйти на свой прямой путь, озаряемый никогда не угасающимъ свѣтомъ античности.

И. Бороздинъ.

¹⁾ Проф. Павелъ Виноградовъ—Средневѣковое помѣстье въ Англіи (глава о римскомъ вліяніи) С.-Петербургъ 1911 г.; M. Rostowzew—Studien zur Geschichte des römischen Kolonates (1910); Mitteis—Zur Geschichte der Erbpacht im Altertum (1901); И. Бороздинъ—Замѣтки по греческому эмфитевзису („Гермесъ“ 1909).

²⁾ См. его—Zur Theorie und Methodik der Geschichte (нов. рус. изд. Москва 1911 г.).

³⁾ Ferrero—Roma nella cultura moderna (Milano 1910).

Совѣтъ г. Оксиринха III вѣка по Р. Хр.

Съ начала III вѣка по Р. Хр. во главѣ городского управленія Оксиринха становится совѣтъ, *βουλή*, органъ муниципальной автономіи, учрежденіе котораго вызвало существенныя измѣненія въ общемъ строѣ городской администраціи. Появленіе въ Оксиринхѣ совѣта нетрудно приурочить къ опредѣленно-точному хронологическому моменту. Мы знаемъ, что дарованіе всѣмъ вообще метрополіямъ римскаго Египта права самоуправленія посредствомъ *βουλή* стоитъ въ связи съ путешествіемъ сюда императора Септимія Севера. 1) Есть основанія допустить, что во время своего путешествія по Египту императоръ между другими городами посѣтилъ и Оксиринхъ. Свидѣтельство объ этомъ даетъ намъ Охуг. Р. 705, документъ 202 года по Р. Хр. Здѣсь нѣкій Аврелій Горіонъ, указывая въ своемъ прошеніи къ императору на то вниманіе, какое проявляли по отношенію къ Оксиринху представители высшей власти, между прочимъ, пишетъ: *επειρήσατε μὲν οὖν καὶ ὑμεῖς αὐτοὺς ἐπιδημήσαντες* (col. II, lin. 36—37), т. е. и вы ихъ (Оксиринхитянъ) почтили во время путешествія (по Египту). Эти слова опредѣленно указываютъ

1) Wilcken, *Observationes ad historiam Aegypti provinciae Romanae*, Berol. 1885, 14 sqq. Его же, *Griechische Ostraka*, Leipz-Berl. 1899, I, 430 стр. Klio, VII, 134 стр., P. Meyer. Jouguet P. *La vie municipale dans l' Egypte romaine*, Paris, 1911, 346 стр. Сюда, конечно, не относятся тѣ метрополіи, которыя получили *βουλή* до III вѣка по Р. Хр., каковы, напр., Антинополь, для котораго *βουλή* упоминается въ серединѣ II вѣ по Р. Хр. (*ἡ βουλή ἡ τῶν Ἀντινόων νέων Ἑλλήνων* въ C. I. Gr. 4679), съ вѣроятностью сюда можно отнести Гермуполь, для котораго совѣтъ засвидѣтельствованъ подъ 136 г. по Р. Хр. (Amh. P. II, 79, I, 7; Arch. II, 127, Wilcken; Jouguet, *La vie municipale etc.* 346 стр.) и Навкратисъ (Milne, *History of Egypt under romane rule*, Lond. 1898, 214 стр.); меньше основаній допустить существованіе *βουλή* въ Птолемайдѣ до III вѣка (Jouguet, *Op. cit.* 348 стр.; Plaumann G. *Ptolemais in Oberägypten*, Leipz. 1910, 78 стр. и выше).

на пребываніе императора въ Оксирихѣ. Вопросъ о времени пребыванія здѣсь Септимія Севера разрѣшенъ П. Мейеромъ. 1) Онъ, обращая вниманіе на упоминаемыя въ Охуг. Р. 705 другія со-временныя событія 2), полагаетъ, что посѣщеніе императоромъ Оксирихъ относится къ первой половинѣ 202 года; осенью этого года императоръ уже былъ въ Римѣ.

Такимъ образомъ, можно признать, что въ первой половинѣ 202 года Септимій Северъ во время поѣздки по Египту посѣтилъ Оксирихъ и, несомѣнно, въ это время даровалъ городу право самоуправленія черезъ βουλή 3). Что Оксирихъ еще во второй половинѣ 201 года (въ мѣсяцѣ Φαρμοῦδι) не имѣлъ βουλή, это ясно изъ Охуг. Р. 54; здѣсь коллегія архонтовъ возлагаетъ на муниципальныхъ магистратовъ — гимназіарха и экзегета такія повинности (надзоръ за сооруженіемъ бани Адріана), распределеніемъ которыхъ позже завѣдывалъ совѣтъ.

Вопросъ о томъ, какъ былъ организованъ совѣтъ Оксирихъ, рѣшается такъ же, какъ и вопросъ объ организаціи βουλή другихъ городовъ римскаго Египта. Разъ совѣтъ былъ одинаково устроенъ во всѣхъ городахъ, то документы, освѣщающіе вопросъ о составѣ, устройствѣ и дѣятельности βουλή Оксирихъ, 4) дадутъ намъ маленькую, но, мнѣ кажется, не бесполезную иллюстрацію къ уясненію сложнаго вопроса о муниципальной автономіи римскаго Египта вообще.

I.

До 202 года городскія дѣла Оксирихъ находились въ вѣдѣніи муниципальных должностныхъ лицъ, объединенныхъ въ кол-

1) Klio, VII, 132—134 стр.

2) Такovy, Иудейская война, lin. 33, упоминаніе имени префекта Лавта, lin. 39—40. О послѣднемъ ср. Cantarelli, La serie dei prefetti di Egitto, I. Roma 1906. 64—65 стр.

3) Первое же определенное упоминаніе о булевтахъ Оксирихъ въ извѣстныхъ до настоящаго времени документахъ находится подъ 211 годомъ въ Охуг Р. 56, lin. 1—2.

4) Эти документы собраны, главнымъ образомъ, въ изданіи The Oxyrhynchus Papyri p. I, II, III, IV, VI, by Bernard P. Grenfell and Arthur S. Hunt, p. VII, VIII, IX by Arthur S. Hunt, London, 1898—1912.

легію архонтовъ (*κοινὸν τῶν ἀρχόντων*) ¹⁾. Послѣ 202 года въ документахъ Оксиринха, кромѣ архонтовъ, выступаетъ *βουλὴ* и даже ставитъ послѣднихъ въ нѣкоторую отъ себя зависимость. Эта зависимость выражается въ томъ, что совѣтъ Оксиринха, по своему усмотрѣнію, назначаетъ муниципальных чиновниковъ къ выполнению той или другой повинности. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ засвидѣтельствованъ въ Охуг. Р. 891, докум. 294 года; здѣсь мы имѣемъ постановленіе совѣта о назначеніи имъ экзегета города на какую-то должность (вслѣдствіе порчи текста характеръ самой должности неясенъ). Если же существовала зависимость архонтовъ отъ совѣта, то, естественно заключить, что власть послѣдняго была гораздо шире, чѣмъ власть *κοινὸν τῶν ἀρχόντων*.

Но прежде чѣмъ перейти къ вопросу о томъ, какъ осуществляла свою власть совѣтъ Оксиринха, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ вѣтшей организации разсматриваемаго учрежденія. Здѣсь прежде всего нужно коснуться вопроса о составѣ совѣта Оксиринха, о томъ, какимъ условіямъ должны были удовлетворять попадавшія въ него лица. Наши документы среди булевтовъ Оксиринха III вѣка называютъ лицъ различныхъ положеній. Тутъ мы встрѣчаемъ отдѣльныхъ членовъ коллегіи архонтовъ, напр., гимназіарховъ ²⁾, экзегетовъ ³⁾, рѣже агораномовъ ⁴⁾; очевидно, что они, выполняя свои муниципальные обязанности, въ то же время

¹⁾ Архонты Оксиринха дѣйствовали какъ коллегія и ихъ постановленія опредѣлялись какъ *γνώμη τοῦ κοινοῦ τῶν ἀρχόντων*, см. Охуг. Р. 54. lin. 12. 201 г. по Р. Хр. Объ архонтахъ городовъ римскаго Египта и въ томъ числѣ Оксиринха см. Preisigke Fr. Städtisches Beamtenwesen im römische Ägypten, Halle, 1903, 8 sqq. Jouguet, La vie municipale etc. 291 sqq. Wilcken, Grundzüge, I, I. 39—40 стр. и др. Архонты являлись мѣстными должностными лицами, заведывавшими городскими дѣлами; за предѣлы города власть архонтовъ не распространялась, въ управленіе нома они не имѣли права вмѣшиваться, послѣдній всецѣло подчинялся представителю центральной власти—стратегу. Власть же *βουλὴ* обнимала собой гораздо большую сферу, чѣмъ власть архонтовъ; она не ограничивалась только метрополіей, но подчиняла себѣ и номъ. Въ силу этого съ учрежденіемъ *βουλὴ* власть представителя центрального правительства—стратега уменьшилась, получили развитіе начала автономіи, черезъ *βουλὴ* номъ присоединился къ муниципалитету метрополіа. См. Jouguet, Op. cit. 385—386 стр.

²⁾ Охуг. Р. 977. 253 г. Охуг. Р. 77, lin. 1—3. 223. г.

³⁾ Охуг. Р. 56, lin. 1—2. 211 г. Охуг. Р. 907, lin. I. 276 г. Охуг. Р. 888, lin. 8—9. III в.

⁴⁾ Охуг. Р. 1031, lin. 1—3. 228 г.

могли входить въ совѣтъ. Кромѣ въ общемъ небольшого числа представителей муниципальной администраціи—архонтовъ среди членовъ совѣта Оксиринха есть также лица, избранныя изъ бывшихъ муниципальных чиновниковъ, сохранившихъ за собой титулы своей прошлой служебной карьеры въ прошедшей причастной формѣ. Въ Оксиринхскихъ папирусахъ часто встрѣчаются булевты, титулующіеся бывшими гимназіархами (γυμνασιάρχης)¹⁾, бывшими архіереями (ἀρχιερεύς)²⁾, бывшими агораномами (ἀγορανότης)³⁾. Наконецъ, въ составѣ совѣта Оксиринха встрѣчаются лица, видимо, не выполнявшія раньше никакихъ муниципальных обязанностей; въ документахъ они обозначаются просто, какъ булевты или пританы βουλῇ безъ всякихъ другихъ титуловъ⁴⁾.

Иногда въ документахъ попадаются случаи избранія въ совѣтъ Оксиринха лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, которыя, такимъ образомъ, должны были нести двоякаго рода служебныя обязанности—и муниципальныя и государственныя. Такой случай намъ даетъ Охуг. Р. 80, докум. 238—244 г.; названный здѣсь пританъ βουλῇ Оксиринха въ то же время является эйренархомъ города.

На основаніи сгруппированныхъ сейчасъ, большею частію, случайныхъ данныхъ⁵⁾ очень трудно сдѣлать заключеніе о составѣ совѣта Оксиринха. Наши документы позволяютъ только отмѣтить среди булевтовъ представителей коллегіи архонтовъ, бывшихъ муниципальных чиновниковъ, государственныхъ чиновниковъ и затѣмъ такихъ членовъ βουλῇ, служебное положеніе которыхъ неясно, можетъ быть, просто частныхъ лицъ. Но, кромѣ этихъ, довольно общихъ указаній, Оксиринхскіе папирусы даютъ возможность съ достаточной вѣроятностью подойти къ освѣщенію одного частнаго вопроса, а именно: вопроса о томъ, должны-ли были *все члены коллегіи архонтовъ принимать участіе въ засѣданіяхъ совѣта?* Въ извѣстныхъ намъ

1) PSI. 79, lin. 4. 216—217 г. Охуг. Р. 80, lin. 1—6. 238—244 г. Охуг. Р. 55, lin. 2. 283 г. Охуг. Р. 59, lin. 4—5. 292 г. Р. Flor. 63, lin. 2—3. III в.

2) Охуг. Р. 1031, lin. 1—3. 228 г. Охуг. Р. 911, lin. 2—3. 233 или 265 г.

3) Охуг. Р. 70, lin. 2—3, III в. PSI. 74, lin. 11. III в.

4) Охуг. Р. 1200, lin. 20. 266 г. Охуг. Р. 1205, lin. 8. 291 г. Охуг. Р. 891, lin. 6—7. 294 г. Охуг. Р. 890, lin. 1—4. III в. и др.

5) Ни одного протокола совѣта Оксиринха мы пока не имѣемъ.

Оксиринхских папирусах нѣтъ какихъ бы то ни было отчетливыхъ указаній на то, что муниципальные магистраты должны были въ то же время быть членами βουλῆς. Затѣмъ, такому допущенію противорѣчить и тотъ фактъ, что званіе βουλευτῆς въ нашихъ документахъ носятъ не всѣ, а только нѣкоторые, сравнительно немногіе изъ архонтовъ Оксиринха III вѣка; большинство же архонтовъ имѣютъ только титулъ своей литургіи. Между тѣмъ такого различенія не могло бы быть, если бы въ составъ совѣта входили всѣ архонты in corpore ¹⁾. Въ силу этого, мы должны признать, что архонты Оксиринха III вѣка, хотя и находились въ зависимости отъ совѣта, но дѣйствовали, какъ обособленная отъ послѣдняго корпорація. Если же они и попадали въ βουλῆς, то не по праву своего архонтскаго достоинства, а въ силу удовлетворенія общимъ требованіямъ, дававшимъ право на участіе въ совѣтѣ всѣмъ городскимъ жителямъ. Какъ нельзя на основаніи Охург. Р. 80 дѣлать заключеніе о томъ, что всѣ эйренархи eo ipso были булевтами, такъ и и ни въ какомъ случаѣ, на основаніи извѣстныхъ намъ единичныхъ случаевъ участія архонтовъ въ совѣтѣ, нельзя настаивать на томъ, что это право принадлежало всѣмъ вообще архонтамъ ²⁾.

Если принадлежность къ κοινὸν τῶν ἀρχόντωνъ еще не давала права на участіе въ βουλῆς, то мы должны попытаться опредѣлить тѣ условія, удовлетвореніе которымъ давало право на званіе булевта. Здѣсь мы, такимъ образомъ, подходимъ къ вопросу о томъ, требовался-ли отъ булевтовъ какой-либо имущественный цензъ или нѣтъ? Есть полное основаніе допустить, что право участія въ βουλῆς предоставлялось зажиточнымъ элементамъ городского населенія. Уже то обстоятельство, что на членовъ совѣта Оксиринха падала отвѣтственность за дѣятельность финансовыхъ чиновниковъ, на которыхъ совѣтъ возлагалъ различныя повинности ³⁾, ясно должно намъ указы-

¹⁾ Едва-ли здѣсь можно заподозрить въ небрежности писца документовъ и допустить, что при словѣ βουλευτῆς случайно пропускался архонтскій титулъ булевта. См. Jonguet, La vie municipale etc. 361 стр.

²⁾ Ср., однако, мнѣніе Preisigke, Städtisch. Beamtenwesen etc. 48 стр.

³⁾ Это видно изъ очень извѣстнаго документа Охург. Р. 58, III в., гдѣ указывается, что совѣтъ долженъ принять на себя отвѣтственность за дѣятельность чиновниковъ (φροντισταί), назначаемыхъ къ управленію домашнимъ имуществомъ; эти чиновники должны назначаться κινδύνη ἐκείτης βουλῆς (lin. 13—14).

вать на имущественную состоятельность булевтов¹⁾. Поэтому очень естественно, что булевтами могли быть лица, отвѣчающія установленному цензу, владѣвшія извѣстной собственностью и получающія или могущія получать отъ нея опредѣленный доходъ (πόρος²⁾). Правда, прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ мы нигдѣ въ документахъ не встрѣчаемъ, но по случайно разбросаннымъ въ нихъ указаніямъ можно заключить, что въ булевты Оксиринха попадали зажиточные жители города. Званіе булевтовъ здѣсь носятъ то собственники-домовладѣльцы³⁾, то землевладѣльцы⁴⁾ то капиталисты-банкиры, ссужавшіе деньги подъ % %⁵⁾, то судовладѣльцы⁶⁾ и т. д.

Такимъ образомъ, мы должны признать, что членами совета Оксиринха могли быть лица, удовлетворявшія опредѣленному имущественному цензу, хотя высота и размѣры этого ценза остаются неизвѣстными. Въ источникахъ совершенно отсутствуютъ какія бы то ни было по этому поводу указанія.

Нѣтъ также документовъ, которые бы позволили намъ освѣтить вопросъ о томъ, какъ производились самые выборы въ советъ Оксиринха, на чьей обязанности было слѣдить за ихъ ходомъ и правильностью, какъ велико было число булевтовъ, каковъ былъ срокъ отдѣльныхъ сессій βουλῆ и т. д. Все это вопросы, пока остающіеся безъ разрѣшенія. Только относительно способа выборовъ въ советъ очень вѣроятное предположеніе высказалъ Jougnet, пытающійся доказать, что въ городахъ римскаго Египта советъ составлялся путемъ кооптации.⁷⁾ Если гипотеза Jougnet является

¹⁾ См. объ этомъ мнѣніе Jougnet, La vie municipale etc. 363—64 стр. Хотя Preisigke, Op. cit. 50 стр. высказывалъ мало вѣроятное предположеніе, что въ βουλῆ могли входить бѣдняки.

²⁾ Πόρος, обыкновенно обозначавшій доходъ, иногда употреблялся въ смыслѣ собственности, ἔπαρχον. См. Wilcken, Ostr. I. 506—507 стр. Hohlwein N. L'Egypte romaine, Brux. 1912, 372—73 стр.

³⁾ Охуг. Р. 911, III в.

⁴⁾ Охуг. Р. 1200, lin. 16—20. 266 г. Ср. мнѣніе Hohlwein'a Op. cit. 134 стр. о томъ, что булевты египетскихъ метрополій вербовались изъ среды богатыхъ людей, главнымъ образомъ, изъ класса крупныхъ земельныхъ собственниковъ; на то же еще раньше указалъ Jougnet, Op. cit. 363 стр.

⁵⁾ Охуг. Р. 70, III в.

⁶⁾ Охуг. Р. 87, IV в.

⁷⁾ Jougnet, La vie municipale etc. 469 стр. и выше. Признавъ, что βουλῆ составлялся путемъ кооптации, названный ученый не освѣтилъ, однако, вопроса о томъ, какъ создавался первый составъ βουλῆ при его учрежденіи.

правдоподобной для другихъ египетскихъ городовъ, то съ полнымъ правомъ мы можемъ признать, что и βουλῇ Оксиринха составлялся посредствомъ кооптаци.

Кромѣ обыкновенныхъ булевтовъ, въ Оксиринхѣ, какъ и въ другихъ городахъ римскаго Египта, существовали пританы, которые поочередно должны были нести установленныя обязанности при βουλῇ. Число притановъ Оксиринхскаго совѣта, способъ ихъ избранія, ихъ цензъ неизвѣстны; о срокѣ ихъ службы дѣлаются вѣроятныя предположенія, что онъ ограничивался однимъ годомъ.¹⁾ При βουλῇ не всѣ пританы играли одинаковую роль. Тотъ изъ нихъ, который въ данный моментъ являлся предсѣдателемъ совѣта титуловался ἐναρχος πρότασις,²⁾ другіе же назывались просто πρότασις³⁾. По окончаніи своей службы пританъ сохранялъ за собой свое почетное званіе, но уже въ прошедшей формѣ προτανεύσας⁴⁾.

Таковы наши свѣдѣнія о внѣшней исторіи совѣта Оксиринха III вѣка⁵⁾; теперь мы должны перейти къ разсмотрѣнію его дѣятельности, насколько она раскрывается въ нашихъ документахъ.

II.

Уже положеніе совѣта, какъ высшаго органа муниципальной автономіи, должно было опредѣлять характеръ его дѣятельности. Нѣкоторая группа дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію совѣта опредѣляется довольно точно: прежде всего онъ завѣдывалъ дѣлами, касающимися городского управленія и благоустройства. Вполнѣ естественно, поэтому, что къ совѣту переходятъ многія функціи κοινὸν τῶν ἀρχόντων. Раньше заботу о внѣшнемъ благоустройствѣ города принимали на

¹⁾ Jouguet, Op. cit. 375 стр. Nohlwein, Op. cit. 382 стр.

²⁾ Охуг. Р. 77, lin. 2. 223 г. Охуг. Р. 55, lin. 3. 283 г. Охуг. Р. 59, lin. 5. 292 г. Охуг. Р. 891, lin. 7, 294 г. Охуг. Р. 890, lin. 3. III в. и др.

³⁾ Охуг. Р. 80, lin. 3—4. 238—44 г. Охуг. Р. 907, lin. 1. 276 г. и др. Хотя, повидимому, простымъ титуломъ πρότασις иногда обозначались и фактическіе предсѣдатели совѣта. Рѣже встрѣчается форма προτανεύων, см. Охуг. Р. 103, lin. 2. IV в.

⁴⁾ Охуг. Р. 59, lin. 4. 292 г. Охуг. Р. 1104, lin. 5. IV в.

⁵⁾ Βουλῇ Оксиринха часто украшается титуломъ κρατίστη, т. е. отличѣйшее, славѣйшее, см. Охуг. Р. 1031, lin. 4. Охуг. Р. 55, lin. 12. Охуг. Р. 41, lin. 25. и др.

себя архонты¹⁾; теперь эти функции несетъ совѣтъ. Охуг. Р. 55. докум. 283 г. показываетъ намъ, что исправленіе городскихъ улицъ Оксиринха производилось по постановленію совѣта; строители улицы Κασσιδών просятъ уплатить назначенныя имъ за работу согласно постановленію совѣта²⁾, 4 сер. таланта и 4000 драхмъ. Какъ раньше городскія работы обыкновенно выполнялись подъ наблюденіемъ кого-либо изъ архонтовъ³⁾, такъ теперь для этого уполномачиваются отдѣльные булевты. Охуг. Р. 892. докум. IV в. представляетъ собой характерное распоряженіе совѣта Оксиринха о назначеніи одного изъ булевтовъ надсмотрщикомъ за сооруженіемъ бани и городскихъ воротъ.

Такимъ образомъ, ясно, что къ βουλῇ Оксиринха перешли заботы о благоустройствѣ города, бывшія до 202 года въ видѣννι κοινὸν τῶν ἀρχόντων.

Одной изъ обязанностей архонтовъ до 202 года было совмѣстно съ представителями центральной власти, напр., γραμματεὺς τῆς πόλεως⁴⁾ или съ στρατηγός⁵⁾ находить подъ собственной отвѣтственностью⁶⁾ лицъ, способныхъ къ выполнению той или другой λειτουργία⁷⁾. Теперь же эту обязанность принимаетъ на себя совѣтъ. Мы видимъ, что совѣтъ Оксиринха часто уполномачиваетъ къ выполнению той

1) Ср. Охуг. Р. 54. 201 г., изъ котораго мы узнаемъ, что члены коллегіи архонтовъ—гимназіархъ и экзегетъ наблюдали за сооруженіемъ бани Адріана. Объ издержкахъ гимназіарховъ на содержаніе банъ см. Jouguet, La vie municipale etc. 322—23 стр. Въ Охуг. Р. 473. II в. мы имѣемъ интересный приказъ центрального правительства гимназіарху о сооруженіи въ городѣ статуи, портрета и трехъ цитовъ. Эти примѣры ясно указываютъ на то, что члены коллегіи архонтовъ Оксиринха I—II в.в. должны были нести заботы по украшенію и благоустройству города.

2) [ἀ]κόλου[θ]ος τοῖς φορτιστῇ ἐν τῇ γρατίστῃ βουλῇ, lin. 12.

3) Большою частію подъ надзоромъ гимназіарха. Ср. цитированные выше Охуг. Р. 54, п 473.

4) Ср. Охуг. Р. 54, изъ котораго видно, что гимназіархъ и экзегетъ, избранные коллегіей архонтовъ для надзора за городскими архитектурными работами, утверждаются секретаремъ города (εἰςδοθέντων ὑπὸ τοῦ τῆς πόλεως γραμματέως, lin. 10—11). Γραμματεὺς τῆς πόλεως утверждалъ также списки муниципальных магистратовъ. См. Р. Meyer, Heerwesen etc. 110 стр. Preisigke, Städtisch. Beamtenwesen etc. стр. 9 прим. 6.

5) Участіе стратега въ распредѣленіи литургій доказывается Охуг. Р. 82. III в. Это очень интересный отрывокъ клятвеннаго заявленія стратега, даннаго имъ при вступленіи въ должность, въ которомъ, между прочимъ, заключается обѣщаніе правильно распредѣлять литургіи.

6) Preisigke, Städtisches Beamtenwesen etc. 8 стр.

7) Jouguet, La vie municipale etc. 387 стр.

или другой повинности кого-либо из своих членов или известных ему посторонних лиц. Эти лица, назначенныя къ отправленію какой-либо *leitourgía*—все равно городской или государственной—несут ее подъ отвѣтственностью совѣта. Право созѣта давать спеціальныя порученія отдѣльнымъ своимъ членамъ вытекаетъ изъ только что отмѣченнаго Охуг. Р. 892; то же слѣдуетъ изъ Охуг. Р. 1031, докум. 228 г. Послѣдній представляетъ собой постановленіе совѣта Оксиринха, въ силу котораго два его члена назначаются, какъ кажется, надсмотрщиками при раздачѣ городского зерна ¹⁾. Jouguet, между прочимъ, склоненъ думать, что на булевтовъ возлагались болѣе трудныя повинности ²⁾; это предположеніе можно признать очень правдоподобнымъ, если принять во вниманіе общую отвѣтственность совѣта за дѣятельность своихъ ставленниковъ.

Совѣтъ былъ отвѣтствененъ не только за дѣятельность лицъ, назначаемыхъ имъ къ выполненію служебныхъ обязанностей въ пользу города. Этотъ органъ городского самоуправления часто долженъ былъ принимать на себя отвѣтственность за службу нѣкоторыхъ государственныхъ чиновниковъ. Наиболѣе яркій примѣръ этого рода даетъ намъ Охуг. Р. 58; здѣсь эпистратегъ требуетъ, чтобы подъ отвѣтственностью совѣта назначались финансовыя чиновники (*φροντισταί*), управляющіе доманіальнымъ имуществомъ (*οὐσίαι*) ³⁾. Этотъ документъ даетъ намъ интересное указаніе на то, какъ центральное правительство старалось использовать *βουλή* въ цѣляхъ возможно правильнаго и успѣшнаго поступленія болѣе важныхъ финансовыхъ сборовъ ⁴⁾. Въ связь съ этой тенденціей правительства возложить на совѣтъ отвѣтственность за дѣятельность финансовыхъ государ-

¹⁾ Этотъ документъ адресованъ двумъ *βουλευταῖς τῆς Ὀξυρυχναίων πόλεως αἰρεθεῖσαι ὑπὸ τῆς κρατίστης βουλῆς ἐπὶ ἀποδόσεως σπερμάτων τοῦ ἐνεστώτος ἡ (ἔτους) ἄνω τοπ(αρχίας)*, lin. 3—6.

²⁾ Jouguet, *La vie municipale*: etc. 389 стр.

³⁾ Ср. также Охуг. Р. 59, lin. 8 и 14. 292 г.

⁴⁾ Вотъ почему Jouguet, *Op. cit.* 390—91 стр. такъ настойчиво подчеркиваетъ, что *βουλή* въ Египтѣ былъ созданъ не столько въ интересахъ метрополій, сколько въ интересахъ государства. Эту же мысль проводитъ Hohlwein, *L'Egypte romaine*, 135 стр., признающій что совѣтъ возникъ въ городахъ Египта вслѣдствіе недостаточной финансовой отвѣтственности *κοινὸν τῶν ἀρχόντων*; поэтому потребовался новый органъ, состоящій изъ большаго числа членовъ, чѣмъ коллегія архонтовъ.

ственных чиновников¹⁾ исследователи ставят предполагаемое за советом право вмешательства въ раскладку налоговъ. Впервые это предположеніе высказалъ Вилькенъ²⁾; новѣйшій же исследователь развитія муниципальной жизни римскаго Египта, Jouguet, всецѣло, присоединился къ этому допущенію Вилькена³⁾, хотя нужно сказать, что оно не находитъ себѣ подтвержденія ни въ документахъ Оксиринха, ни другихъ городовъ римскаго Египта.

Болѣе несомнѣннымъ является право совета распоряжаться городскими средствами. Существованіе въ Оксиринхѣ специальныхъ городскихъ финансовъ засвидѣтельствовано документально. Мы узнаемъ, что въ Оксиринхѣ находились особыя городскія казначейства (отличныя отъ государственныхъ); они назывались то *ὁ τῆς πόλεως λαβός*⁴⁾, то *τὰ πολιτικὰ χρήματα*⁵⁾. Завѣдываніе финансами, хранившимися въ этихъ казначействахъ, принадлежало совету, который черезъ притана, какъ посредствующаго органа, производилъ расходы. Неизвѣстно, насколько значительными средствами обладалъ Оксиринхъ въ разное время, но существованіе здѣсь особыхъ городскихъ казначействъ должно указывать, что эти средства были немалы. Они могли состояться изъ различныхъ источниковъ⁶⁾ — отъ эксплуатаціи городской земли, если таковая была въ Оксиринхѣ, отъ сдачи въ аренду рыночныхъ мѣстъ, отъ эксплуатаціи городскихъ бань и т. д. Городскіе сборы поступали, повидимому, не всегда аккуратно. По крайней мѣрѣ въ Охуг. Р. 890, докум. III вѣка мы имѣемъ списокъ задолжавшихъ городу лицъ и обращеніе βουλῇ къ стратегу съ просьбой о взысканіи слѣдующихъ съ должниковъ денегъ. Принадлежавшіе городу средства тѣмъ легче сберегались, что многіе городскіе рас-

1) Это перенесеніе на βουλῇ ответственности за дѣятельность финансовыхъ чиновниковъ, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ ослабленіемъ дѣятельности откупщиковъ въ римскомъ Египтѣ и съ замѣной ихъ литургійными чиновниками. См. Ростовцевъ, Исторія государственнаго откупа въ Римской имперіи, С. П. Б. 1899, 199 — 223 стр.

2) Ostr. I. 629 стр.

3) Jouguet, La vie municipale etc. 387 стр.

4) Охуг. Р. 54, lin. 16. 201 г. Охуг. Р. 890, lin. 9—10. III в.

5) Охуг. Р. 55, lin. 15. 283. г. Ср. въ Охуг. Р. 84, lin. 9—10, 316 г. Πολιτικῇ τραπεζῇ также, очевидно, городская касса. Wilcken, Ostr. lin. 646 стр.

6) Jouguet. Op. cit. 417 sqq.

ходы принимали на себя муниципальные магистраты и несли ихъ, какъ литургію ¹⁾.

Изъ расходовъ, производившихся на городскія средства Оксиринха можно опредѣлить немногіе; намъ извѣстны расходы, связанные съ заботами совѣта о благоустройствѣ города, ²⁾ съ предпріятіями по украшенію города во время праздниковъ ³⁾ — и только.

На основаніи вышеизложеннаго нетрудно заключить, что дѣятельность совѣта Оксиринха носила определенно выраженный хозяйственно-финансовый характеръ. Заботы о благоустройствѣ города, о ремонтѣ улицъ, о возведеніи необходимыхъ построекъ, а главное — распределеніе повинностей по выполненію хозяйственныхъ плановъ совѣта между способными къ этому лицами, несомнѣнно, составляли существенную сторону въ дѣятельности βουλῆ Оксиринха. Вмѣстѣ съ тѣмъ и центральное правительство, возлагая на совѣтъ отвѣтственность за дѣятельность важнѣйшихъ финансовыхъ чиновниковъ, пользовалось, такимъ образомъ, его содѣйствіемъ для обезпеченія себѣ болѣе правильнаго поступленія всякихъ сборовъ. Поэтому, если мы рассматриваемъ βουλῆ какъ органъ муниципальной автономіи, то прежде всего въ немъ мы должны видѣть могущественный органъ хозяйственной автономіи, услугами котораго живетъ также и центральное правительство.

Какъ представитель интересовъ муниципальной жизни, совѣтъ долженъ былъ вступать въ сношенія съ высшимъ представителемъ государственной власти нѣма — стратегомъ. Когда совѣтъ принималъ на себя выполненіе или распределеніе какихъ-либо государственныхъ повинностей, онъ обыкновенно увѣдомлялъ объ этомъ стратега, ⁴⁾ Ино-

¹⁾ Jouguet. Op. cit. 438 стр. и выше.

²⁾ См. цитированный выше Охуг. Р. 55.

³⁾ Въ Охуг. Р. 705, 202 г. мы находимъ упоминаніе объ устраиваемомъ Оксиринхитянами ежегодно праздникъ въ честь побѣды римлянъ надъ іудеями, col. II, lin. 34 — 35.

⁴⁾ Образцомъ такого увѣдомленія можетъ служить Охуг. Р. 59. 292 г. Здѣсь βουλῆ извѣщаетъ стратега о томъ, что выбранное имъ (совѣтомъ) для отправленія ко двору префекта лицо (очевидно для выполненія какой-нибудь повинности), отказывается отъ этой миссіи какъ ἱερὸνίχης (такъ какъ данное лицо было неправильно

гда совѣтъ обращался за содѣйствіемъ къ стратегу, какъ представителю администраціи. ¹⁾ Бывали случаи, когда стратегу приходилось вступать въ переписку съ совѣтомъ по дѣламъ, имѣющимъ какое-либо отношеніе къ послѣднему. ²⁾ Рѣдко, но по важнымъ дѣламъ, напр., финансоваго характера въ переписку съ совѣтомъ вступали эписстратеги ³⁾).

За недостаткомъ данныхъ мы не можемъ всесторонне освѣтить важный вопросъ о томъ, существовала ли какая-нибудь зависимость совѣта Оксиринха отъ представителей центральной администраціи — стратега и эписстратега. Но та, чисто случайнаго характера переписка между стратегомъ и совѣтомъ Оксиринха, ⁴⁾ которая намъ пока извѣстна, не даетъ никакихъ основаній для признанія какой-либо власти стратега надъ совѣтомъ. Затѣмъ, здѣсь особенно приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что послѣ 202 года власть стратега, какъ начальника нома, была нѣсколько ослаблена въ виду того, что на номъ распространилась власть совѣта; ⁵⁾ едва-ли можно допустить, чтобы ограивчиваемая власть стратега могла подчинять себѣ то учрежденіе, отъ котораго исходило это ограниченіе. Но, если, по нашему мнѣнію, стратегъ не имѣлъ права контролировать дѣятельность совѣта, ни тѣмъ болѣе возлагать на него по своему усмотрѣнію тѣ или иныя повинности, то этого нельзя сказать объ отношеніяхъ совѣта и эписстратега. Не касаясь другихъ сторонъ въ отношеніяхъ этихъ органовъ администраціи, мы, на основаніи Охуг. Р. 58, должны признать, что эписстратегъ имѣлъ право возлагать на совѣтъ отдѣльныя порученія литургійнаго характера; другія формы зависимости совѣта отъ эписстратега намъ пока неизвѣстны.

Важное значеніе въ жизни и дѣятельности совѣта имѣлъ пританъ. Прежде всего ему принадлежало право созыва βουλῆ; ⁶⁾ онъ

привлечено къ несенію повинности, то ему можно было заявить отказъ; здѣсь онъ выраженъ въ формѣ ἐπιστάλης, ср. Jouguet, Op. cit. 411 стр.); поэтому совѣтъ извѣщаетъ стратега, что онъ назначилъ для требуемой повинности новое лицо.

¹⁾ См. цитиров. выше Охуг. Р. 890. III в.

²⁾ Охуг. Р. 60. IV в.

³⁾ Охуг. Р. 58. III в.

⁴⁾ См. послѣднія три цитаты.

⁵⁾ Jouguet, Op. cit. 386 стр.

⁶⁾ Jouguet, Op. cit. 379 стр.

же могъ вносить въ засѣданія совѣта предложенія и оказывать извѣстное вліяніе на исходъ его рѣшеній. ¹⁾ Затѣмъ, пританъ являлся исполнительнымъ органомъ совѣта; черезъ него объявлялись постановленія совѣта, касающіяся какъ отдѣльныхъ булевтовъ, ²⁾ такъ и представителей коллегіи архонтовъ. ³⁾ Черезъ притана поступали въ совѣтъ различныя заявленія членовъ городской общины ⁴⁾. Наконецъ, пританъ являлся официальнымъ представителемъ совѣта при его сношеніяхъ съ государственными властями ⁵⁾ и при сношеніяхъ послѣднихъ съ совѣтомъ ⁶⁾.

Постановленія совѣта обыкновенно обозначались обще-греческими терминами *ψήφισμα* или *ψήφισμα* ⁷⁾.

С. Синалевичъ.

¹⁾ Jouguet, Op. cit. 381 стр.

²⁾ Охуг. Р. 892, lin. 5.

³⁾ Охуг. Р. 891, lin. 7.

⁴⁾ Охуг. Р. 55, lin. 3. Охуг. Р. 77, lin. 2.

⁵⁾ Охуг. Р. 59, lin. 5.

⁶⁾ Охуг. Р. 60, lin. 2—3.

⁷⁾ Охуг. Р. 55, lin. 12.

Нѣсколько словъ объ исторической критикѣ.

Еще многія основныя понятія методологіи исторіи являются мало опредѣленными даже въ контурахъ, не говоря уже о детальной разработкѣ и выясненіи болѣе частныхъ ихъ образующихъ линій. А между тѣмъ, только исходя изъ возможно полнаго, широкаго и точнаго раскрытія содержанія главнѣйшихъ понятій исторической методологіи возможно сконструировать содержаніе этой дисциплины съ достаточной логичностью и цѣльностью.

Къ числу такихъ донынѣ мало выясненныхъ и въ то-же время основныхъ понятій въ методологіи исторіи принадлежитъ понятіе объ исторической критикѣ. Терминъ этотъ пущенъ въ научный оборотъ очень давно, еще тогда, когда методологіи исторіи, какъ отдѣльной дисциплины, можно сказать, не существовало; нынѣ онъ пріобрѣлъ полное признаніе права на свое существованіе въ историко-методологической литературѣ; однако, едва-ли возможно утверждать, что понятіе объ исторической критикѣ раскрыто достаточно полно и точно въ его содержаніи. Дѣйствительно, попытки въ этомъ направленіи дѣлались, дѣйствительно, нѣчто общими усиліями тутъ достигнуто, но едва-ли это достигнутое является достаточнымъ, едва-ли на этомъ можно остановиться; думается, что необходимо дѣлать еще дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи, и задачей предлагаемой статьи будетъ посильная попытка сдѣлать одинъ такой шагъ въ дальнѣйшемъ раскрытіи понятія объ исторической критикѣ.

На вопросъ, что такое историческая критика, въ изслѣдованіяхъ новѣйшихъ историковъ-методологовъ, можно найти болѣе или менѣе единообразный отвѣтъ. Въ болѣе новое время такое общепринятое опредѣленіе исторической критики формулировано Бернгеймомъ въ его «Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie», а

также Langlois и Seignobos'омъ въ «Introduction aux études historiques». «Задача исторической критики состоитъ въ томъ, пишетъ Бернгеймъ, чтобы частью твердо установить фактичность (Tatsächlichkeit) показаній источниковъ и изъ нихъ выводимыхъ событій, частью рѣшить,—или выявить,—до какой степени вѣроятности эти послѣднія можно принимать, какъ дѣйствительныя...; форма, въ которую отливаются (erfolgen) такіа твердоустанавливаемые положенія, есть всегда сужденіе частью объ отношеніи источниковъ къ дѣйствительности, частью объ отношеніяхъ явленій дѣйствительности (Tatsachen) другъ къ другу...; никогда не надо забывать, говоритъ Бернгеймъ немного ниже, что для исторической критики, по крайней мѣрѣ, основнымъ и главнымъ предметомъ ея содержанія является констатированіе фактичности (Tatsächlichkeit)» ¹⁾. Ланглуа и Сеньобосъ, не останавливаясь подробнѣе на выясненіи понятія о критикѣ въ ея цѣломъ, однако намѣчаютъ такое краткое ея опредѣленіе: «подробный анализъ сужденій, которыя ведутъ отъ вещественнаго констатирования документовъ къ познанію фактовъ есть одна изъ главныхъ частей исторической методологіи; это -- область критики» ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, придавая одной части критики задачу такого «вещественнаго констатирования документовъ» (т. е. удостовѣренія ихъ фактичности), другую часть критики вышеозначенные ученые опредѣляютъ, какъ долженствующую установить, «что въ документѣ можетъ быть принято, какъ истинное» ³⁾. Несомнѣнно, что опредѣленія критики и Бернгейма, и Ланглуа-Сеньобоса очень близки между собой по существу, съ одной стороны, а съ другой—такое опредѣленіе не было ими только впервые построено, а строилось таковымъ-же въ его основныхъ чертахъ и ранѣе; это уже было отмѣчено ⁴⁾. Однако, въ послѣднее время въ это опредѣленіе было внесено существенное дополненіе, опредѣленно его видоизмѣнившее въ сторону дальнѣйшаго его развитія и большаго выясненія. Былъ указанъ моментъ, о которомъ у Бернгейма есть только не-

¹⁾ См. Bernheim. Lehrbuch der hist. Meth., Leipzig. 1908. S. 324 и 325.

²⁾ Langlois et Seignobos. Introduction aux études historiques. p. 48. Quatrième édition.

³⁾ Ib. p. 117—118.

⁴⁾ См. Лаппо-Данилевскій. Методологія исторіи. Т. II-й. Стр. 519 и 520, примѣч.

ясный намекъ, моментъ, опредѣляющій критическое разсмотрѣніе источника, какъ отнесеніе его къ нѣкоторой научной цѣнности, которую можно характеризовать, какъ «фактическую» истину¹⁾.

Именно изъ такого пониманія исторической критики, мы и будемъ исходить въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ.

Итакъ, критика должна установить дѣйствительность данныхъ, даваемыхъ источниками, выдѣлить въ источникѣ, что можетъ быть принято, какъ дѣйствительно бывшее, какъ истинное, и всѣмъ этимъ она «опредѣляетъ научную цѣнность источника для построенія дѣйствительности, что она и можетъ сдѣлать только путемъ отнесенія его къ научной цѣнности, называемой «фактической истиной» (Лаппо-Данилевскій). Однако, можетъ-быть, съ одной стороны, остается несовсѣмъ строго опредѣленнымъ понятіе о «фактической истинѣ»; съ другой стороны, можетъ-быть, надо болѣе выдѣлить процессъ отнесенія къ цѣнности, который несомнѣнно присутствуетъ, — и съ основнымъ его значеніемъ, — въ исторической критикѣ. Остановимся сначала на первомъ.

Если изслѣдователь беретъ въ поле своего критическаго разсмотрѣнія тотъ или иной историческій источникъ, то онъ никогда его не разсматриваетъ во всей полнотѣ его отношеній къ его окружавшей (и окружающей отчасти) реальности; вѣдь, даже самый простой историческій фактъ, самая небольшая часть такой реальности, сложенъ до безконечности, и брать его во всей многогранности его неопредѣленно большой сложности будетъ едва-ли возможнымъ для изслѣдователя. Такой самый простой, самый элементарный историческій фактъ, вѣдь, въ концѣ концовъ всегда возможно разложить на еще болѣе простые, такъ-какъ каждый фактъ историческій является всегда субсуммированіемъ ряда регистрированныхъ внѣшнихъ воспріятій (конечно, дошедшихъ до изслѣдователя только въ ихъ передачѣ) путемъ пользованія тѣми или иными общими понятіями, взятыми изъ сферы общезначимаго человѣческаго знанія данной эпохи. Это легко вскрыть на примѣрѣ самаго элементарнаго историческаго факта: Петръ Великій умеръ въ 1725 г. Въ этомъ фактѣ, съ одной стороны, еще современниками Петра отмѣченъ рядъ

¹⁾ См. Лаппо-Данилевскій. Методологія исторіи. Т. II. Стр. 518—523.

тѣхъ внѣшнихъ воспріятій, которыя въ ихъ общемъ подводятся подъ понятіе о смерти, понятіе, являющееся уже нѣкоторымъ сложнымъ продуктомъ нашего мышленія: съ другой стороны, тутъ самая дата этого событія образована путемъ субсуммированія цѣлаго комплекса разнаго рода внѣшнихъ воспріятій подъ нѣкоторое, достаточно сложное, построеніе нашего мышленія изъ сферы временныхъ отношеній явленій. Слѣдовательно, мы въ состояніи этотъ крайне простой историческій фактъ разложить еще на рядъ болѣе простыхъ, беря болѣе простые понятія (хотя-бы болѣе частные по отношенію понятія о смерти) и соотвѣтственно подъ ними субсуммируя только нѣкоторыя, соотвѣтственныя имъ внѣшнія воспріятія. Такого рода возможность раздѣленія самаго даже элементарнаго историческаго факта на рядъ его составляющихъ еще болѣе простыхъ фактовъ въ большинствѣ случаевъ можетъ идти очень глубоко; а если такъ, то понятно, какъ даже не особенно сложный историческій фактъ возможенъ къ неопредѣленно длинному послѣдовательному разложенію его на факты простѣйшіе, въ результатѣ дающіе изслѣдователю неопредѣленно большой комплексъ, едвали въ его цѣломъ и его сложности уловимый сознаніемъ историка.

Если въ подобномъ положеніи мы находимся по отношенію даже къ такой простѣйшей части реальности, каковой является несложный отдѣльный историческій фактъ, то всѣ вышесказанныя разсужденія остаются тѣмъ болѣе въ полной силѣ по отношенію ко всей реальности вообще, въ ея цѣломъ, хотя-бы и отграниченной тѣми или иными хронологическими границами. Слѣдовательно, при критическомъ процессѣ невозможно имѣть въ виду вообще всю реальность: по отношенію къ ней вѣдь, очевидно, изслѣдователь не будетъ въ состояніи разсматривать изучаемый имъ матеріалъ. Но есть-ли въ этомъ необходимость? Вѣдь, въ изучаемыхъ историческихъ данныхъ изслѣдователь обращаетъ вниманіе,—принимаетъ въ свою работу,—только и исключительно тѣ стороны этихъ данныхъ, которыя являются относящимися такъ или иначе до той темы-задачи, которую себѣ ставитъ изслѣдователь,—иными словами,—эти стороны опредѣляются тѣмъ интересомъ, который направляетъ историка въ ходѣ его работы.

Вопросъ объ интересѣ, какъ о чемъ-то руководящемъ въ дѣятельности изслѣдователя-историка поднять и опредѣленно по-

ставленъ послѣднее время, если не ошибаемся, Ed. Meyer'омъ ¹⁾. Нельзя не раздѣлять его соображеній въ этомъ направленіи и его утвержденія, что не дѣло историка-методолога разбираться въ психологическихъ и иныхъ основаніяхъ законности существованія такого интереса: это въ исторической методологіи надо просто принимать, какъ наличный фактъ, существованіе котораго, необходимое присутствіе котораго при работѣ у каждого историка-ислѣдователя едва-ли возможно отрицать уже по одному тому, что внѣ интереса не строится изслѣдователемъ конкретная тема-задача его работы, а внѣ такой темы-задачи едва-ли возможно какое-либо научное историческое построеніе.

Такимъ образомъ, изучая данный источникъ, не во всей полнотѣ его отношеній къ реальности вообще долженъ ставить его въ своей критической работѣ изслѣдователь: онъ беретъ только такую реальность, которая всецѣло опредѣляется научнымъ интересомъ историка, и только въ отношеніе къ *такой* реальности, которая и будетъ уже тогда «фактической истиной», онъ такъ или иначе устанавливаетъ имъ критикуемый источникъ. Слѣдовательно, самое понятіе о фактической истинѣ въ исторической критикѣ опредѣляется только такъ, какъ то предугадываетъ интересъ изслѣдователя.

Итакъ, та фактическая истина, по отношенію которой изслѣдователь ставитъ критикуемый источникъ въ тѣхъ или иныхъ его частяхъ, конструируется изъ частей реальности, взятыхъ подъ воздѣйствіемъ индивидуальнаго, данному историкъ присущаго, формулированнаго интереса.

Въ этой формулировкѣ своего интереса изслѣдователь обычно едва-ли можетъ избѣжать того, чтобы не опираться при этомъ на сложныя, ранѣе и независимо созданныя понятія, долженствующія быть, конечно, общезначимыми при исторической работѣ научнаго характера. Обратимся къ примѣру. Разсматривая тотъ или иной документъ законодательнаго характера въ Россіи въ эпоху Петра Великаго, не въ отношеніи ко всей вообще реальности данной эпохи будетъ историкъ вести свое изученіе. Онъ выберетъ изъ этой реальности только то, что такъ или иначе относится къ его

¹⁾ См. Ed. Meyer. Zur Methodik und Theorie der Geschichte.

формулированному интересу; и если таковымъ будетъ изученіе законодательной дѣятельности Петра Великаго, то историкъ будетъ имѣть въ виду только ту сторону реальности, которая подходит или можетъ быть подведена такъ или иначе подъ понятіе о законодательной дѣятельности Петра. И если это понятіе является (а оно именно таково и есть) независимымъ и сложнымъ продуктомъ познавательной дѣятельности историка, то тѣмъ самымъ на полученной путемъ отбора на основаніи этого понятія какъ-бы частичной реальности, фактической истинѣ, всегда и неизбѣжно будетъ лежать отпечатокъ познавательной творческой дѣятельности или даннаго историка самого, или со стороны имъ воспринятой; и если пониманіе того, какой актъ является законодательнымъ, и пониманіе о такомъ актѣ именно въ Петровскую эпоху явится въ критическомъ процессѣ у историка общезначимымъ и общеобязательнымъ, тогда будутъ и общеобязательны его критическія разсужденія, и тѣмъ самымъ они явятся вполне научными. Только въ отношеніи къ именно такъ построенной фактической истинѣ изслѣдователь и будетъ ставить имъ изучаемый источникъ.

Итакъ, прежде всего та фактическая истина, та дѣйствительность, по отношенію къ которой изслѣдователь при критическомъ процессѣ разсматриваетъ критикуемый матеріалъ историческій, строится необходимо съ помощью и участіемъ продуктовъ обобщающей познавательной дѣятельности историка, долженствующихъ быть общезначимыми и общеобязательными для научности въ построеніи необходимой изслѣдователю фактической истины. Фактическая истина, слѣдовательно, всегда является въ исторической критикѣ, во-первыхъ, опредѣленно индивидуальной по содержанію своему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а, во-вторыхъ, всегда въ существѣ своемъ строится при посредствѣ данныхъ изъ общей познавательной дѣятельности человѣчества, чѣмъ всегда вносится нѣкоторая условная относительность въ ея сущность; если это такъ, то фактическая истина не является въ построеніи своемъ чѣмъ-то безотносительно неизмѣннымъ, абсолютно и одинаково точно понимаемымъ для всего человѣчества всѣхъ временъ; наоборотъ, она, неизбѣжно строясь, какъ было выяснено выше, носить въ себѣ элементы относительности и условности, но, конечно, не произвольно субъективной, а

обязательно общезначимой для той эпохи и той культуры, къ которой принадлежит историкъ-ислѣдователь. Отнесеніемъ историческаго матеріала къ такъ строяемой цѣнности и занята историческая критика въ ея цѣломъ.

Только-что выше нами указанныя основныя черты фактической истины въ исторической критикѣ уже предопредѣляютъ самый процессъ такого отнесенія, процессъ исторической критики въ его основныхъ моментахъ.

Говоря о критическомъ процессѣ, мы употребляли выраженіе: «отнесеніе въ фактической истинѣ». Мы только что пытались выяснить понятіе о фактической истинѣ въ исторической критикѣ, но остается неяснымъ, что должно подразумѣвать подъ терминомъ «отнесеніе къ...» Постараемся попытаться развить его содержаніе. Говоря краткою формулой, отнести данный источникъ (или матеріалъ вообще) къ фактической истинѣ значитъ установить сужденіе о томъ, какъ, въ чемъ и насколько все и всякое (внутреннее и внѣшнее) содержаніе источника можетъ соответствовать той мѣрѣ, тѣмъ требованіямъ, которыя данная, индивидуальная (другой, мы видѣли, не можетъ быть) фактическая истина ставить и предъявлять. Фактическая истина, мы видѣли, въ той или иной своей индивидуальности опредѣляется интересомъ изслѣдователя, его темой-задачей; а тѣмъ самымъ, слѣдовательно, приходится въ критическомъ процессѣ разсматривать, что въ содержаніи источника можетъ послужить къ разрѣшенію этого интереса, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ это является для изучаемаго источника возможнымъ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и дать отвѣтъ на основную задачу исторической критики. Но до этого момента критической работы, ради его надлежащаго выполненія логически необходимымъ является возможно полно, точно и ясно представить себѣ, выявить, что заключается въ источникѣ, т. е. его наивозможно полно охарактеризованное содержаніе. Только имѣя точно опредѣленное знаніе всей возможно полной характеристики источника, только ясно зная, что данный матеріалъ изъ себя представляетъ въ возможныхъ деталяхъ, только въ такомъ случаѣ мы будемъ въ состояніи *затѣмъ* уже приступить къ собственно «отнесенію» его къ фактической истинѣ.

Исслѣдователь, вѣдь, долженъ возможно полно, точно и ясно представлять себѣ, чѣмъ въ его опредѣляющихъ чертахъ является

передъ нимъ имѣющійся источникъ. Если имѣть въ виду обобщенный примѣръ, то историкъ-ислѣдователь долженъ точно и возможно подробно выяснить автора, время происхожденія, составъ, сохранность, оригинальность, подлинность, обстановку происхожденія источника и т. п., словомъ — дать его полную характеристику, и уже только тогда историкъ будетъ въ состояніи поставить этотъ источникъ въ то или иное опредѣленное отношеніе къ той фактической истинѣ, о которой мы говорили выше.

Итакъ, критическій процессъ во всемъ его объемѣ распадается на два момента: первый моментъ, наиважнѣйшій, будетъ посвященъ собственно отнесенію данного источника къ фактической истинѣ, а второй моментъ будетъ посвященъ составленію возможно полной и точной характеристики критикуемаго источника. Несомнѣнно, второй моментъ долженъ предшествовать первому. А сообразно этому, слѣдовательно, мы можемъ разбить критику на двѣ основныя части: 1) характеристику источника и 2) собственно отнесеніе его къ фактической истинѣ или оцѣнку.

Въ современной методологической литературѣ существуетъ иное болѣе или менѣе общепринятое подраздѣленіе исторической критики на два основныя отдѣла: критики внѣшней и критики внутренней (хотя надо замѣтить, что не совсѣмъ одинаковое содержаніе вливается въ каждое изъ этихъ двухъ основныя подраздѣленій). Бернгеймъ, подраздѣляя всю историческую критику на внѣшнюю (*äussere*) и внутреннюю (*innere*), даетъ первой изъ нихъ слѣдующее опредѣленіе: «мы, историки, считаемъ низшей, или внѣшней, критикой, — въ отличіе отъ филологическаго словоупотребленія, — сужденіе о томъ, допустимы-ли вообще и насколько допустимы тѣ или иныя данныя (*Daten*) въ качествѣ свидѣтельствъ (*Zeugnisse*)» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ названный ученый даетъ болѣе распространенное опредѣленіе: матеріалъ, даваемый источниками «внѣшняя критика обнаруживаетъ и его контролируетъ; она судитъ о фактичности (*Tatsächlichkeit*) такого матеріала, т. е. о томъ, допустимы-ли отдѣльные источники вообще, какъ историческія свидѣтельства, — по крайней мѣрѣ, на сколько допустимы, —

¹⁾ E. Bernheim. *Lehrbuch der histor. Methode...* S. 325.

и такъ обслѣдованные источники она направляетъ уже къ дальнѣйшему опредѣленію ихъ» ¹⁾. Устанавливая то-же дѣленіе критики на вѣшнюю и внутреннюю (*critique externe* и *critique interne*), первой изъ нихъ Ланглуа-Сеньобосъ даютъ слѣдующее опредѣленіе: «возстановленіе текстовъ, критика происхожденія, собраніе и классификація провѣренныхъ документовъ составляетъ обширную область для критики вѣшной, или критики эрудиціи (*critique d'érudition*)» ²⁾.

Сравнивая эти опредѣленія для критики вѣшной, данныя въ наше время историками-методологами, нельзя не замѣтить, что почти по существу одинаковое содержаніе вливаютъ Бернгеймъ и Ланглуа-Сеньобосъ въ терминъ «вѣшная критика». Вѣдь, Бернгеймъ намѣчаетъ, исходя изъ своего общаго опредѣленія вѣшной критики, три конкретныя ея задачи: первая — провѣрка подлинности источника, вторая — опредѣленіе источниковъ со стороны ихъ вѣшности, и третья — выясненіе оригинальнаго текста и его возстановленіе съ вѣшной и внутренней стороны (*Rezensiön und Edition*) ³⁾. Если сравнить такъ формулированныя задачи вѣшной критики Бернгеймомъ съ опредѣленіемъ Ланглуа-Сеньобоса, то совершенно очевидно, что одни и тѣ-же въ ихъ существѣ и общемъ начертаніи процессы объединяются названными учеными подъ общимъ названіемъ вѣшной критики. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ сущности въ этомъ опредѣленіи идетъ дѣло исключительно объ источникѣ или объ источникахъ (или ихъ частяхъ); цѣлью ставится работа надъ источниками, какъ цѣльными и отдѣльными единицами; вопросы о тѣхъ собственно историческихъ фактахъ, которые въ томъ или иномъ мѣстѣ источника такъ или иначе свидѣтельствуются, не входятъ въ предѣлы, во всякомъ случаѣ основнаго, момента въ вышеизложенномъ опредѣленіи вѣшной критики. Это разсужденіе послужило основаніемъ къ тому, чтобы въ послѣднее время выдвинуть, какъ особую часть критики, — критику подлинности, — имѣющую своей задачей обслѣдованіе источника, только и исключительно источника въ его цѣломъ, совершенно не

¹⁾ Op. cit. S. 330.

²⁾ Langlois-Seignobos. Introduction aux études historiques. P. 89.

³⁾ Bernheim. Lehrbuch... S. 330 и 450.

касясь вопроса о тѣхъ свидѣтельствахъ фактическихъ самихъ по себѣ, которыя въ источникахъ заключаются ¹⁾.

Вторую часть критики обычно называютъ внутренней критикой. Бернгеймъ даетъ ей такое сжатое опредѣленіе: «мы считаемъ высшей, или внутренней, критикой сужденіе о томъ, какъ свидѣтельства (Zeugnisse) [источниковъ] относятся къ дѣйствительности (Tatsachen), т. е. какія свидѣтельства допустимы, вѣроятны, возможны и [какія] нужно отвергнуть» ²⁾. Далѣе названный ученый даетъ болѣе подробное опредѣленіе этой части критики. «Задача (Aufgabe) внутренней критики состоитъ въ томъ,—говоритъ Бернгеймъ,—чтобы провѣрить,—по примѣру судебного слѣдователя,—что изъ фактичности прошлаго можетъ быть констатировано или свидѣтельскими показаніями, или непосредственными слѣдами (Spuren) этого прошлаго»; «внутренняя критика провѣряетъ доказательную силу единичныхъ слѣдовъ и свидѣтельскихъ показаній, контролируетъ одни другими, взвѣшиваетъ ихъ одни по отношенію къ другимъ. Доказательная сила, цѣнность всѣхъ свидѣтельствъ покоится, съ одной стороны, на отношеніяхъ ихъ къ фактамъ самимъ въ себѣ (an sich), а съ другой стороны, на отношеніяхъ ихъ другъ къ другу, поскольку они взаимно другъ съ другомъ согласуются или нѣтъ» ³⁾. Langlois и Seignobos даютъ такое опредѣленіе внутренней критики: эта «критика предназначена для того, чтобы различить въ документѣ все то, что можетъ быть въ немъ принято, какъ истинное (compte vrai)» ⁴⁾. Въ этомъ опредѣленіи, несомнѣнно, подъ словами «все то», надо подразумѣвать всѣ свидѣтельства находящіяся въ данномъ источникѣ. Нетрудно видѣть, что общій контуръ опредѣленія внутренней критики у всѣхъ названныхъ ученыхъ тождественъ, и съ такой точки зрѣнія можно опредѣлить внутреннюю критику, пользуясь терминами Лаппо-Данилевскаго, какъ процессъ отнесенія историческихъ свидѣтельствъ, почерпнутыхъ изъ источниковъ, къ фактической истинѣ.— Тутъ нельзя не замѣтить, что критика внутренняя будетъ имѣть дѣло почти исключительно съ отдѣльными свидѣтельствами объ

¹⁾ См. Лаппо-Данилевскій, Методологія исторіи. Т. II.

²⁾ Bernheim. Lehrbuch... S. 325.

³⁾ E. Bernheim. Op. cit. S. 464—465.

⁴⁾ Langlois et Seignobos. Op. cit. p. 89.

историческихъ фактахъ, заключенными въ тѣхъ или иныхъ источникахъ; слѣдовательно, выполнѣ правильно и болѣе рачіонально эту, вторую, часть критики разсматривать именно и преимущественно съ этой точки зрѣнія, какъ и сдѣлано было послѣднее время; въ такомъ случаѣ эта половина исторической критики получала названіе «критики достовѣрности»¹⁾.

Таково то основное дѣленіе, которое существуетъ нынѣ въ методологической литературѣ по отношенію къ исторической критикѣ. Однако, необходимо имѣть въ виду, что оно является сходнымъ у большинства современныхъ историковъ-методологовъ только въ крупнѣйшихъ, хотя и основныхъ, чертахъ; въ болѣе мелкихъ моментахъ тотъ-же Бернгеймъ сильно расходится съ тѣми-же Ланглуа и Сеньобосомъ при построеніи понятій о каждой изъ выше названныхъ частей критики.

Но мы оставляемъ въ сторонѣ эти менѣе значительныя разногласія, какъ не могущія войти въ сферу нашего разсмотрѣнія въ предлагаемой небольшой статьѣ.

Мы уже указали на тѣ основныя два момента на которые можетъ быть раздѣленъ съ нашей точки зрѣнія критическій процесъ; мы видѣли, что это раздѣленіе будетъ исходить всецѣло изъ самой сущности понятія объ исторической критикѣ. Первый моментъ мы назвали характеристикой источника, а второй—собственно отнесеніемъ къ фактической истинѣ, или оцѣнкой.

Дать возможно полную и точную характеристику источника значить собрать возможно большее количество и возможно точныхъ и ясныхъ данныхъ, которыя-бы могли такъ или иначе свидѣтельствовать объ этомъ источникѣ, давая въ своей совокупности всю сумму знаній, которыя могутъ служить къ возможно детальному пониманію изслѣдователемъ каждой самой мелкой черточки источника; вѣдь, повторимъ, только такое знаніе источника и дастъ возможность изслѣдователю точно и опредѣленно выполнить второй основной моментъ критическаго процесса, т. е. отнести разсматриваемый источникъ къ фактической истинѣ. Этотъ первый моментъ критическаго процесса несомнѣнно можетъ быть подраздѣленъ

¹⁾ См. Лаппо-Данилевскій *Op. cit.*

на части въ свою очередь, причемъ это раздѣленіе опять-таки должно исходить изъ внутренняго существа процесса характеристики. Съ такой точки зрѣнія можно намѣтить двѣ части характеристики: 1) характеристика источника съ его внѣшней стороны и 2) характеристика источника съ его внутренней стороны (со стороны содержанія). У каждаго источника можно отличать его внѣшнія данныя, которыя несомнѣнно могутъ дать иногда многое для его характеристики, такъ-какъ она не была-бы достаточно полна безъ данныхъ о чисто внѣшней, въ прямомъ смыслѣ этого слова, сторонѣ источника: тотъ матеріаль, изъ котораго сдѣланъ источникъ (или на которомъ онъ начертанъ, если дѣло идетъ о письменномъ источникѣ),—та внѣшняя манера, внѣшніе приемы, которыми сдѣланъ источникъ (стиль въ художественномъ произведеніи, палеографическія данныя въ письменномъ памятникѣ, техническіе приемы въ вещественномъ остаткѣ быта и т. д.),—исторія его происхожденія и его храненія до момента критики,—его внѣшняя провеніенція,—(одинаково, будь то вещественный остатокъ или традиція)—вотъ тѣ главнѣйшія основныя части, которыя намѣчаются въ характеристикѣ источника съ внѣшней его стороны.

Въ только-что изложенномъ критическомъ моментѣ только и исключительно будутъ имѣться въ виду данныя даваемые источникомъ внѣ *всякаго* отношенія къ его внутреннему содержанію, его смыслу. Характеристика-же источника съ внутренней его стороны будетъ имѣть дѣло *исключительно* уже съ его смысломъ, его содержаніемъ. Изученіе всей совокупности условій, при которыхъ создавался источникъ настолько, насколько это должно было такъ или иначе отразиться на его содержаніи,—внутренняя провеніенція,—изученіе языка и его особенностей у даннаго источника съ точки зрѣнія морфологіи, фонетики, синтаксиса и стиля для точнаго и яснаго пониманія его смысла (если это — источникъ письменный),—сопоставленіе одной съ другой и съ данными, взятыми со стороны, отдѣльныхъ частей источника въ ихъ смыслѣ—содержаніи для выясненія дальнѣйшихъ чертъ къ характеристикѣ источника въ его цѣломъ со стороны его содержанія,—вотъ тѣ главнѣйшія части, болѣе или менѣе основныя, которыя намѣчаются въ характеристикѣ источника съ внутренней его стороны. Однако мы видѣли, что уже

было разъ отмѣчено, что критическій процессъ, во-первыхъ, выясняетъ вопросъ о самомъ источникѣ *въ его цѣломъ*, какъ *даннаго единаго цѣла*, а во-вторыхъ, выясняетъ, насколько и въ какихъ частяхъ источника являются достовѣрными тѣ *отдѣльные* факты—данныя историческія, которыя могутъ-быть изъ него извлечены; первую задачу предоставляли критикѣ подлинности, а вторую—критикѣ достовѣрности. До сихъ поръ, давая наше дѣленіе характеристики источника, говоря о двухъ частяхъ этой характеристики, мы вѣдь именно и говорили все время только объ источникѣ въ его цѣломъ, о немъ, какъ данномъ *единомъ цѣломъ*; такимъ образомъ мы въ сущности говорили только объ одной части характеристики матеріала, о характеристикѣ источника только и исключительно въ его цѣльности, о характеристикѣ «подлинности», которая, значить, какъ мы видѣли, можетъ быть подраздѣлена на характеристику подлинности 1) съ внѣшней стороны и 2) съ внутренней стороны.

Для дальнѣйшей общей характеристики источника является необходимымъ дать еѣ и по отношенію тѣмъ *отдѣльнымъ даннымъ* историческимъ, которыя заключаются въ изучаемомъ источникѣ а, слѣдовательно, тутъ будетъ имѣться вторая основная часть общей характеристики, которую можно назвать, согласно только-что выше-указанному дѣленію, характеристикой «достоверности» матеріала. Въ этой части общей характеристики изслѣдователь будетъ имѣть дѣло уже только съ отдѣльными свидѣтельствами источниковъ, по возможности о каждомъ изъ нихъ собирая и подыскивая точныя данныя всякаго рода, могущія такъ или иначе освѣтить то или иное отдѣльное свидѣтельство матеріала со всѣхъ его сторонъ.

На такіе основные отдѣлы можетъ быть подраздѣлена первая часть критическаго процесса—общая характеристика матеріала.

Мы стремились показать выше, что вторая часть критическаго процесса состоитъ въ отнесеніи матеріала къ фактической истинѣ. Это дѣлается возможнымъ именно теперь, послѣ того, какъ намъ будетъ достаточно полно извѣстна характеристика источника въ ея цѣломъ. Только теперь можно будетъ отвѣтить точно на тѣ вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ совершается и опредѣляется отнесеніе къ фактической истинѣ. Вопросы эти въ ихъ болѣе или менѣе общемъ видѣ могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ: что въ

данномъ матеріалѣ соотвѣтствуетъ по своему существу данной фактической истинѣ, а потому должно быть принято изслѣдователемъ въ его дальнѣйшую работу, и наоборотъ, что явится въ матеріалѣ совершенно несоотвѣтствующимъ этой фактической истинѣ и должно быть откинуто изслѣдователемъ въ ходѣ его дальнѣйшей работы; насколько и какой именно сторонѣ фактической истины соотвѣтствуетъ какая и въ чемъ именно сторона матеріала принятаго изслѣдователемъ въ работу.

На разрѣшеніи этихъ вопросовъ оканчивается критическій процессъ и этимъ, думается, матеріалъ для дальнѣйшей исторической работы будетъ опредѣленъ, точно выясненъ въ его существѣ и оцѣненъ.

В. Веретенниковъ.

По поводу новаго типа семинарскаго пособія.

Сообщеніе В. М. Паниной ¹⁾ является частью общаго критическаго обслѣдованія Ланскаго Анонима, предпринятаго на Московскихъ В. Ж. К. въ 19^{11/12} акад. году.

Основнымъ пособіемъ было изданіе Анонима проф. Cartellieri, которое въ качествѣ оригинальной попытки предложить *новый типъ академическаго пособія* для изученія Среднихъ вѣковъ заслуживаетъ, на мой взглядъ, самаго широкаго вниманія.

До сихъ поръ, несомнѣнно, либо не дѣлали разницы между ученымъ и учебнымъ изданіями, либо считали, что изданіе *in usum scholarum* должно быть сокращеннымъ лишь воспроизведеніемъ «большого» т. е. ученаго изданія; еще чаще видѣли разницу семинарскаго пособія въ усиленномъ комментированіи, доходящемъ почти до популяризаціи. Cartellieri рѣзко порвалъ съ этой установившейся традиціей и очень счастливо избралъ иную, противоположную форму. Съ его точки зрѣнія семинарское изданіе (конечно не отрывка, а цѣлаго автора) должно явиться суррогатомъ *рукописнаго оригинала*, полнымъ и точнымъ его воспроизведеніемъ; какіе бы то ни было комментаріи принципиально исключены.

На первый взглядъ подобное предпріятіе можетъ казаться ошибочнымъ, страдающимъ солидной переоцѣнкой научно-рабочихъ силъ семинарскихъ участниковъ. Самъ Cartellieri еще не опубликовалъ результатовъ своихъ наблюденій; посему позволено будетъ сообщить данныя относительно указаннаго выше московскаго семинарія.

Пригодность типа выяснилась съ полной отчетливостью. Участники семинарія, поставленные сразу на почву исключительно текста, могли съ гораздо большей послѣдовательностью восходить отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному, такъ какъ эта градація вытекала изъ

¹⁾ «См. стр. 124».

существа дѣла, изъ самой наличности находящихся въ ихъ распоряженіи силъ, а не являлась программной, предугазанной. Сразу при этомъ, и опять-таки невольно, получился другой, еще болѣе крупный, плюсъ — *предварительное* ознакомленіе съ источникомъ въ *полномъ* его объемѣ. Обычное локальное комментированіе, увлекающее во все большія детали, невольно заслоняющее общее цѣлое, въ данномъ случаѣ, особенно на первое время, оказалось трудно примѣнимымъ. Лишь ознакомившись вчернѣ, въ видѣ *внѣсеминарскаго* еще чтенія, со *всѣмъ* Анонимомъ, можно было перейти къ детальному его разбору уже на самомъ семинаріи. Если же я такое общее, пока еще не критическое, ознакомленіе называю крупнымъ плюсомъ, то по слѣдующимъ соображеніямъ.

Нерѣдко вѣдь приходится досадовать на краткость семинарскаго года: чѣмъ интенсивнѣе критическій разборъ, тѣмъ *меньшую* часть источника удастся подвергнуть разбору. Отсюда — неизбежное явленіе, уже давно обратившее на себя вниманіе на Западѣ: источникъ въ *полномъ* его видѣ сталъ все болѣе исчезать предъ его *эксцерптомъ*¹⁾; историографическая освѣдомленность и начитанность невольно уступали мѣсто техническому навыку, приобретаемому лишь на частяхъ *частей*, а не на цѣлыхъ памятникахъ. Критическая техника и историческое знаніе неожиданно оказались въ крупномъ, какъ-будто неустранимомъ конфликтѣ, ибо нельзя было жертвовать ни тѣмъ, ни другимъ. Выходъ иногда находили въ такъ называемой «обязательной лекторѣ», введенной кое-гдѣ (между прочимъ, у покойнаго Monod) на Западѣ: помимо лекціонныхъ приобретений и семинарскихъ работъ стали требовать еще *домашнее чтеніе* одного или нѣсколькихъ авторовъ *полностью*. Такъ хотѣли возстановить нарушенное равновѣсіе между историографической и критической освѣдомленностью, сгладить неизбежную односторонность, результатъ все болѣе изощряющихся критическихъ приѣмовъ; хотѣли этимъ

¹⁾ Этимъ и объясняется преобладаніе пособій, составленныхъ изъ *отрывковъ*, противъ чего энергично выступили уже Langlois et Seignobos (Introduction... pp. 290, 291). — *Подборъ* текстовъ равносильнъ ихъ *толкованію*, т. е. всецѣло отражаетъ индивидуальныя склонности и особенности составителя. Яркимъ примѣромъ можетъ служить Quellenbuch sur Kulturgesch. des früheren deutschen Mittelalters, 1911, herausgeg. von W. Jahr, специально приуроченное къ лейпцигскому семинарію К. Дампрехта и наврядъ ли примѣнимое въ другомъ мѣстѣ.

поднять и утраченный было историческій вкусъ, воспрепятствовать тому широкораспространенному, къ сожалѣнію, явленію, что знаніе средневѣковыхъ авторовъ и интересъ къ нимъ стали замѣтно уменьшаться ¹⁾, и совершенно уже исчезли бывшие студенты-начетчики, имѣвшіе своихъ «излюбленныхъ» авторовъ.

Попытка введенія «обязательной лектуры» первоисточниковъ, — несомнѣнно интересное явленіе, надъ симптоматическимъ значеніемъ котораго нельзя не задуматься, въ общемъ все же не дала ожидаемыхъ результатовъ. Жаловались, больше всего, на внѣшнія затрудненія: на сложность контроля при большомъ количествѣ студентовъ, на невольную спѣшность и поверхностность повѣрочныхъ colloquievъ, на частые обходы и уклоненія, на внезапный интересъ къ источникамъ минимальнаго объема и т. д. Указывали также на нежелательную подневольность этой новой академической повинности, въ силу которой повышались не вкусъ и не пониманіе, а лишь формальныя требованія. Но еще значительнѣе, на мой взглядъ, были затрудненія чисто внутренняго характера: «обязательное чтеніе» не имѣло органической связи съ привычными уже академическими требованіями, а шло параллельно имъ. Если въ свое время настаивали на безусловной желательности точной, даже подчеркнутой, связи между курсомъ и практическими занятіями, то тѣ же соображенія можно было привести и относительно «исторической лектуры», — нужно было попытаться *слить* ее съ текущей академической работой.

Въ этомъ смыслѣ добровольно-необходимое, естественно-обязательное ознакомленіе съ полнымъ текстомъ, вызываемое не предписаніемъ, а существомъ дѣла, и названо было мною крупнымъ плюсомъ. Оно имѣетъ не только мѣстное, но и обще-педагогическое значеніе. Быть можетъ путемъ изданія памятниковъ некомментированнаго, «рукописнаго» типа и будетъ возстановленъ тотъ «энтузіазмъ чтенія авторовъ», о которомъ такъ увѣренно и красиво писали Michaud (Bibl. des Croisades. I Avertissement), Aug. Thierry (Lettres sur l'hist. de France, 7-e éd., 1842 pp. 21, 22) и всѣ

¹⁾ Отмѣченное выше изданіе — „Quellenbuch“ Jahr'a — кромѣ I части, текстуальныхъ отрывковъ, даетъ еще и II ч. — *переводы* этихъ отрывковъ, предназначая ихъ не только для средней школы!

представители «романтической» школы, эти замѣчательные цѣнители и подражатели былого историческаго стиля. Быть можетъ именно такимъ образомъ достигнута будетъ гармонія между частію и цѣлымъ, между средствомъ и цѣлью, между острымъ критическимъ проникновеніемъ и глубокой исторіографическою проникновенностью.

Оправдались на практикѣ и другія ожиданія, выставленныя уже самимъ Cartellieri. Несомнѣнно увеличилась, напримѣръ, въ виду полного отсутствія комментарія, всяческая самодѣятельность участниковъ. Находясь съ глазу на глазъ лишь съ «рукописью», семинарію пришлось продѣлать цѣликомъ всю обычную «издательскую» работу, разработать всѣ справки и разъясненія фактическаго (а, по особенностямъ Анонима, — и генеалогическаго), топографическаго, хронологическаго, лексическаго и стилистическаго свойства. Какъ разъ при этой кропотливой, но всегда поучительной, работѣ цѣликомъ выяснились какъ *содержательность* такъ и *пластичность* даннаго типа семинарскаго пособія: легко можно было, по желанію, отбѣнить любую разновидность критической работы, а, съ другой стороны, всѣ эти разнообразныя манипуляціи давали недюжинную школу и для «систематическаго сомнѣнія» (въ духѣ Фюстель-де-Куланжа), и для не менѣе систематическаго, хотя и постепеннаго, накопленія положительныхъ наблюденій. Ставится, такимъ образомъ, рядъ новыхъ и, думается, нужныхъ задачъ; но укрѣпляются и задачи прежнія, особенно разложеніе памятника на первоисточники какъ извѣстные, такъ и предполагаемые. При обычномъ типѣ пособій работа по опредѣленію первоисточниковъ нерѣдко распределяется очень неравномѣрно между руководителемъ и участниками семинарія; при типѣ же Cartellieri какъ разъ предварительная, «издательская» работа не только изоцряетъ вниманіе и критическую зоркость, но и даетъ уже извѣстную сумму твердо установленныхъ детальныхъ наблюденій, и разложенія текста, поэтому, является не новой и особливой задачей, а продолженіемъ и завершеніемъ всей предыдущей работы.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить что при «рукописномъ» пособіи наиболѣе просто достигается безусловно совмѣстная, общая работа. Ни рефератный, ни монологическій типъ семинарія не могутъ дать того общаго контакта, того непосредственнаго и непрестаннаго обмѣна

наблюденіями, той взаимной провѣрки, какіе въ данномъ случаѣ естественно вытекаютъ изъ самаго уже *типа* пособія.

При дальнѣйшихъ опытахъ, несомнѣнно, выяснятся и нѣкоторыя ограниченія. Не всѣ средневѣковые памятники, хотя бы только повѣствовательнаго характера, подойдутъ въ одинаковой мѣрѣ для изданія по типу Cartellieri. Отпадутъ, напримѣръ, прежде всего тѣ, которые имѣютъ *сложную* рукописную традицію. Тѣмъ определенное зато выдвигается большое количество памятниковъ, вполне подходящихъ. И невольно при этомъ припоминается та группа, которая представлена въ *одной* лишь рукописи, тѣмъ болѣе *памятники-автографы*. Дать для семинарскихъ занятій упрощенную (т. е. не фототипическую а лишь типографскую) репродукцію, напримѣръ, Дрезденскаго автографа Титмара,—значило бы дать не просто оригинальный текстъ виднаго средневѣковаго автора, но и ввести изучающаго въ самую, такъ сказать, келію хрониста, давая возможность присутствовать при самомъ процессѣ написанія хроники. Видѣть какъ основной, первоначальный текстъ послѣдовательно уснащается внесеніемъ новыхъ фактовъ (маргиналии), какъ происходитъ полировка стиля, какъ смѣняются авторъ и его сотрудники, какъ происходитъ окончательная редакція—настолько поучительно и цѣнно, что о значеніи подобнаго изданія говорить не приходится ¹⁾... Таково лишь одно изъ дальнѣйшихъ возможныхъ развитій типа, предложеннаго Cartellieri, который и въ теперешнемъ своемъ простѣйшемъ видѣ представляетъ столь значительную педагогическую цѣнность, что широкое его примѣненіе болѣе чѣмъ желательно. Ибо—le vrai rôle de l'historien c'est de mettre en contact les gens de maintenant avec les documents originaux sans y rien mêler de lui-même ²⁾.

Д. Елоровъ.

¹⁾ Притомъ непреодолимыхъ, даже просто значительныхъ, типографскихъ затрудненій для подобнаго воспроизведенія не предвидится.

²⁾ Langlois «La vie en France au Moyen-âge». 1908. p. III.

Новый источник *Anonymi Laudunensis*.

Chronicon Universale Anonymi Laudunensis — довольно любопытный памятник средневековой литературы, ценный (хотя это звучит парадоксом) в силу уже самых своих недостатков или, вернее, того, что принято считать недостатком всякого литературного и тем более исторического труда. — Автор, человек слабой школьной подготовки, не сумел справиться с накопившимся у него материалом, не сумел этот материал переработать по своему, следовательно обезличить сухой книжной тенденцией, задвинуть в узкие рамки феодально-клерикального кругозора. Быть может, именно потому, его работа — яркая жизненная картина богатой противоречиями переходной эпохи 2-й половины XII и первой четверти XIII столетий¹⁾.

Не чувствуется прежде всего выдержанного стройного мирозерцания. Наряду с откровенным презрением к «*populus indisciplinatus*»²⁾, «*rusticana multitudo*»³⁾, звучит чисто плебейская речь епископа — мужика в ответ гордому своим происхождением Генриху, архиепископу Реймскому: «*Non minoris nobilitatis vel potencie fuerunt in archa Noe parentes mei quam tui*»⁴⁾. Это своего рода доллардовское — «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянин?».

Наряду с заявлением о безграничной власти папы, власти свергать и возводить императоров⁵⁾ — почти акаеист раскольнику

1) Автор ведет свою хронику «*ab origine mundi*», но приблизительно до половины XII в. только пересказывает других хронистов. (См. *Monumenta Germaniae Scriptores* 26 т. 442—443 ст. Предисл. Waitz'a).

2) См. *Chr. Un. An. Laud.* 28 ст. изд. A. Cartellieri.

3) *Ibid.* 27 ст.

4) *Ibid.* 24 ст.

5) *Ibid.* 6 ст. 1161 г.; 72 ст. 1212 г.

Вальду¹⁾, волку въ овечьей шкурѣ, совратителю многихъ «малыхъ сихъ», съ точки зрѣнія Римской Церкви.

И все это богатство коллизій, красочность настроеній меньше всего можно приписать сознательной волѣ автора. Основной тонъ его, клирика и феодала по своимъ симпатіямъ, слишкомъ ясенъ, чтобы считать его невольныя про и contra—своего рода *Sic et non*, только перенесенными съ отвлеченной богословской почвы въ толчею жизненныхъ интересовъ...

Къ сожалѣнію, этотъ цѣнный памятникъ оставался до сихъ поръ безъ надлежащаго разсмотрѣнія²⁾; и хотя существуютъ двѣ рукописи Ланскаго анонима³⁾,—мы не имѣемъ еще полного изданія его ни отдѣльной книгой, ни въ собраніи хроникъ.

Значительная часть анонима съ 1165 по 1180 г. (впрочемъ съ большими выпусками относительно итальянскихъ, нѣмецкихъ и восточныхъ дѣлъ) напечатана въ XIII т. (677—683 ст.) *Rerum Gallicarum Scriptores* (Bouquet), а съ 1181 по 1219 *ibid.* XVIII т. (702—720 ст.)⁴⁾.

Часть отъ 1066 по 1219 г. издана G. Waitz'емъ въ *Monumenta Germaniae Scriptores* (XXVI. 442—457) болѣе тщательно,

¹⁾ *Ibid.* 20—22 ст. 1173 г. Разсказъ объ обращеніи Вальда носитъ характеръ легенды о святомъ. Повидимому онъ заимствованъ изъ вальденскихъ круговъ или отъ *pauperes catholici*, съ чѣмъ согласенъ и Н. Böhmer (см. *Realenc. für prot. Theol.* т. XX, статью *Waldenser* ст. 808).

²⁾ Историки, правда, охотно черпали отсюда матеріалъ для своихъ общихъ и специальныхъ изслѣдованій. Напр. Lavissee *Histoire de France*, Luchaire *Les communes françaises*, Cartellieri *Philipp II August König von Frankreich*, Böhmer въ *Realenc. für prot. Theol.* (XX т. статья *Waldenser*); а изъ старыхъ—Hurter *Innocenz III*, Dieckhoff *Die Waldenser*, Buss *Der heil. Thomas v. Canterbury* и т. д.

³⁾ (1=Berlin, Phill. 144, früher Cheltenham Nr. 1880. 13 Jahrh. Anf., beschrieben bei V. Rose, Verzeichnis der lateinischen Handschriften der Kgl. Bibliothek. zu Berlin 1 (Berlin 1893), 326.

2=Paris, Bibliothèque nationale, ms. lat. 5011 (Colbert. 439), 13 Jahrh. (*Chr. Un. An. Laud. Vorwort.* A. Cartellieri, III ст.).

⁴⁾ Надо замѣтить, что самое изданіе, въ основу котораго положена Парижская рукопись (при чемъ Берлинская, повидимому, даже была неизвѣстна издателямъ), отличается большими неточностями. Текстъ мѣстами (См. *R. G. S.* 18 т. 706—707 ст. 1186 г.) прямо таки искаженъ перестановкой отдѣльных частей и исправленіемъ нѣкоторыхъ фразъ, безсмысленныхъ по мнѣнію издателей.—Такъ, напр. очень характерное мѣсто хроники, гдѣ авторъ путаетъ порядокъ папъ: *Urbano successit Clemens. Clemens papa 169.* (*Chr. Un. An. Laud.* 41 ст. изд. Cart.) замѣнено исправленнымъ: *Urbano Papae successit Gregorius. Gregorius iste fuit hujus nominis octavus.*

но опять таки съ большими выпусками, причемъ въ основу изд. положенъ на этотъ разъ Берлинскій кодексъ. (См. предисловіе къ Анониму *ibid.* 442 ст.).

Наконецъ, самое послѣднее изданіе (1909 г.) проф. Іенскаго университета—А. Cartellieri¹⁾, выпущенное отдѣльной книгой, обнимаетъ періодъ съ 1154 г. до конца хроники *in integro*.

Въ основу его также положенъ Берлинскій кодексъ, но въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ тщательнѣйшимъ образомъ отмѣчены разночтенія обѣихъ рукописей²⁾.

Вся же литература о Ланскомъ анонимѣ сводится къ тремъ краткимъ предисловіямъ—ученаго бенедиктинца конгрегациі Св. Мавра (*R. G. S.* 13 т. 677—78 ст.); Brial'я (*ibid.* 18 т. 702—703 ст.) и Waitz'a (*M. G. SS.* 26 т. 442—43 ст.); такъ какъ Cartellieri, предназначая свое изданіе главнымъ образомъ для семинарскихъ занятій, намѣренно избѣгаетъ какихъ бы то ни было предрѣшеній, сопоставленій и вообще поясненій (см. *Chr. Un. An. Laud. Vorwort* IV ст.). Однако онъ не выдерживаетъ принятаго тона и нѣсколько предвосхищаетъ результаты изслѣдованія слѣдующимъ замѣчаніемъ: *Quellenkritisch ist bekannt, dass nach der Mitte des 12 Jahrhunderts die Entlehnungen aus bekannten Quellen bald ganz aufhören.*

И какъ разъ это замѣчаніе оказывается мало обоснованнымъ и прямо таки невѣрнымъ, если даже допустить, что оно не касается заимствованія Ланской хроники изъ *Continuatio Praemonstratensis* (такъ какъ послѣднее по времени тѣсно подходитъ къ половинѣ XII в.³⁾; а близость Анонима въ 1213—1216⁴⁾ со II-мъ *Con-*

¹⁾ Текстъ обработалъ Dr. Wolf Stechele.

²⁾ Впрочемъ, и здѣсь не всегда соблюдена буквальная точность напр. ст. 1-я *Chr. Un. An. Laud.* Примѣчанія: 1) *Lud.* 2 fast immer—2) *Balduin* 2 fast immer—3) *Jher.* 2 fast immer. Изд. говоритъ: почти всегда, слѣдовательно онъ не *вездѣ* указываетъ разночтенія Париж. код. Кромѣ того, въ изд. встрѣчаются и другія погрѣшности—пропуски отдѣльных словъ и даже цѣлыхъ фразъ. Примѣры см. ниже.

³⁾ См. *M. G. SS.* 6 т. 447—456 ст. На это заимствование повидимому намекаетъ самъ издатель въ слѣдующемъ абзацѣ: *Im Texte entlehnte Stellen kenntlich zu machen... habe ich absichtlich vorläufig unterlassen.*

⁴⁾ Хронологическія границы здѣсь указаны приблизительно, такъ какъ мѣстами нѣкоторая близость уже наблюдается относительно 1211—1212 г. и также 1217—1219. (*M. G. SS.* 26 т. 278—284).

tinuatio Roberti Autissiodorensis Chronici объяснить вмѣстѣ съ G. Waitz'емъ ¹⁾ экскерпціей продолжателя Роберта изъ *Chr. Un. An. Laud.*

Все же взгляды Cartellieri въ достаточной степени опровергается уже тѣмъ, что описаніе Іерусалима, помѣщенное въ Ланской хроникѣ подъ 1186 г., является несомнѣннымъ заимствованіемъ изъ *Gesta Francorum Expugnantium Jherusalem* ²⁾.

На этомъ экскерптѣ мы и остановимся, такъ какъ онъ даетъ рѣдкую возможность не только отмѣтить новый источникъ Анонима, но и прослѣдить самую манеру его списательства.

Надо оговориться, что авторъ *Gesta*, имени котораго мы также не знаемъ ³⁾, въ свою очередь не является самостоятельнымъ и заимствуетъ свой матеріалъ изъ широко въ то время распространенной *Historia Jherosolymitana* Фульхерія Шартрскаго ⁴⁾; но какъ разъ въ описаніи онъ сильно отклоняется отъ *Historia*. Короткій и сухой рассказъ Фульхерія, недостаточно, уснащенный евангельскими цитатами и воспоминаніями изъ жизни Спасителя, не могъ удовлетворить вкуса благочестиваго читателя, и потому, вѣроятно,

¹⁾ См. его предисловіе *M. G. SS.* 26 т. 442—443 ст.

²⁾ Дальнѣйшія изслѣдованія, быть можетъ, обнаружатъ и еще рядъ подобныхъ заимствованій, и Ланскій анонимъ окажется сшитымъ изъ пестрыхъ лоскутовъ другихъ хроникъ и устныхъ народныхъ преданій.

³⁾ Barthius въ своихъ примѣчаніяхъ къ *Gesta Fr. Exp. Jherus.*, опубликованныхъ Ludewig'омъ (*Reliquiae manuscriptorum* III т. 500 ст.) приписываетъ ихъ нѣкому Bartolp'усу, пѣрегрину изъ Nangeio (Naegeio), нѣмцу по происхожденію. Эту гипотезу принимаютъ также Fabricius (*Biblioth. med. et. inf. lat* 1 т. 182—183 ст.) и Struve *Bibliotheca historica* т. II, 2 ст. 275). О Bartolp'усѣ см., кромѣ того, Sybel's *Gesch. des 1-en Kreuzzugs* 55 ст.

⁴⁾ См. объ этомъ *Gesta* II Cap. (*Becueil des Hist. des croisades. Hist. occident* III т. 492 ст.).

Бонгаръ предполагаетъ, что *Gesta Francorum* были написаны до 1109 г. (см. *Gesta Dei per Francos Praefacio* § IX) съ нимъ соглашаются также издатели *Rec. des Hist. des crois.* (*Hist. occid.* III т. XXXVI ст.), такъ какъ авторъ въ предпоследней (LXXI) гл. своего труда говорить о Триполи, какъ о находящемся еще во власти мусульманъ (ibid. 541 ст.), а изъ Фульхерія (*Hist. Jher.* XLI гл. ib. 420 ст.) мы знаемъ, что Триполи уже въ 1109 годъ былъ завоеванъ христіанами. Изъ этого слѣдуетъ, что автору *Gesta* была известна только первая часть *Historia Jheros.*, доведенная до 1105 г. (его собственная хроника обрывается на 1106 г.). Однако до нашего времени не сохранилось ни одного манускрипта этой части работы Фульхерія, вполнѣдствіи два раза возобновляемой и оконченной 1127 годомъ.

авторъ *Gesta* предпочитаетъ замѣнить его другимъ, трафаретнымъ (быть можетъ, сложившимся еще въ очень раннюю эпоху ¹⁾).

Этотъ-то трафаретъ и извлекаетъ Ланскій анонимъ изъ *Gesta Francorum Expugnantium Jherusalem*, при чемъ онъ почти буквально копируетъ текстъ *Gesta*, только нѣсколько сжимая его, отбрасывая общеизвѣстные библейскіе факты, обрубая дополнительные члены предложеній. Своего, кромѣ описанія пещеры Гроба Господня ²⁾ и перкви надъ нимъ, Анонимъ ничего не прибавляетъ, но порою довольно таки неуклюже пытается измѣнить текстъ, переставляя отдѣльные члены предложенія и даже цѣлые отрывки, благодаря чему, напр., *mons fumigans*, долженствующій изобразить Синай, попадаетъ у него въ Іерусалимъ... Впрочемъ и такое списательство нельзя считать совершенно механическимъ, такъ какъ мѣстами Ланскій анонимъ не только рационализируетъ текстъ *Gesta*, но даже вноситъ въ него нѣкоторыя историческія поправки ³⁾...

Однако, этими бѣглыми замѣчаніями нельзя исчерпать вопроса, и только сопоставленіе соответствующихъ мѣстъ Фульхерія и двухъ анонимовъ введетъ насъ въ келью средневѣковаго хрониста-списателя и поможетъ прослѣдить самый процессъ его работы.

Chronicon Universale Anonymi Laudunensis⁴⁾ A. g. 1186...

Hic placuit urbem Jerusalem describere, quia locus se obtulit describendi ⁵⁾ Jerusalem licet ab antiquo

Gesta Francorum Expugnantium Jherusalem⁴⁾.

Cap. XXXI.
Situs ipse civitatis sanctae, qui nunc est murorumque ambitus, licet a prisca et illu-

Historia Jherosolymitana.

Gesta Francorum Jherusalem Peregrinantium.

Cap. XXVI.
De situ Jherusalem⁴⁾.

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Тоже, вѣроятно, откуда-нибудь имъ заимствованнаго.

³⁾ Объ этомъ см. ниже.

⁴⁾ Стр. 41—46 по изд. Cart. Вѣ R. G. S. (18 т. 706 ст.) и въ M. G. SS. (26 т. 451 ст.) описаніе Іерусалима опущено.

⁵⁾ Въ Париж. код. этого мѣста нѣтъ, такъ что его

⁴⁾ Описаніе Іерусалима въ *Gesta* цитируемъ по изд. Académie Imperiale des Inscriptions et Belles Lettres (*Recueil des Historiens des croisades. Hist. occidentale* III т. 509—512 ст.),

⁴⁾ Изъ 3-хъ параллельныхъ описаній, приведенныхъ въ *Rec. des Hist. des crois. (Hist. occid.* III т. 355—357 ст.), мы выбираемъ 2-ое, какъ наиболее близкое къ тексту *Gesta*.

sue compositionis statu multum discrepare comprobetur, quedam tamen ipsius antiquitatis continet monimenta, quibus nobilitatem suam veram esse demonstrat.

stri veteris compositione¹⁾, statu-que illo quo erat Jesu Christi temporibus valde diserepet, quaedam tamen temporis illius adnuc monumenta continet, quibus et famosa et illustris et prae cunctis clarior civitatibus in toto orbe terrarum esse debet.

X. Ex his et ceteris multis civitas ipsa venerabilis et gloriosa¹⁾.

можно считать вставкой перепищика Берл. рук. Въ общемъ текстъ Пар. к., несмотря на многія его несправности, ближе, (собственно говоря съ первой пол. описанія) къ тексту *Gesta*. (См. послѣдующія примѣчанія, котор. указываютъ разночтенія обоихъ кодексовъ).

въ основу кот. положены:

• *A. Codex ms. Duacensis*, n° 838, olim *Marchianensis*, XII° saeculo exaratus.

• *B. Codex ms. Montepessulanus*, n^o Н. 142, XIV¹ saec.

• *C. Codex ms. Hafnien-sis*, n° 2159, XIII¹ saeculi.

• *D. Editio Bongarsiana*.

• *E. Codex ms. Aldomagensis* (Saint-Omer) XII¹ «saec.» (См. *ibid.* 488 ст.).

1) K. Miller (*Mappae Mundi Die ältesten Weltkarten* III Heft. 61 ст.) предполагаетъ, что словомъ *compositione* авторъ *Gesta* указываетъ на старый планъ Иерусалима, сообразно которому онъ составилъ свое описаніе, только нѣсколько модернизируя и исправляя его. Но *compositio* неупотребительно въ смыслъ карты, поэтому возможно другое предположеніе, именно, что авторъ *Gesta* намекаетъ здѣсь на словесное описаніе Иерусалима, съ давнихъ поръ пе-

Въ основу его положены манускрипты (A. B. F.) второй редакціи работы Фульхерія, оканчивающейся 1124-мъ годомъ, и также изданіе Бонгара (*Gesta Dei* I т. 397—398 ст.) См. R. d. H. т. III Preface XXXI—XXXIV ст.

Но надо помнить, что авторъ *Gesta Franc.* имѣлъ подъ руками текстъ не этой редакціи, а—1105 г., къ сожалѣнію, до насъшедшей.

Описаніе Иерусалима у Фульхерія Шартрскаго мы разбираемъ на X отдѣльныхъ частей для сопоставленія ихъ съ соответствующими мѣстами *Gesta*.

Но съ помощью цифръ, указывающихъ порядокъ этихъ частей, можно возстановить описаніе такимъ, какъ оно является въ *Historia Jherosolymitana*.

De qua pauca hic ponenda reor contra superflua, que a plerisque ficta cognoscuntur ¹⁾).

Quatuor illi aditus patent ²⁾, quibus ad illam intratur:

ab oriente et occidente, ab aquilone et meridie.

Porta vallis Josaphat appellatur, que ab oriente est, eo quod per ipsam fit decensus ad vallem eiusdem nominis;

porta David vocatur porta ³⁾ occidentalis, quia iuxta turrim Davit sit sita;

De qua, quia a quibusdam quaedam superflua, duaedam rarius continentia finguntur, pauca sub brevitate perstringere conabor.

Quatuor igitur illi aditus patent, sicut plerisque civitatibus, quibus ad eam fit ingressus, ab oriente, ab occidente, ab aquilone et meridie; et quidem orientalis aditus, ab incolis vocatur porta vallis Josaphat, eo quod per eam ad vallem illam proximam sit descensus.

Occidentalis, porta David ideo vocatur, quod iuxta turrim David sita sit.

IV. Habet quidem, ab occasu solis, turrim Daviticam, utroque latere murum civitatis

¹⁾ Здесь Анонимъ какъ бы присваиваетъ взглядъ *Gesta*, только нѣсколько измѣняя мотивировку.

²⁾ Обычное для Анонима обрубание фразъ.

³⁾ *Porta* нѣтъ въ Пар. к.

переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнью, быть можетъ, занесенное изъ Византии и ставшее своего рода традиционнымъ.

Согласно этому *compositio*, вѣроятно, и была впоследствии составлена карта, находящаяся въ Сентъ-Омерскомъ код. Вообще надо замѣтить, что въ средние вѣка обычно описанія предшествовали картамъ, а не наоборотъ.

porta sancti Stephani dicitur septemtrionalis¹⁾, quia idem martyr extra eam fuit lapidatus, et ibidem fuit ecclesia eius nomini consecrata;

australis porta Sion dicitur, quia ab illa parte eminet mons ille preruptus, unde²⁾ ad urbem difficilis patet accessus.

Porta que Arrea³⁾ appellatur⁴⁾ sita⁵⁾ est inter portam australem et orientalem; hec est sub templo Domini, per quam Dominus venit

Septentrionalis, porta Sancti Stephani, pro eo quod idem martyr extra portam illam lapidatus fuisse asseritur, ob cuius memoriam ecclesia ibidem fundata est. Australis, porta Syon, quia ab ea parte mons ille prae-ruptus eminet; unde difficilis et valde gravis est ad urbem aditus. Adhuc etiam quinta habetur porta quae Aurea dicitur, intra orientalem et australem portam sub Templo Domini sita,

supplementem, quae usque ad medietatem sui a parte inferiori solide massata est, et de lapidibus cementata quadratis, et plumbo fusili sigillatis. Quae si cibariis munita fuerit, si tantum viginti vel quindecim homines defensores inerint, nunquam per vim ab exercitu quovis comprehendetur⁶⁾.

¹⁾ Septemtrion. Пар. к.

²⁾ ии—Берл. к.

³⁾ Area Пар. к.; G. F.—Aurea; Continuation de Guillaume de Tyr—Portes Ores (Aires, Obres) Rec. т. II, ст. 492. Латинизация эпохи крестовых походов греческого названия ὁρτὴ τῶν ὀρέων (См. Дьяния Ап. III, 2). По образцу Иерусалима были и в Византии в храме Св. Софии Красный (Прекрасный) ворота.

⁴⁾ dicitur—Пар. к. ближе к Gesta.

⁵⁾ В изд. Cartellieri слово sita пропущено, но оно имеется в Берл. код. 144 b.

⁶⁾ Башня Давида именно, как укрепление, представлять для Фульхерия значительный интерес. Ведь, Иерусалим для него, как для местного жителя и патриота нового отечества, не только святой городъ, но и оплотъ христианскаго королевства противъ враждебныхъ мусульманъ. Автора же Gesta интересуютъ только Иерусалимскія святыни и потому, вѣроятно, онъ лишь мелькомъ упоминаетъ о башнѣ.

ad passionem ¹⁾);

hec non solet aperiri nisi in ramis palmarum. Per hanc ²⁾ itaque est ingredientibus a leva sepulcrum Dominicum, quod tempore Dominice passionis extra urbem fuisse legitur, uno lapide incisum ³⁾, qui in octo ⁴⁾

per quam rex coelorum super asinam sedens ante passionem suam civitatem ingressus est et ab Hebraeorum pueris cum gaudio exceptus est, quae non aperitur nisi in dominica Ramis Palmarum. Urbem itaque per hunc ingredientibus aditum a laeva Sepulcrum Domini est; quod extra urbem tempore passionis Christi legitur fore inventum,

¹⁾ Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ (см. ниже), Анонимъ только кратко упоминаетъ объ общезвѣстномъ евангельскомъ фактѣ, болѣе подробно передаваемомъ въ *Gesta*.

²⁾ Копируя текстъ *Gesta*, Анонимъ также пишетъ *per hunc* (Берл. к.; Пар.—*per hanc*) хотя пропускаетъ слово *aditus*, къ кот. въ *Gesta* относится *per hunc*, вслѣдствіе чего получается безсмыслица. Cartellieri (не зная источника описанія Іерусалима) не понимаетъ ея причины и неудачно пытается исправить текстъ хроникъ, замѣняя *per hunc*—*per hanc*, кот. онъ согласуетъ съ предыдущимъ—*porta*.

³⁾ Здѣсь Анонимъ вставляетъ описаніе пещеры Гроба Господня и церкви надъ ней.

⁴⁾ *Orto* Пар. к.

magnus fuerat, aureis
guttulis interguttatus,
colore candido reful-
gens. In alio quoque
latere eiusdem lapidis
fuit excisum tante ma-
gnitudinis sepulcrum,
ut 8 homines capere
posset, cuius altitudi-
nisculmenquicumque¹⁾
potuit manu contingere,
in parte vero aquilo-
nari excisum sepul-
crum Domini, habens
longitudinis 8 pedes,
latitudinis 3 et semis.
Ostium vero spelunce
ad orientem patet, ita
quod capud Domini
occidentem, pedes res-
picerent orientem, dex-
tera vero manus eius
meridiem, sinistra aqui-
lonem. Crescente reli-
gione Christiana, edi-
ficata²⁾ est ibi ecclesia
rotunda, cuius pavi-
mentum marmor album,
interiora crustulis au-
reis operiebantur, de-
super laminis aureis
tegebatur, secundum il-
lud Isaie: *Sepulcrum*

VII. Inest insuper
basilica decens supra
dominicum Sepulcrum
rotunditate facta; cu-
jus rotunditatis sum-
mitas ita artificiose
tegmine caret, ut fo-
ramine illo solis splen-
dori patulo, clara sem-
per habeatur.

¹⁾ quisque Пар. к.

²⁾ hedicata Бер. к.

eius gloriosum ¹⁾). Juxta sepulcrum est lapis supereminens, qui in morte Domini scissus legitur, subter ²⁾ quem locus est Golgota, qui locus est magna veneratione celebris.

Ad quem tradunt Habraam venisse, Vsaac filium suum immolaturum, pro quo aries immolatur ³⁾, significans verum agnum ibidem immolandum.

Ab hinc est paululum remotus locus Calvarie, ubi lignum Dominicum repertum fuit per Helenam ⁴⁾.

juxta quod Sepulcrum Domini, parum in obliquum, est supereminens lapis dehiscens, sicut in morte Christi legitur scissus, et subtus Golgotha; qui locus magna veneratione celebrandus, adorandus et colendus est.

In quo loco traditur ab antiquis Abraham, filium suum immolaturus, arietem pro eo immolasse, significans Agnum Dei Filium ibidem postea immolandum.

Paululum remotior est locus ab eodem dictus Calvariae, ubi Lignum dominicum trecentesimo octogesimo sexto anno post Passionem Christi ⁵⁾.

a beata Helena, Juda praemonstrante ⁶⁾ in-

¹⁾ Isai XI—10.

²⁾ *Subtus* Пар. к.

³⁾ *immolatus* Берд. к.

⁴⁾ Ланскій анонимъ не указываетъ года обрѣтенія Креста, б. м., потому, что самъ его не зналъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не довѣрялъ счисленію *Gesta*.

⁵⁾ На самомъ дѣлѣ въ 326 г. по Р. X. (См. Baronii *Annales Ecclesiastici* III т. 326 г. § XLII; также *Acta Sanctorum* Augusti III, 562 ст.).

⁶⁾ Въ католич. церкви существовала легенда о нахожденіи Креста Господня евреями Іудой, отвергнутая уже Бароніемъ (См. *Anna-*

que ecclesiam miri operis ibidem construxit, quam Perse ¹⁾ postmodum destruxerunt.

ventum est, ubi etiam ab eadem regina ecclesia mirae magnitudinis et operis fundata, postea a perfidis gentilibus destructa est: ruinae cujus adhuc existentes indicant quale jam opus fuerit Pars autem Ligni pretiosi in eisdem locis a fidelibus retenta, diligenti veneratione adoratur et exaltatur.

Cap. XXXII.

Juxta hunc locum a meridie est ecclesia que vocatur Latina, eo quod a Latinis fuerit semper inhabitata.

Ubi beata virgo plorasse dicitur et vestes suas et crines cidis-
disse, cum filium morientem videret.

Ibi prope est locus,

Juxta Crucis inventionem a meridie est ecclesia Genitricis Dei, quae Latina nuncupatur, eo quod semper a Latinis sit culta; ubi fertur eadem Virgo plorasse atque scidis-
crines, quum videret filium suum unigenitum patibulo affixum.

Ibi prope est locus ubi Maria Magdalene²⁾, ceteraeque mulieres

¹⁾ Здесь Ланский анонимъ болѣе точенъ. Церковь, вѣроятно, была разрушена именно персами, когда Хозрой II въ 614—615 г. завоевалъ Иерусалимъ и похитилъ Животворящій Крестъ, въ 631 г. возвращенный Ираклѣемъ.

les Ecclesiastici III т. анн. 311 § XLI: также анн. 326 § L; *Acta Sanctorum* Aug. III 562—568 ст. (Изд. Нес. даютъ неправильную ссылку на Mai III 361 ст.).

²⁾ Matth XXVII, 56.

ubi mulieres lamentabantur Dominum.

Inde in directum versus orientem est templum Domini miro opere fabricatum,

quod licet multum discrepet a templo Salomonis et a templo Eszre,

tamen sicut primum et secundum habet quatuor introitus.

In quo loco tempore David angelus populum cedebat ¹⁾.

Ubi etiam lapis, super quem angelus stetit, in medio templi ²⁾ adhuc eminet impolitus.

lamentatae sunt in morte Salvatoris.

Inde versus orientem in directum, intra ejusdem urbis ambitum, Templum Domini celeberrimum, miro opere fabricatum ³⁾.

Quod licet primum opus non sit Salomonis egregium, sed nec illud quod ab Esdra secunda reaedificatione totius mundi fabricam in opere excessit, tamen quatuor habet introitus, sicut et primum habuit templum. In quo loco angelus populum caedens, David orante et exclamante, *Ego sum qui peccavi, ego qui inique egi*, restitisse perhibetur.

Ubi etiam lapis ille, super quem angelus restitit, adhuc impolitus, in medio templo eminet.

V. Et est in eadem urbe Templum domesticum, rotundum, compositum in eodem loco quo Salomon alterum prius instituit mirificum; quod quamvis illi priori scemati nullatenus sit comparandum, istud tamen opere mirabili et forma speciosissima factum est; in cujus medio est rupis nativa et ingens, de qua deturpatur satis et impeditur ipsum templum; nescio quare ab aeterno permittitur locum occupare, quin prorsus exciditur; sed dicunt illum esse locum ubi stetit angelus percutiens, cui David intulit pavidus nimis: *Ego quidem sum qui peccavi, isti qui oves sunt, quid fecerunt?* ⁴⁾

¹⁾ Анонимъ опять ограничивается краткимъ упоминаніемъ общеизвѣстнаго библейскаго факта.

²⁾ *Templi* нѣтъ въ Пар. к.

³⁾ III Reg. VI, 1 и слѣд.

⁴⁾ И G. F. и H. J. не совсемъ точно даютъ текстъ. Въ Бульгѣтъ мы читаемъ: *Ego sum qui peccavi, ego inique egi: isti qui oves sunt, quid fecerunt?* II Reg. XXIV 17.

Ubi ¹⁾ usque hodie
est mons fumigans,
obductus caligine, et
volentes locum adire
estu caloris aut obscu-
ritate repellit, ne ad
montem liceat accedere.

Fuit etiam in hoc
loco ²⁾ temporibus Sa-
lomonis propitiatorium
aureum et archa testa-
menti cum tabulis Moy-
si et virga Aaron et
olla aurea, habens

Fuit et in hoc loco,
tempore Salomonis,
propitiatorium aure-
um et archa testa-
menti, in qua erant
tabulae Moysis, et vir-
ga Aaron quae fron-

VI. Aiuntque in ipsa
rupe arcam foederis
Domini esse, cum vir-
ga, et tabulis Testa-
menti, benesigillatam;
eo quod Josias, rex
Juda, poni jussit eam

¹⁾ На всемъ протяженіи
описанія Анонимъ нигдѣ
почти не оставляетъ текстъ
Gesta безъ измѣненій, хотя
и это была простая пере-
становка словъ или замѣна
одного выраженія другимъ
равнозначущимъ или, након-
ецъ, опущеніе дополни-
тельныхъ членовъ предло-
женія. Въ своей попыткѣ
измѣнять текстъ *Gesta*, онъ
доходитъ, наконецъ, до того,
что перестановкой отдѣль-
ныхъ частей совершенно
искажаетъ смыслъ описа-
нія, благодаря чему *mons
fumigans*, долженствующій
изобразить Синай, попа-
даетъ у него въ Іеруса-
лимъ!!

²⁾ Благодаря предыду-
щей ошибкѣ Анонима зо-
лотой жертвенникъ, Ков-
чегъ Завета, жезлъ Аарона,
Святое Святыхъ и прочее
попадаютъ у него во вре-
мена Соломона вмѣсто Іер-
усалима на *mons fumigans*!!

manna ¹⁾ et ea que dicebantur sancta sanctorum.

Que omnia secundum librum Machabeorum legitur Jeremiam cum ipsa archa versus Sinai in Arabiam occultasse;

que non inveniuntur donec gentes multe congregentur.

duerat ²⁾ et manna, et cetera quae dicebantur Sancta Sanctorum. Ibi quoque fuerunt usque ad tempus Josiae regis Juda, sicut legitur in libro Machabeorum. Sed post Jheremias archam in Arabia versus montem Synai ³⁾ occultasse fertur, ubi, usque in hodiernum diem adhuc, mons fumigans et caligine obductus locum volentes adire et obscuritate et caloris aestu repellit, nec usque ad montem licet accedere, et in prophetia ejusdem Jheremiae scriptum invenitur quod invenienda non sit, donec gentes multae congregarentur. Archa igitur in templo nunc non est, sicut a quibusdam creditur.

Verum locus ille multis modis sacer esse

in sanctuario templi, dicens: *Ne quaquam portabitis eam de loco isto*. Praevidebat enim futuram captivitatem. Sed illud quod in descriptionibus Jheremiae legimus, in libro Machabeorum secundo obest: quod ipse Jheremias eam in Arabiam occultaverit, dicens, quod non invenienda esset donec gentes multae congregarentur. Ipse quidem contemporaneus bujus regis Josiae fuit; tamen vendi finem fecit antequam Jheremias obiret. Non credimus igitur archam in templo esse. Non valeo nec audeo recitare res tam sanctissimas quae inibi habentur, ne in aliquo auditores fallam; sed secundum dicta quorundam, in honorem

¹⁾ Ученая поправка ботѣ «просвѣщеннаго» автора хроники.

²⁾ *que fronduerat* нѣтъ въ код. B. D. E. такъ же, какъ и въ Chr. Un. An. Land.

³⁾ Правильнѣе на гору Нево см. II Масс. II, 1, 4, 5, 7 и Deuteron. XXXIV, 1.

Hic ¹⁾ est locus, in quo puer Jhesus presentatus a sancto Simone est susceptus, ubi etiam in medio doctorum factus duodennis est inventus.

De hoc loco nummularios eiecit, dicens: «*Domus m. d. o. v.*» ²⁾).

Ab aquilone huius templi, lacu quodam interposito, est ecclesia sancte Anne, ubi fertur peperisse matrem Salvatoris.

describitur, tum quia puer Jesus in eo praesentatus est et a Simone sene exceptus; tum quia duodennis, ibi in medio doctorum sedens, inventus sit; de quo etiam nummularios ejiciens, dixit: *Domus mea domus orationis vocabitur* ³⁾; multisque miraculorum signis et prodigiis ibidem a Deo factis, religiosus et sanctus est.

Ab aquilone templi hujus, lacu quodam interposito, ecclesia Sanctae Annae, matris beatae Virginis Mariae, in quo loco Dei matrem peperisse fertur;

et amorem Dei haec tantilla in memoriam collegi. Haec pro certo domus est Dei de qua scriptum est: *Bene fundata est supra firmam petram* ⁴⁾).

In qua quum Salomon devote Domino precem suam funderet, ut oculi ejus die ac nocte super eam aperti essent, et qui ad sanctuarium illud oraret recto corde, ab eo exaudiretur, concessit ei Dominus, respondens prout ab eo postulaverat. Hanc domum, hoc est Domini Templum, in veneratione magna cuncti Sarra-

¹⁾ Благодаря пропуску: *Archa igitur in templo ... creditur* получается новая бессмыслица — Младенец Иисусъ принять старцемъ Симеономъ въ Аравіи около Синаи; тамъ же двѣнадцатилѣтній Христосъ былъ найденъ среди книжниковъ, и оттуда же Онъ изгналъ мѣняль и торгашей.

²⁾ О сокращеніи текстовъ путемъ утѣченія *suspensio* см. Ludwig Traube *Urlegungen und Abhandlungen* I p.p. LXVII, 148 *Suspensionen bei Bibelzitaten*.

³⁾ Matth. XXI, 12, 13.

⁴⁾ Неточная цитата; ближе всего къ *Fundamenta aeterna supra petram solidam* (Ecl. XXVI—24).

Ante hanc ecclesiam inventa est piscina, 5 porticus habens,

in qua angelus Dei secundum tempus descenderat etc ¹⁾);

in qua eciam nunc descenditur²⁾ per unam porticum et reperitur aqua gustu quidem amara, que egrotantibus confert salutem.

Hec infra urbem a fidelibus venerantur ³⁾).

¹⁾ Эти слова взяты изъ Иоан. V, 4 только переданы не совсѣмъ точно (*Angelus autem Domini descendebat secundum tempus in piscinam*). Поэтому, вѣрнѣе ихъ было бы напечатать курсивомъ, тогда сразу было бы ясно, что въ данномъ случаѣ также же, какъ на ст. 17, 20 и 21 Анонимъ не дописываетъ текста, обрывая его etc.

²⁾ *descenderunt* Пар. к.

³⁾ Последующее Анонимъ выпускаетъ, какъ общезвѣстное.

ante cujus ecclesiam piscina aquae a Francis inventa est, veteris piscinae vestigia adhuc retinens, quinque porticus habens. In qua, tempore Christi, angelus descendisse legitur tactuque aque languidos sanasse. Et ibidem a Christo sanatus est aegrotus ⁴⁾ triginta et octo annos habens in infirmitate sua.

Ad quam nunc per porticum unum descenditur, et reperitur aqua ibi gustu amara, quae plerumque aegrotantibus confert medelam.

Haec intra urbem a fidelibus venerantur.

ceni habuerant, donec illud eis abstulimus; ibique preces suas libentius quam alibi facere solebant; quamvis idolo, in nomine Mahummeth facto eas vastarent, in quod etiam nullum ingredi Christianum permittebant. Alterum vero templum Salomonis dictum, magnum est et mirabile. Sed non est illud idem quod ipse Salomon fabricavit; quod nunc satis dolendum est, eo quod inopia pressi, non potuimus tecti ejus structuram reformare postquam in manus Balduini regis et nos-

⁴⁾ Иоан. V 5—9.

Flagellatio Jesu Christi
atque coronatio, et de-
risio et cetera quae
pro nobis pertulit; sed
non facile ubi fuerunt
nunc dinosci possunt,
quum praesertim civi-
tas ipsa totiens postea
deleta atque destructa sit.

Capit. XXXIII.

Extra urbem vero,
a digniori parte fit exi-
tus per portam David
ad viam quae ducit
Bethleem, quae Ef-
frata antiquitus appel-
lata, ab Jherusalem in
spatio duarum leuga-
rum versus Ebron,
inter occasum et me-
ridiem sita est.

Ibi est locus nati-
vitatibus Christi et prae-
sepe, sicut surpa me-
moravimus. Sed et
ecclesia, satis decens
et ampla, miro opere
fabricata episcopalem
ibidem obtinet digni-
tatem.

Ibidem et in confi-
nio passi sunt innocen-
tes ³⁾, qui ab Herode
trucidati sunt.

Betleem quoque, que
quondam Efrata dice-
batur,

spacio duarum leuca-
um ab Jerusalem ad
occasum versus Ebron
sita est; ad quam eun-
um est exitus por-
tam David. Ibi est lo-
cus nativitatis Christi
et eius presepe. Cuius
ecclesia episcopalis miro
fuit ¹⁾ opere fabricata.

In eius confinio iux-
ta sepulcrum Rachelis
passi sunt innocentes ²⁾.

¹⁾ *Fuit* вътъ въ Пар. к.

³⁾ Matth. II, 16.

²⁾ Обычное для Анонима
брубаніе текста.

De sepulchro ¹⁾ Rachelis ascenditur ad montem Sion, qui tempore Christi erat cacumen et medium civitatis, nunc autem extra.

Ibi fuit cenaculum, ubi Dominus pedes lavit discipulorum et cenavit et sacramentum sui corporis et sanguinis ²⁾ tradidit ³⁾

et ibidem apostolis paraclitum misit.

Ibidem etiam fuit transitus beate Marie, in cuius honore ecclesia antiquitus constructa fuit gloriosa; que a Sarracenis fuit destructa.

Inde ad urbem regredientes, viso obiter sepulcro Rachel, uxoris Jacob, ascenditur ad montem Syon, qui tempore Christi erat cacumen et medium civitatis nunc autem extra civitatem. Ibi etiam fuit coenaculum ⁴⁾ ubi discipulorum pedes lavit Dominus et magister eorum, et cum eis coenavit, et sacramentum dominici corporis et sanguinis ipsis tradidit, nec non et omnia quae de morte ejus futura erant praedixit, ubi post resurrectionem Spiritum Paraclitum eis misit.

In quo loco transitus beatae Genitricis Dei fuisse perhibetur, unde etiam ecclesia nomen habet; fueratque miro opere

¹⁾ Sepulchro Пар. к.

²⁾ Оба кодекса sa Новый примѣръ *suspensio*. См. выше.

³⁾ Анонимъ снова сокращаетъ разсказъ *Gesta* объ общезвѣстномъ евангельскомъ фактѣ.

⁴⁾ Matth. XXVI, 20; Marc. XIV, 17; Luc. XXII, 14; Joan. XIII, 2.

antiquitus constructa,
quod interius patet,
sed a perfidis Sarra-
cenis destucta est.

Ad radicem montis
Syon oritur fons as-
pectu quidem limppi-
dus set gustu amarus,
qui de natatoria Siloe
rivulum suum mittit.

In alveo, ubi tor-
rens Cedron in hieme
fertur,

in quo cecus evan-
gelicus fuit illuminatus,

Torrens Cedron ab
aquilone summens ini-
cium per vallem Josa-

Ad radicem hujus
montis Syon exoritur
fons a conspectu ¹⁾ li-
quidissimus, sed gustu
amarus, quem dicunt
Natatoriam Syloe; qui
emittit rivulum suum
in alveo ubi torrens
Cedron fertur in hieme
cursu rapidissimo.

Ibi illuminatus est
caecus ²⁾ a nativitate,
de quo legitur in
Evangelio ³⁾. Ulterius
in meridie est Achelde-
mach ⁴⁾, qui ad sepul-
turam peregrinorum
emptus est ⁵⁾.

Torrens Cedron ab
aquilone sumit initium,
et per vallem Josaphat

I. Est quidem civi-
tas ipsa in montano
loquo sita, rivis, syl-
vis, fontibusque carens,
excepto fonte Siloe,
ubi sufficienter aqua
interdum habetur, in-
terdum vero raro hau-
ritur. Qui fonticulus
in vallis fundo, sub
monte Sion subter de-
cursionem torrentis
Cedron, qui tempore
hyemali per vallem
Josaphat fluere solet.

¹⁾ *Fons aspectu* код.
Д. Е. ближе къ тексту
Лавскаго анонима.

²⁾ *Heime; in quo caecus
inluminatus est.* код. Е.

³⁾ Иоан. IX, I и слѣд.

⁴⁾ Еврейск. *Haceldama*
(земля крови) Matth. XXVII,
8; Act. 1, 19.

⁵⁾ *Ulterius... emptus est*
опущено въ код. Е.

phat dirigitur in austrum; nec habet aquam nisi inundacione pluviarum.

Inter civitatem vero et montem Oliveti est ecclesia Dei genitricis, ubi ipsa ab apostolis fuit sepulta.

Que ecclesia miro fuit opere constructa,

postea ab infidelibus destructa.

cursum agens ¹⁾ in austrum dirigitur, nec habet aquas nisi inundacione pluviarum. In eadem villa ²⁾ inter civitatem et montem Oliveti est ecclesia Genitricis Dei Mariae, ubi ab apostolis sepulta est; cujus adhuc sepulcrum ibidem colitur et veneratur. In quo loco mirificum opus a primis Ghristianae religionis temporibus structum est, sicut beatus Jheronymus ³⁾ scriptis suis testatur. Structuras alias excedebat magnitudine, opere et compositione; sed postea a perfidis gentilibus destructa est,

¹⁾ *Cursum agens* нѣтъ въ код. E.

²⁾ *in eadem villa* въ к. E. также опущено

³⁾ «Monstratur autem sepulcrum ejus, cernentibus nobis, usque ad praegenus in vallis Josaphat medio, quae vallis est inter montem Sion et montem Oliveti posita».

(*Ad Paulam et Eustoch. de assumptione beatæ Mariae sermo*, ложно приписыв. Иерониму *Heron opp.* T. V. p. 83, изд. Martian. Paris, 1706).

cujus ruinae hactenus patent ¹⁾).

Ibi etiam fuit quondam villa Gessemani, ubi Dominus captus fuit ¹⁾);

Ibidem antea Christi temporibus villula quaedam Getsemani ²⁾ nuncupata erat, ubi tentus et captus est Filius Dei. Ibique discipulos suos somno praegravatos linquens, avulsus est ab eis quantum jactus est lapidis versus montem Oliveti in obliquum, ut oraret; ubi etiam nunc quoddam oratorium in honore Salvatoris dedicatum est.

ubi templum ²⁾ factum destructum fuit.

Inde est ascensus ad montem Oliveti, qui celsitudine ³⁾ supereminet omnem regionem In quo Dominus fuit solitus discipulos et omnes ad se veni-

Inde ascensus est ad montem Oliveti, qui celsitudine sua supereminet omnem regionem: in quo loco ³⁾ solitus erat Dominus discipulos suos et om-

¹⁾ Снова краткое упоминание объ общезвестномъ евангельскомъ фактѣ, вмѣсто подробной передачи его въ *Gesta*.

²⁾ *Templum* вм. *ecclesia* въ смыслѣ христіанской церкви) необычно для средневѣковаго писателя.

GF. даютъ *oratorium*, т. е. въслѣдствіе предыдущаго *oravit*.

³⁾ *Celsitudinem* Пар. к.

¹⁾ *Cujus ruinae hactenus patent* опущено въ код. Е.

²⁾ Matth. XXVI, 36; Marc XIV. 32.

³⁾ *loco* нѣтъ въ код. А. Е.

entes docere ¹⁾; ubi etiam Dominicam orationem edidit.

De cuius etiam vertice in celum ascendit ²⁾.

De hoc monte cernitur Arrabia et Jordanis fluvius, qui mare fetidum intrat ³⁾.

Sub divo ⁴⁾ huius montis est Bethania,

nes ad se confluentes de civitate docere Ibique fertur orationem dominicam discipulis insinuasse, et ingruente passionis suae articulo preces ad Patrem fudisse; de cujus montis vertice postea delatus est in coelum, cernentibus apostolis. In quo loco ecclesia, antiquitus fundata, monumenta sanctorum plurima continet ⁵⁾; a quo etiam monte facile cernitur Arabia et vallis Jordanis, mareque illud salsum et foetidum quod operit Sodomam et Gomorram, civitates quondam ira Dei funditus eversas. Sub clivo statim montis hujus, inter orienta-

¹⁾ Какъ видно, Анонимъ старается сократить текстъ Gesta даже путемъ выпущенія отдѣльныхъ членовъ предложенія.

²⁾ Въ изд. Cartellieri—*De cuius... ascendit* пропущено. См. Берл. код. 145 b.

³⁾ Анонимъ и на этотъ разъ отбрасываетъ общезвѣстный библейск. фактъ

⁴⁾ Анонимъ очевидно не разобралъ буквы *cl* и прочелъ ее, какъ *d*.

⁵⁾ *in quo loco... continet* въ код. Е. нѣтъ.

ubi Dominus Lazarum suscitavit, et ibi fuit domus Simonis leprosi, ubi Dominus discubuit et Marie ¹⁾ Magdalene peccata dimisit ²⁾.

Hec sunt loca urbi vicina.

Locus Jordanis, ubi Dominus baptizatus

¹⁾ М. Берд. в.

²⁾ При списывании Анонимъ иногда переставляетъ предложения.

lem et australem plagam, aditur Bethania ³⁾ ubi Dominus Lazarum resuscitavit ⁴⁾, et ubi Mariae Magdalенае peccata dimisit ⁵⁾, et ubi in domo Symonis leprosi ⁶⁾ discubuit: ubi nunc etiam monumentum Lazari veneratur, et locus frequentia Salvatoris sanctus est et excolitur ⁷⁾.

Haec in territorio urbis proxima satis sunt.

Verum flumen Jordanis, ubi baptizatus

³⁾ Трафаретность описания выступает особенно ясно, если сопоставить это место съ гораздо болѣе позднимъ текстомъ Продолжателя Вильгельма Тирского: «A une lieue de Jherusalem estoit Bethanie, la fu la maison Symon le Liepreuz, et la pardonna Nostre Sirez les pechiez Marie Magdelene, et la rescuscita Nostre Sirez le Ladre» (*Continuation de Guillaume de Tyr, dite du Manuscrit de Rothelin. R. d. H. des cr. H. occ. t. II, p. 511*).

⁴⁾ Joan. XI, 1—44.

⁵⁾ Matth. XXVI, 7. Ioan. XI, 2; XII, 3.

⁶⁾ Matth. XXVI, 6.

⁷⁾ ubi nunc etiam... excolitur въ вод. Е вѣтъ такъ же, какъ и въ Ch. Un. An. Laud.

fuit, 10 leugis in directum versus orientem distat ab urbe.

Hic fluvius Judeam dividit et Arrabiam, ad quam itur per Jerico, quondam civitatem magnam, habens a leva desertum, ubi Dominus ieiunavit ¹⁾).

Videtur ibi mons, ubi a diabolo fuit temptatus, et Nazareth, ubi conceptus fuit, et Galilea, ubi post resurrectionem suam discipulis apparuit,

et alia solitudo, ubi 7 panes multiplicati 4000 hominum referunt ²⁾).

est Christus, decem leugis longe est ab urbe in directum versus orientem, qui fluvius dividit Judeam et Arabiam, ad quem itur per Jherico, civitatem quondam magnam, habens a laeva desertum, ubi jejunavit Dominus quadraginta diebus.

Videtur etiam ibi mons exelsus, ubi tentatus est a Diabolo. Nazareth autem, ubi conceptus est; et Galilaea, ubi post resurrectionem discipulis apparuit ³⁾), et mare Tyberiadis, et mons Thabor; et solitudo illa, ubi de quinque panibus et duobus piscibus quinque millia hominum satiavit ⁴⁾); aliaque solitudo, ubi etiam de septem panibus quatuor millia pavit ⁵⁾);

¹⁾ Обычное обрубание текста.

²⁾ Анонимъ и здѣсь сокращаетъ описаніе, довольствуясь упоминаніемъ одного евангельскаго чуда и опуская другое подобное.

³⁾ Matth. XXVIII, 16.

⁴⁾ Matth. XIV, 15—21; Marc. VI, 38—44; Luc. IX, 13—17; Ioan. VI, 2—13.

⁵⁾ Matth. XV, 32—38; Marc. VIII 1—9 (Rec. не даетъ этой ссыылки).

Alia vero loca, ubi Dominus a puericia est conversatus, a Jerusalem longe sunt remota ¹⁾).

Urbem Jerusalem postea ab Helia Adriano mirifice constat ²⁾ esse decoratam, qui per omnes vicos urbis

aqueductus fecit, per quos inundacione imbrium omnes immundicie urbis diluerentur ³⁾).

omniaque loca in quibus Rex gloriae a pueritia conversatus est longe ab Jherusalem semota sunt.

Hanc praeterea urbem Helius Adrianus imperator mirifice decoravit, et vicos et plateas pavimento decenter ornavit: de cujus nomine Jherusalem Helya postea vocata est. Et aquaeductus per omnes vicos instituit, per quos imbrium inundatione omnes civitatis immunditiae diluuntur.

Nec desunt huic civitati cisternae, aquarum abundantia semper opulentae

IX. Hanc etiam urbem Helius imperator Adrianus mirifice decoravit, et vicos et plateas pavimento decenter ornavit, de cujus nomine. Jherusalem Helia vocitata est.

VIII. Non desunt etiam civitati per omnes vicos aquaeductus, per quos imbrium tempore omnes immundiciae diluuntur.

II. Cisternae autem multae, et aquis satis abundae in urbe habentur, quae si bene procuratae fuerint, omnibus inhabitantibus, tam hominibus quam

¹⁾ Берл. в. *semota*.

²⁾ Сл. *constat* авторъ какъ бы хотеть показать свою начитанность.

³⁾ На этомъ Лан. ан. заканчиваетъ свое *описание*.

О водяныхъ цистернахъ онъ не упоминаетъ, б. м., потому, что онъ для него (какъ для человека, не жившаго на Востоке) не представляютъ большого интереса.

jumentis, omni tempore indeficienter haustum praebebunt, imbribus hibernis reservatis.

Constatque civitas ambitu murorum cum decenti magnitudine, ita ut nec parvitate nec amplitudine unquam fastidiosa videatur.

III. Constatque civitas condecienti magnitudine per circuitum composita, ita ut nec parvitate nec amplitudine fastidiosa cuiquam videatur.

В. Пакина.

Нѣсколько случаевъ изученія иностранныхъ языковъ русскими людьми во второй половинѣ XVI в.

Въ январѣ 1551 г. царь Иванъ IV писалъ цареградскому патріарху Діонисію, что послалъ къ нему своего «паробка» Обрюту Михайлова сына Грекова, дабы патріархъ велѣлъ у себя учить его «грамотѣ греческой и языку» и, научивъ, прислалъ въ Москву. Обѣщая уплатить за прокормъ Обрюты, царь просилъ патріарха, если-бы у него оказалось Обрюту «научити невмѣстно», отослать его на Аѳонъ въ Пантелеймоновскій монастырь и велѣть тамъ «учити его пристойно и, науча», прислать въ Москву¹⁾. Одновременно съ этой грамотой къ патріарху царь послалъ грамоту и на Аѳонъ въ Пантелеймоновскій монастырь къ игумену съ братіей. Царь писалъ имъ, не выжидая отвѣта отъ патріарха, что шлетъ въ ихъ монастырь Обрюту, дабы они велѣли его въ своемъ монастырѣ учить греческому языку и грамотѣ и, по окончаніи ученія, отпустили въ Москву; царь обѣщалъ игумену съ братіей оплатить содержаніе Обрюты²⁾. Царь, такимъ образомъ, не сомнѣвался въ возможности обученія Обрюты греческому языку на Аѳонѣ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ.

На вопросъ, куда былъ посланъ для обученія греческому языку Обрюта, въ Царьградъ или на Аѳонъ, отвѣчаетъ всего прежде записъ въ Греческой посольской книгѣ; въ этой книгѣ отмѣчено, что Обрюта Михайловъ сынъ Грековъ отпущенъ былъ съ Москвы къ цареградскому патріарху учиться греческому языку и гра-

¹⁾ Архивъ Мин. Ин. Д. въ Москвѣ, Греч. пос. кн. № 1 л. 71. «Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церк.» I стр. 69. СПб. 1858 г. Проф. Терновскаго. «Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси.» II стр. 21. Кіевъ 1876 г.

²⁾ Греч. пос. кн. № 1 л. 72 и об.

мотъ съ купцомъ грекомъ Адріаномъ ¹⁾. Этотъ Адріанъ пріѣхалъ въ Москву съ грамотой къ царю отъ турецкаго султана въ 1550 г., а 8 марта 1551 г. отпущенъ былъ царемъ съ Москвы ²⁾.

Обрюта, въ мартѣ 1551 г. посланный въ Царьградъ, обучался греческому языку, какъ видно изъ грамоты Ивана IV къ цареградскому патріарху Іоасаѳу, преемнику Діонисія, писанной въ январѣ 1557 г., въ Царьградѣ. Царь писалъ преемнику патріарха Діонисія: «послалъ есми къ преже бывшему патріарху Діонисію учить грамотъ греческой и языку паробка своего Обрюту, и тыбъ его прислалъ къ намъ»; царь наказывалъ патріарху прислать Обрюту съ архимандритомъ суздальскаго Евѳиміева монастыря Феодоритомъ, котораго посылалъ въ Царьградъ за грамотою, подтверждавшею его царское вѣнчаніе ³⁾. Въ Москвѣ полагали, что Обрюта, посланный для обученія греческому языку въ мартѣ 1551 г., къ 1557 г. могъ окончить курсъ своего ученія. Отвѣтъ патріарха полученъ былъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1557 г. Патріархъ писалъ царю: «вѣрнаго твоего раба хотимъ послати къ тебѣ Феодора Михайлова Мамалаха; держали есмя его поучитись ему и наказатись ему и, подщався, научился отчасти Еллинской грамотѣ, во еже перевести ему грамоты, и какъ мы людей своихъ пришлемъ, и мы его пришлемъ» ⁴⁾. Патріархъ, извѣщая объ этомъ царя, просилъ его пожаловать «Михайловыхъ дѣтей Грекова царьскимъ жалованьемъ» и устроить ихъ «для Бога и нашего ради челобитья» ⁵⁾.

Изъ этой грамоты патріарха видно, что Обрюта, послѣ почти пятилѣтняго ученія въ Царьградѣ, научился «отчасти» греческому языку, такъ что могъ переводить грамоты. Въ патріаршей грамотѣ Феодоръ Михайловъ Грековъ названъ Мамалахомъ. Мамалаховымъ онъ названъ въ грамотѣ царя, посланной въ сентябрѣ 1558 г. къ цареградскому патріарху. Такъ какъ О. М. Грековъ, несмотря на обѣщаніе патріарха выслать его, не былъ въ Москвѣ еще въ сентябрѣ 1558 г., царь писалъ патріарху: «а что живетъ у тебя нашъ человекъ Обрюта Мамалаховъ, а уже де и языку вашему научился,

¹⁾ Тамъ же л. 71 об.

²⁾ Тамъ же лл. 37 и 67 об. Тур. пос. кн. № 1 лл. 392 и 394.

³⁾ Греч. пос. кн. № 1 л. 97.

⁴⁾ Тамъ же лл. 121 об.—122.

⁵⁾ Тамъ же лл. 124 об.—125.

и тыбъ его отпустилъ къ намъ часа того» ¹⁾). Царь спѣшилъ исползовать знаніе Обрюты.

Θ. М. Грековъ-Мамалаховъ, по возвращеніи въ Москву, былъ въ роли толмача. На него ссылался митрополитъ египетскій, въ 1562 г. привезшій Ивану IV соборную патріаршую грамоту о царскомъ вѣнчаніи. Митрополитъ говорилъ, что онъ приказывалъ царскому толмачу Ѳеодору Обрютѣ сказать его рѣчи митрополиту московскому Макарію ²⁾). Когда именно везвратился въ Москву Θ. М. Грековъ, изъ Греческой посольской книги не видно.

Θ. М. Грековъ былъ подданнымъ Ивана IV: царь его называетъ въ грамотѣ къ патріарху своимъ паробкомъ, а патріархъ въ грамотѣ къ царю—рабомъ его. Отправленъ былъ Грековъ для обученія греческому языку въ зрѣломъ возрастѣ: онъ былъ уже отцомъ семейства. Дѣти его, какъ можно заключить изъ приведенной выше грамоты патріарха къ царю, находились въ московскомъ государствѣ въ то время, когда онъ обучался въ Царьградѣ. Нѣтъ основаній думать, что разстался онъ съ своею семьею для добровольнаго обученія въ Царьградѣ. Не былъ ли Грековъ Мамалаховъ грекъ по происхожденію, и не потому ли онъ посланъ былъ въ Царьградъ? На мысль о греческомъ происхожденіи Обрюты можетъ навести русская его фамилія Грековъ и названіе цареградскимъ патріархомъ Мамалахъ, повторенное въ царской грамотѣ съ русскимъ окончаніемъ—Мамалаховъ. Но, если Грековъ и былъ грекъ по происхожденію, врядъ ли можно думать, что онъ свѣдушъ былъ въ греческомъ языкѣ до обученія этому языку въ Царьградѣ: послѣ почти пятилѣтняго пребыванія въ Царьградѣ въ роли ученика онъ «отчасти», по свидѣтельству патріаршей грамоты, научился греческому языку, но переводить грамоты могъ, а для этого его, слѣдуетъ думать, послали въ Царьградъ: московскому правительству надобны были въ сношеніяхъ съ православнымъ Востокомъ переводчики и толмачи.

За посылкою Обрюты въ Царьградъ для изученія греческаго языка, извѣстною изъ Греческой посольской книги, слѣдовала другая. Объ этой другой посылкѣ, уже двухъ московскихъ людей, узнаемъ изъ грамоты царя Ивана IV къ цареградскому патріарху Іереміи,

¹⁾ Тамъ же л. 147.

²⁾ Тамъ же л. 197 об. «Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церк.» Г стр. 116.

писанной въ сентябрѣ 1583 г. Изъ этой грамоты видно, что патріархъ жаловался на трудность обученія греческому языку двухъ присланныхъ къ нему московскихъ людей. «Писаль еси къ намъ, читаемъ въ царской грамотѣ къ патріарху, что прислали есмя къ тебѣ двоихъ робятъ Грязнушу Ушакова да Ѳедку Внукова для наученія греческого языку и грамотѣ, и ты ся за то имаешь, что ихъ тому промыслу учить съ великимъ трудомъ, что они возростомъ велики, а толко бы менши тѣхъ лѣтъ были, лѣтъ въ 10 или въ 12, и тѣхъ бы скорѣе въ наученье грамоты были, а тѣхъ нынѣ въ трудности великой учить и нужно есть страсть на нихъ положить, чтобъ они къ туркамъ не сбѣжали»... Царь отвѣчалъ патріарху въ сентябрѣ 1583 г. на грамоту, которая была писана никоимъ образомъ не ранѣе самаго начала 1583 г.: путь отъ Царьграда къ Москвѣ былъ не близкій и не легкій. Далѣе, патріархъ, какъ видно изъ царской грамоты къ нему, убѣдился въ великой трудности обученія Ушакова и Внукова, а для этого надобно было время; патріархъ даже успѣлъ познать настроеніе великовозрастныхъ «робятъ», о которомъ извѣстилъ царя: патріарху казалось, что ученики готовы сбѣжать отъ ученія къ туркамъ. Врядъ ли можно думать, что Ушаковъ и Внуковъ были посланы въ Царьградъ для науки позже середины 1582 г.; посылка ихъ можетъ быть отнесена ко времени болѣе раннему. Неуспѣшность присланныхъ учениковъ патріархъ объяснялъ тѣмъ, что они перерзѣли для ученія, и указывалъ царю, въ какомъ возрастѣ ученики болѣе воспріимчивы къ ученію. Въ грамотѣ патріаршей сквозить желаніе избавиться отъ присланныхъ учениковъ, патріархъ даже запугиваетъ царя своимъ опасеніемъ, что невольные ученики сбѣгутъ къ туркамъ, но царь не отказался отъ мысли обучить Ушакова и Внукова греческому языку. «Тыбъ, святѣйшій патріархъ, отвѣтилъ царь, велѣлъ ихъ (Ушакова и Внукова) грамотѣ и языку учить и того надъ ними велѣлъ беречи, чтобы они учились пристанно, а что будетъ ихъ нужда, и тыбъ ихъ велѣлъ покоити для насъ» ¹⁾.

Посылая грамоту къ патріарху съ настойчивымъ требованіемъ учить Ушакова и Внукова греческому языку, царь отправилъ сво-

¹⁾ Греч. пос. кн. № 2 лл. 29 об.—30. «Сношенія Россіи съ Востокомъ» I стр. 134.

его посланца Марка Сампсонова въ Царьградѣ съ милостынею и съ деньгами для невольныхъ учениковъ. Въ наказной памяти царскому посланцу читаемъ: «послано съ нимъ 30 руб. денегъ, и Марку тѣ денги отдати въ Царѣгородѣ ученикомъ, которые посланы къ патріярху для ученья греческіе грамоты: Грязнушѣ Ушакову 17 руб., а Ѳеткѣ Внукову 13 руб., а дать имъ передъ патріярхомъ, а патріярху говорить, чтобъ пожаловалъ ихъ патріярхъ и оберегъ и учить ихъ велѣлъ, а воли не давалъ» ¹⁾.

Умеръ Иванъ IV, но въ Москвѣ не забыли о посланныхъ имъ въ Царьградѣ ученикахъ. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ, отправляя своего посланника Бориса Благово къ турецкому султану въ августѣ 1584 г. съ извѣщеніемъ о смерти отца своего, послалъ съ Благово шубы и деньги Ушакову и Внукову. Въ Греческой посольской книгѣ записано: «Да съ Борисомъ же послано отъ государя къ Грязнушѣ Ушакову да къ Ѳеткѣ Внукову, которые учатца у патріярха греческой грамотѣ, по шубѣ бѣльей по хрептовой да по шубѣ по черевей челоуѣку да по 10 руб. денегъ». Передавая Ушакову и Внукову государево жалованье, Благово долженъ былъ, по наказу, сказать имъ, «чтобъ они училися греческому языку и грамотѣ съ радѣньемъ, пристойно, а не гуляли, и патріярхабы во всемъ слушали, чтобъ грамотѣ изучитись вскорѣ». Благово наказано было и «патріярху Еремѣю говорить отъ государя, чтобъ патріярхъ тѣхъ робятъ Грязнушу Ушакова и Ѳетку Внукова велѣлъ у себя учить греческой грамотѣ и языку съ радѣньемъ, и держать ихъ у себя въ наказанье, доколе научатца, и воли имъ не давалъ, а уча ихъ, прислалъ бы ко государю; а что ему въ ихъ ученье учинитца протору, и то велить государь ему заплатить» ²⁾.

Благово, въ бытность свою въ Царьградѣ, засталъ тамъ патріарховъ александрійскаго и антиохійскаго. Первый изъ нихъ прислалъ къ нему своего келейника съ рѣчью; съ этимъ келейникомъ былъ у Благово Грязнуша Ушаковъ въ роли, повидимому, толмача ³⁾. Въ грамотѣ своей, посланной царю до возвращенія Благово въ Москву, черезъ одного аѳонскаго старца, патріархъ александрійскій,

¹⁾ Греч. пос. кн. № 2 лл. 41 и об.

²⁾ Тамъ же л. 79 об.

³⁾ «Сношенія Россіи съ Востокомъ» I стр. 148 и 151.

между прочимъ, наставлялъ Ѳеодора Ивановича: «оберегатибѣ православной вѣрѣ, что наказателя учинити и училище уставилъ, чтобъ въ томъ училищѣ училися Елиинской учбы, чтобъ они многихъ божественныхъ книгъ научени были ко всей мудрости Божіей и православной вѣрѣ»¹⁾.

Какъ видно изъ грамоты царя къ цареградскому патріарху, писанной въ августѣ 1586 г., Ушаковъ въ то время еще находился въ Царьградѣ. Царь писалъ патріарху: «прежѣ сего посланъ во Царьгородъ для науки греческова языку человекъ нашъ Грязнуша Ушаковъ, и будетъ онъ греческому языку и грамотѣ наученъ, и тыбѣ, святѣйшій патрeархъ, того нашего человека Грязнушу отпустилъ къ намъ съ турскими купцы, которые пойдутъ въ наше государство; а будетъ онъ греческому языку и грамотѣ еще достаточно не наученъ, и тыбѣ, святѣйшій патрeархъ, велѣлъ его учить и тѣмъ бы намъ любовь свою оказалъ и, науча греческому языку и грамотѣ, къ намъ его отпустилъ»²⁾. О Внуковѣ, товарищѣ по ученію Ушакова, царская грамота умалчиваетъ. Не означаетъ ли это умолчаніе, что Внуковъ ко времени написанія царской грамоты умеръ въ Царьградѣ?

Ушаковъ и Внуковъ посланы были для обученія въ Царьградѣ никакъ не позже середины 1582 г., но ранѣ этого времени, и въ 1586 г. въ Москвѣ полагали, что курсъ обученія Ушакова греч. языку въ Царьградѣ могъ быть законченъ.

Греческія посольскія книги открываютъ двѣ посылки Иваномъ IV своихъ подданныхъ въ Царьградъ для изученія греческаго языка: Обрюты Грекова и Грязнуши Ушакова съ Ѳеодоромъ Внуковымъ. Изъ другихъ посольскихъ книгъ за время Ивана IV еще Шведская показываетъ, что по приказу царя двое его подданныхъ обучались шведскому языку съ тѣми же, слѣдуетъ думать, цѣлями, съ какими посылались паремъ Обрюта Грековъ и Грязнуша Ушаковъ съ Ѳеодоромъ Внуковымъ для изученія греческаго языка.

Въ 1573 г. между паремъ и шведскимъ королемъ возникла переписка изъ-за двухъ шведскихъ толмачей, знавшихъ русскій языкъ, которые были задержаны въ московскомъ государствѣ. Ко-

¹⁾ Греч. пос. кн. № 2 л. 107. «Сношенія Россіи съ Востокомъ» 1 стр. 157.

²⁾ Греческ. пос. кн. № 2 л. 175.

роль въ іюнѣ 1573 г. писалъ царю, что будетъ держать у себя гонца его до того времени, пока царь не отпустить «нашихъ служебниковъ и русскихъ толмачей Обрама Никулаева да Власка Пантелеева, кои у тебя въ твоей землѣ въ полону задержаны» ¹⁾. Царь отвѣтилъ королю, что оставилъ Николаева и Пантелеева «въ своемъ государствѣ поучити учениковъ, и одного толмача Власка Пантелеева не стало, а Обрамъ Миколаевъ учить у насъ дву учениковъ свейскому языку, а живеть безо всякіе нужи, а ваши толмачи прежь сего у насъ въ нашемъ государствѣ нашей русской грамотѣ учивались же, а часа того Обрамъ толмачъ отдѣлаетца, и мы его тогда къ тебѣ отпустимъ» ²⁾. Царю понадобились учителя шведскаго языка, и онъ задержалъ двухъ толмачей шведскаго короля, пріѣхавшихъ съ шведскими послами въ московское государство, отдавъ учителямъ по неволѣ невольныхъ учениковъ, числомъ двухъ потому, слѣдуетъ думать, что бѣльшее число толмачей, знавшихъ шведскій языкъ, не надобно было царю. Король отвѣтилъ Ивану IV, что послалъ своихъ толмачей въ московское государство съ своими послами, «а не твоихъ подовласныхъ дѣтей учить..., но аще хочеши нѣкоторыхъ твоихъ подовласныхъ дѣтей дати учитися свѣйскому языку, и ты того дѣла, какъ миръ будетъ, вели о томъ дѣлѣ договоръ учинити съ нашими намѣсники Выборскими, чтобъ они освободили нѣкоторыхъ твоихъ сюды въ нашу землю, которые умѣють (sic) учить языка того, а не противъ всякіе правды задержати нашихъ служебниковъ...» ³⁾.

Отпущенъ былъ съ Москвы шведскій толмачъ въ августѣ 1574 г. ⁴⁾. Съ нимъ царь отправилъ королю грамоту, въ которой, между прочимъ, писалъ, что Николаевъ, «будучи въ нашемъ жалованѣ безо всякіе нужи, робятъ нашихъ дву училъ, а самъ Обрамко (Николаевъ) учивался русской грамотѣ въ нашей же отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ». Царь извѣщалъ короля, что отпустилъ было Николаева ранѣе, и Николаевъ доѣхалъ до Орѣшка, но тутъ у него «выняли книги о нашихъ великихъ дѣлѣхъ и многіе наши родо-

¹⁾ «Сборн. Имп. Рус. Ист. Об.» т. 129 стр. 249.

²⁾ Тамъ же стр. 252.

³⁾ Тамъ же стр. 257.

⁴⁾ Тамъ же стр. 259.

словцы и иные наши многіе дѣла повымали у него, а Аврамъ, живучи въ нашемъ государствѣ, тѣ наши великіе дѣла краль ласучествомъ, и потому твой толмачъ Аврамъ дошелъ былъ до смертныя казни; и мы, какъ есть государи крестьянскіе, толмача твоего Аврама смерти казнити не велѣли есмя, то есмя учинили тебя дѣла, Аврама толмача къ тебѣ отпустили есмя...» ¹⁾. Московскимъ посламъ, въ 1575 г. отправленнымъ на съѣздъ съ шведскими послами, наказано было сказать, если бы шведскіе послы заговорили о задержаніи въ Москвѣ Николаева, что онъ «выписывалъ родство государя нашего и розряды» ²⁾.

Шведскій толмачъ, вздумавшей изучать царскій родословець, едва не заплатилъ за такую любознательность головою. Изученіе Николаевымъ именно царскаго родословца можетъ найти себѣ объясненіе въ томъ, что Иванъ IV, по старинѣ, требовалъ отъ шведскаго короля, чтобы тотъ сносился съ царскими намѣстниками въ Новгородѣ. Царь, на требованіе короля имѣть сношенія съ нимъ, а не съ намѣстниками его въ Новгородѣ, писалъ королю въ 1556 году: «на великомъ Новѣгородѣ сидятъ наши бояре и намѣстники *извѣстныхъ прирожденныхъ великихъ государей дѣти и внучата*, а иные Ординскихъ царей дѣти, а иные Полскіе короны и великого княжства Литовскаго братья, а иные великихъ княжствъ Тверскаго и Суздальскаго и иныхъ великихъ государствъ прироженцы и внучата, а не простые люди» ³⁾. О томъ же говорили въ 1557 г. шведскимъ посламъ въ Москвѣ, причемъ имъ сказано было «въ розсудъ, а не въ укоръ», что всѣмъ вѣдомо о государѣ ихъ, «которого онъ роду и какъ онъ животиною торговалъ и въ Свейскую землю пришелъ» ⁴⁾. Тоже говорили въ Москвѣ шведскимъ посламъ въ 1561 году и указывали, что ихъ «короля родъ розчитати не пригоже» ⁵⁾. Естественно, что у шведскаго толмача, которому такіе мотивированные отвѣты на требованія королемъ непосредственныхъ сношеній съ царемъ извѣстны были, явилось же-

¹⁾ Тамъ же стр. 263.

²⁾ Тамъ же стр. 289.

³⁾ Тамъ же стр. 20.

⁴⁾ Тамъ же стр. 39—40.

⁵⁾ Тамъ же стр. 92.

ланіе познакомиться съ царскимъ родословцомъ и разрядными книгами.

Царь въ своей грамотѣ къ королю писалъ, что толмачъ его Николаевъ учился русской грамотѣ въ Новгородѣ. Интересно, что пограничный Новгородъ намѣчался, какъ мѣсто обученія русскому языку, для подданнаго магистра прусскаго ордена во время государственнаго Василия III. Бывшій въ Москвѣ въ 1519 г. посоль магистрат прусскаго ордена просилъ, чтобы великій князь разрѣшилъ подданному магистрату Вулфсангу (Вулкану Погѣ) въ теченіе года-двухъ поучиться русскому языку въ Новгородѣ или Псковѣ у священника ¹⁾. Великій князь разрѣшилъ ²⁾ и велѣлъ послу своему, отправленному въ томъ же 1519 г. къ магистрату прусскаго ордена, привезти съ собою Вулфсанга и, если магистратъ пожелаетъ, чтобы Вулфсангъ учился русскому языку во Псковѣ, велѣтъ псковскому дьяку, извѣстному Мисюрю Мунехину, чтобы тотъ отдалъ Вулфсанга въ науку русскому языку «священнику добру или дьяку», а если бы магистратъ пожелалъ, чтобы Вулфсангъ учился въ Новгородѣ, великій князь велѣлъ отдать его тамъ въ науку тоже «священнику добру или дьяку» ³⁾. Гдѣ именно, въ Новгородѣ или во Псковѣ, обучался русскому языку Вулфсангъ, если магистратъ осуществилъ свое намѣреніе, изъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ прусскимъ магистратомъ не видно. Магистратъ для сношеній съ Василиемъ III нуждался въ толмачахъ и переводчикахъ, отсюда, повидимому, желаніе его обучить русскому языку своего подданнаго.

Греческія и шведскія посольскія книги показываютъ случаи обученія московскихъ людей греческому и шведскому языкамъ по приказу Ивана IV, вслѣдствіе, слѣдуетъ думать, надобности въ толмачахъ и переводчикахъ. Ученики къ ученію назначались.

Отъ времени царя Ѳедора Ивановича извѣстна изъ Турецкой посольской книги посылка московскаго челоуѣка въ Царьградъ для обученія греческому языку, по той-же, должно быть, причинѣ, по

¹⁾ С. И. Р. И. Обл. т. 53 стр. 96.

²⁾ Тамъ же стр. 100, 107 и 152.

³⁾ Тамъ же стр. 121.

которой посылались московскіе люди для обученія греческому языку при Иванѣ IV. О посылкѣ московскаго человѣка при Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ Царьградъ для изученія греческаго языка извѣстно изъ наказа, даннаго Д. И. Истленеву, отправленному съ Москвы посланникомъ къ турецкому султану въ срединѣ 1594 года. Въ этомъ наказѣ сказано: посланъ съ Д. И. Истленевымъ къ цареградскому патріарху Іереміи «для наученія греческому языку и грамотѣ малой Тараско Елизарьевѣ». Истленеву наказывалось, бывъ у патріарха, подать ему грамоту царскую и сказать, что по царскому указу посланъ къ нему «для наученія греческаго языка и грамоты малой Тараско Елизарьевѣ, и онъ бы тому малому велѣлъ у себя быти и греческому языку и грамотѣ велѣлъ его учить, а какъ того малого грамотѣ научать, и онъ бы того малого прислалъ со старцы или съ кѣмъ пригоже» ¹⁾.

Отъ той же второй половины XVI в. извѣстенъ случай добровольнаго изученія датскаго языка московскимъ человѣкомъ. Въ извлеченныхъ Ю. Н. Щербачевымъ изъ Копенгагенскаго государственнаго архива русскихъ актахъ находится грамота московскихъ пословъ, и въ ней показаніе объ одномъ русскомъ, отправившемся по своей волѣ въ Данію и для изученія языка. Грамота эта, датированная августомъ 1592 года, писана была датскому королю московскими послами, отправленными съ Москвы въ Колу для разграниченія. Московскіе послы писали, между прочимъ, королю, что подданный царя Петрушка Лукьяновъ, лѣтъ девять назадъ, выѣхалъ изъ царской отчины Колы «своею волею» для взысканія долга и «для науки нѣмецкаго языка» на кораблѣ съ Брабантскими купцами. Изъ грамоты московскихъ пословъ видно, что Лукьяновъ, «пашенной человѣкъ», сначала поѣхалъ въ Антверпенъ, а оттуда въ Данію («на кораблѣ съ Барабанцы съ торговыми людьми, а имянно съ Гансомъ Наблетомъ города Антрфа, тамъ заѣхалъ, а потомъ былъ у отца вашего королевскаго величества»). «Пашенной человѣкъ» за поѣздку въ Данію и съ цѣлью изученія языка не мало претерпѣлъ. Покойный датскій король, писали послы въ своей грамотѣ, велѣлъ Лукьянова отпустить въ московское государство, но погра-

¹⁾ Тур. пос. кн. № 3 л. 344 об.

ничный датскій чиновникъ возвратилъ его обратно въ Данію, и Лукьяновъ только послѣ многихъ мытарствъ возвратился въ Колу къ матери и братьямъ своимъ. Московскіе послы указывали королю, что «многіе» датчане пріѣзжаютъ въ московское государство для торговли, изученія русскаго языка «и всякихъ дѣлъ, живутъ по всѣмъ мѣстамъ въ поволности и во чти и въ береженьѣ лѣтъ по пяти и по шти и болши, и назадъ къ себѣ ѣздить безъ всякіе зацѣпки..., и вашебъ корелевское величество по тому же великого государя нашего людей, которые въ вашемъ государствѣ для торговли или науки нѣмецкаго языка замѣшкаютъ, неволити ничѣмъ не велѣлъ, а велѣлъ ихъ своимъ приказнымъ людямъ во государя нашего царского величества отчину отпущати безъ всякіе зацѣпки» ¹⁾).

Интересно такое предложеніе датскому королю со стороны московскихъ пословъ. Они, слѣдуетъ думать, имѣли основаніе полагать возможными поѣздки русскихъ людей въ Данію для изученія языка. Потребность въ знаніи датскаго языка для московскихъ людей всего прежде вытекала изъ торговыхъ сношеній съ Даніей ²⁾).

Но во второй половинѣ XVI в., кромѣ случаевъ изученія московскими людьми иностранныхъ языковъ по царскому приказу и по своей волѣ для веденія торговли съ иностранцами, былъ въ Москвѣ извѣстный случай изученія иностранныхъ языковъ изъ любознательности. О немъ въ своемъ «Дневникѣ» свидѣтельствуетъ Маскѣвичъ, бывшій въ Москвѣ въ смутное время. По словамъ Маскѣвича, бояринъ Ѳеодоръ Головинъ говорилъ ему о братѣ своемъ, который, имѣя большую склонность къ иностраннымъ языкамъ, тайно обучался нѣмецкому языку у одного нѣмца, жившаго въ Москвѣ; кромѣ того, братъ Головина нашелъ себѣ учителя латинскаго языка въ лицѣ одного поляка, также проживавшаго въ Москвѣ. Маскѣвичъ

¹⁾ „Русская Истор. Библіотека“ т. XVI стр. 275—278. Изд. Археограф. Ком. СПб. 1897 года.

²⁾ По своей ли инициативѣ, подъ вліяніемъ заключеній Лукьянова, московскіе послы просили датскаго короля не задерживать московскихъ людей, пріѣзжавшихъ въ Данію для изученія языка, или по наказу съ Москвы, изъ Датскихъ посольскихъ книгъ не видно.

свидѣтельствуеть, что видѣлъ собственноручные переводы брата Головина съ латинскаго языка на польскій и множество книгъ латинскихъ и нѣмецкихъ, доставшихся Ѳедору Головину по смерти этого его брата ¹⁾.

В. Савва.

¹⁾ „Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ“ II, стр. 50 и 55—56. Изд. 3. СПб. 1859 г. Маскѣвичъ не называетъ отчество Ѳедора Головина. Въ Шереметевской книгѣ показано, что Ѳедоръ Васильевичъ Головинъ сказанъ былъ окольничимъ при царѣ Васи́лѣ Шуйскомъ въ 7115 г. (1606—1607) и состоялъ въ окольничихъ при царѣ Михаѣлѣ Ѳедоровичѣ Романовѣ въ 1613 г. („Древн. Рос. Вивл.“ ч. XX стр. 82 и 88. Изд. 2. М. 1791 г.).